

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Всем хорошо известно правило метода, сформулированное Р.Декартом: "никогда не принимать ничего на веру, в чем с очевидностью не уверен". И раньше, и сейчас, оно является основным постулатом любой науки. Но с конца XIX–начала XX века сфера очевидного стала привлекать к себе внимание многих мыслителей, прежде всего философов. Так или иначе эту тему затрагивали Э.Гуссерль, М.Вебер, А.Шюц, Г.Гарфинкель, Дж. Г. Мид, Л.Витгенштейн, А.Лефевр, М.Бахтин, Н.Элиас, Ф.Бродель, Р.Барт, М.Фуко и другие. Все они стремились показать, что то, что полагается очевидным (как в науке, так и вне ее), конструируется социально, и тем самым возникает необходимость исследовать этот процесс конструирования: из чего, каким образом, с какой целью и т. д. Совершенно ясно, что здесь в очередной раз ставилась под вопрос сама возможность объективной науки вообще, а не только предпринималась попытка учесть нечто, неучтенное ранее.

Э.Гуссерль отмечал, что наука всегда имеет дело со сферой идеального, которое вряд ли уместно полагать очевидным. В своей борьбе с метафизикой, он призывал преодолеть разрыв между наукой и жизнью, а в результате вывел термин для обозначения "жизни" в своем понимании – *Lebenswelt* ("жизненный мир", "повседневность", "обыденная жизнь"). Таким образом понятием "повседневность", по Э.Гуссерлю, как раз и обозначалась сфера очевидного.

Близкой "по духу", по стремлению переосмыслить основания и методологию наук, в частности социальных, была концепция "понимания" М.Вебера. Он полагал, что нет ничего опаснее, чем смешение теории и истории, будь то в той форме, когда полагают, что в теоретических понятиях может быть фиксировано "содержание", "сущность" исторической действительности, или, наоборот, когда пытаются пробиться к "подлинной" действительности, познать и выразить идеи, стоящие "за потоком" явлений, что по существу, означает лишь "гипостазирование реальных сил" и оценочное (в этом смысле – произвольное, неконтролируемое) конструирование. Помимо общего генерализированного знания необходимо понимание мотивов действующих лиц. При этом, если актуальное понимание достигнуто, то вопрос о законах, схватывающих этот конкретный случай, не является таким уж необходимым, ибо из законов невозможно вывести конкретный случай и именно конкретный случай, а не законы, является единственной действительностью.

Очевидно, что понимание возможно лишь в едином смысловом поле. А.Шюц назвал эти смысловые поля "конечными областями значений", а П.Бергер и Т.Лукман – специфическими реальностями. При этом они интересовались в первую очередь тем, как одна из этих реальностей – повседневность – возникает и функционирует.

Важно отметить также интерес историков к проблеме повседневности. В частности ею интересовались авторы, сотрудничавшие с французским историческим журналом "Анналы" (основан М.Блоком и Л.Февром в 1929 году в Страсбурге). Ф.Бродель в 1938 году в статье "Большая длительность" выдвинул идею о том, что параллельно существуют время большой длительности, в котором пребывают устойчивые географические, биологические, ментальные структуры, медленные ритмы экономической конъюнктуры, демографических и политических процессов, происходящих со скоростью от одного до нескольких десятилетий, и быстрое время индивидов, фактов и событий. И эти социальные "времена" качественно существенно отличаются, и по описаниям одного "времени" нельзя судить о другом. Еще раньше историей повседневности занимался Й.Хейзинга (см. "Осень Средневековья") и др.

Так или иначе интерес к проблеме повседневности возник и нет причин, по которым он должен был бы в скором времени прекратиться.

Кое-что о понятии повседневности уже сказано. Академическое же определение таково: "жизненный мир — мир в его значимости для человека, конкретно-историческая основа взаимосогласованного опыта, intersubъективной идентификации любого смысла универсум складывающихся анонимно первоначальных очевидностей, априорных по отношению к логико-теоретическим схематизациям природы, культуры, жизни" [9, с. 103]. То есть "жизненный мир", "повседневность" — это та сфера опыта, где человек находится в ситуациях и взаимодействует с объектами, понятными для другого, и при этом находится в ней практически постоянно. Другие же сферы опыта не являются понятными и непроблематичными "для всех", а являются таковыми только для "профессионалов", "экспертов", которые имеют дело с ними по профессиональной или иной необходимости. К этим "другим" сферам опыта относятся, например, сфера домостроения и ремонта автомобилей, сфера религии и права, сфера медицины и правоохранительных органов и т.д. Уже говорилось, что все эти сферы опыта называют "конечными областями значений" или специфическими реальностями, но по сравнению с ними повседневная реальность является "высшей" реальностью, поскольку повседневная жизнь накладывается на сознание наиболее глубоко и невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие, в то время как с другими реальностями человек имеет дело лишь фрагментарно, изредка и не разделяет эти сферы реальности со всеми другими людьми (будь то реальности профессиональной деятельности или реальности сна). Каждая из реальностей обладает своим континуумом смысловых значений (классический пример — хлеб: "произведение кулинарного искусства" — для пекаря, "питательный продукт" — для диетолога, "тело господне" — для христианина и т.д.) То есть объект включен в разные знаниевые структуры, в которых знание об одном и том же объекте существенно различается. И только в сфере повседневного я знаю об объекте то же, что знает о нем другой. То есть в повседневности имеет место одинаковая интерпретация смысла чего бы то ни было всеми интерпретирующими, что является необходимым условием любой коммуникации.

В качестве существенного дополнения представляется необходимым привести некоторые оппозиции, характеризующие различие повседневного — неповседневного:

<i>Повседневное</i>	<i>Неповседневное</i>
привычное	непривычное
упорядоченное	неупорядоченное
близкое	далекое
по: зтное	непонятное
нормальное	патологическое
профанное	сакральное
ограниченное	истинное
общее	особенное
универсальное	партикулярное
массовое	элитарное

Подобное приведение характеристик повседневного и неповседневного весьма важно для понимания термина "повседневность" и в дальнейшем это различие полезно иметь в виду.

Уже отмечалось, что повседневность — это сфера, обеспечивающая коммуникацию. Собственно говоря, любая из "конечных областей значений" обеспечивает коммуникацию не только внутри себя люди, находящиеся в разных сферах опыта (например, автослесак и врач) практически не могут коммуницировать между собой, они говорят на разных языках, причем скорее даже в прямом, чем в переносном смысле. Для осуществления коммуникации им надо "перейти на язык повседневности", который в этом смысле универсален.

Для коммуникации, как для вообще любого взаимодействия, необходимо, чтобы участники понимали друг друга. Интересно, что самое "социологическое" определение

понимания дал весьма "далекий от социологии" философ – Л.Витгенштейн: "Понять – значит быть приведенным посредством языкового соглашения к правильному ожиданию" [7, с. 277]. Повседневность как "высшая" реальность предоставляет возможности понимания. Причем структура понимания такова:

1. Человеку ясно, что его партнер что-то говорит (выражает некоторое смысловое содержание).

2. Осуществляется конструирование смысла сообщения на основании знания значений слов и грамматических норм.

3. Понимание фразы или предложения как высказывания, как поступка.

Очевидно, что для находящихся в разных сферах опыта 2-й и 3-й уровни понимания недоступны. Знание, на основании которого можно ожидать чего-либо определенного от партнера отсутствует.

При этом действует принцип взаимозаменяемости точек зрения, когда каждый предполагает, что его партнер по взаимодействию определяет ситуацию так же как и сам я. Этот принцип по существу делает ситуацию объективной, неслучайно он используется и в науке: знание не должно зависеть от ситуации его получения.

Основным механизмом функционирования повседневности является типизация ситуаций, личностей, мотивов. Определяя нечто как типическое, человек получает возможность вступать с этим "нечто" в типичные, а следовательно, определенные, обычные, предсказуемые взаимоотношения ("Я знаю, чего мне следует ожидать от 'продавца', 'кондуктора', 'сантехника' и как мне себя вести при взаимодействии с ним".) Подобные типы в социологии интерпретируются как социальные роли, а в психологии они получили название "хронотопов". Важно отметить: процесс типизации в науке, по мнению исследователей повседневности, практически ничем не отличается от процесса типизации в повседневности (собственно, на выявление данного факта и направлено большинство подобных исследований).

Так или иначе, типизация служит "экономии мышления" (как, впрочем, и институционализация), поскольку отпадает необходимость рассматривать ситуации, личностей, мотивы как уникальные феномены, полагаясь каждый раз при этом на свое личное, субъективное знание. То есть происходит объективация феномена, а результат здесь: феномен определен, назван, объективен. И здесь именно язык выполняет функцию объективации, поскольку "язык 'делает наличными' для меня не только отсутствующих в данный момент людей, но и тех, кто относится к моим воспоминаниям и реконструируемому прошлому, а также людей будущего, представленным мной в воображении" [2, с. 69].

Кроме того, достаточно специфична и логика опознания типа. Эту процедуру называют абдукцией. Если в дедукции рассуждение развивается от посылки к следствию, то в случае абдукции – в противоположном направлении, то есть от следствия к посылке. Хороший пример приводит Л.Ионин: "нормальное дедуктивное суждение таково: 'Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен'. Здесь налицо логически необходимый вывод. В случае абдукции силлогизм приобретает следующую форму: 'Все люди смертны, Сократ смертен, следовательно, Сократ человек'. Может показаться, что здесь все нормально, но если вдуматься, то становится ясно, что вывод неправильный: из того, что Сократ смертен, вовсе не следует, что Сократ человек, ведь смертны и кошки, и собаки, и бабочки, и, может быть, деревья" [6, с. 96]. Абдукция – это на самом деле гипотеза и такая логика ее выведения используется в науке.

Таковы общие механизмы функционирования повседневного опыта, однако, возникают ситуации, нарушающие привычный ход вещей: нечто не отвечает предъявленным ожиданиям. Это значит, что тип определен неправильно и следует заново определить это самое "нечто". Иногда результатом подобного переопределения нечто определяется как тип, находящийся в ведении экспертов, например, типичная ситуация – сломался телевизор, следовательно, необходимо вызвать эксперта: в данном случае экспертом будет телевизионный мастер, а в случае чьего-либо "ненормального" поведения требуется вмешательство другого эксперта – психиатра.

Однако, следует заметить, что привычное определение экспертной деятельности как деятельности специфической, требующей особых знаний и опыта зачастую переоценивается. На самом деле эксперт – тоже человек и повседневность в его деятельности, в том числе профессиональной, играет далеко не последнюю роль, а во-вторых, эксперт имеет дело с ситуацией, уже диагностированной как требующая вмешательства именно этого эксперта, а здесь – “был бы человек, а “дело” найдется”, то есть ситуацию диагностирующую непрофессионалы и это также необходимо иметь в виду.

Оперирование всевозможными типизациями в повседневности дает большие возможности для ведения политической деятельности, в частности деятельности идеологической. Известно, что практически все идеологические доктрины используют достаточно большое количество различных типизаций, основной из которых является типизация социальной структуры. Введение в повседневный обиход той или иной типизации социальной структуры по большому счету означает победу той или иной идеологии, поскольку это является одним из первых шагов по легитимации идеологии как описания мира вообще социума в частности, что и является одной из основных функций идеологии. Таким образом, можно говорить о том, что политическая борьба на данный момент разворачивается на уровне символических значений, а средством и результатом ее является использование и приобретение символической власти.

В качестве примера можно привести тот факт, что оплата той или иной профессиональной деятельности зависит в том числе и от названия профессии, а не только от количества затраченного труда. В этом смысле выглядит весьма неудачной идея переименования кафедры “социальных технологий” в кафедру “прикладной социологии”. Таким образом, указанный пример говорит о действенности “власти номинации”, о которой говорил П.Бурдьё, то есть механизме, когда общепринятое название претендует на то, что то, что названо тем или иным “именем”, на самом деле становится таковым. Здесь можно привести два примера: все мы знали в свое время, что Каутский – “ренегат”, а Троцкий – “оппортунист”, во-первых, а во-вторых, некий класс (“класс в себе”), будучи названным охарактеризованным как “пролетариат”, действительно стал реальной политической силой (“класс для себя”) – как раз по Марксовой формулировке: “идея, овладевшая массами становится материальной силой”. Тем самым принятие типологии (казалось бы, “словесная”, символическая операция) ведет к появлению вполне реальной политической силы. Кроме того, приобщение к идеологическому знанию представляется для части людей весьма привлекательным, поскольку такое знание может пониматься ими как знание особенно специфическое, истинное, сакральное, элитарное (смотреть оппозиции повседневного и неповседневного) и идеологии не упускают возможности воспользоваться выгодами такого понимания. Те же самые механизмы называются используются и в рекламе: продается не сам товар, а его торговая марка, символическая упаковка – и именно это как раз и покупается.

В заключение можно сказать, что интерес к проблеме повседневности отнюдь не праздный и не случайный, напротив, значение исследований в данной области весьма велико, поскольку их предметом является то, что в сущности и составляет живую ткань взаимодействий.

Литература:

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995.
3. Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.
4. Гудков Л.Д. Метафора и рациональность. – М.: Русина, 1994.
5. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994.
6. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1996.
7. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1990.
8. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990.
9. Современная западная философия: Словарь. – М.: Политиздат, 1991.

ДИСКУРС "ВЛАСТИ" В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МЕСТНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

С обретением украинскими СМК формальной независимости от государства, в их продукции возник специфический дискурс "власти", занявший в ней место, которое в советское время занимали решения и руководящие указания партии и правительства. Тематическая структура современных теленовостей местных телеканалов продолжает сохранять традиционную схему иерархии тем (по убыванию значимости): политика, экономика, культура, спорт, а политические темы раскрываются прежде всего в рамках дискурса "власти". Это связано с произошедшими за последнее время изменениями общественных отношений собственности и власти, перераспределением собственности и власти в обществе, а также наблюдающимися изменениями в ценностно-нормативной сфере (например, формировании ценности "успеха", метафора которого – власть и деньги). С другой стороны, как свидетельствуют культурологические исследования, переживание власти как сакральной сущности является одним из самых устойчивых элементов традиционного сознания. Мифологический характер такого образа власти предопределяет постоянный интерес к этой теме у массовой аудитории, а с другой стороны – возможности актуализации в массовом сознании таких полярных типов отношения к власти, как "трепет восхищения" или "отрицание отчаявшихся".

Новейшие социологические исследования социального пространства города выделяют две взаимосвязанные тенденции в отношениях общества и власти. Самооценки респондентами своего социального положения свидетельствуют об углубляющемся разрыве между социальными группами по признаку обладания властью [1, с. 86]. В то же время, наблюдается рост негативной социальной напряженности у представителей нижней части социальной пирамиды (а это – около 70% всего населения) по отношению к группам – носителям власти и высокого уровня жизни [1, с. 164].

Нам представляется, что фиксируемая социологическими исследованиями самооценка респондентами своего "социального самочувствия" в определенной степени сформирована под воздействием поля символов и значений, транслируемых СМК. Особое значение в данном контексте приобретает специфика дискурса "власти". Здесь мы выявляем две четкие тенденции употребления означающего "власть" (или "власти") в текстах СМК: тематизирующего (маркирующего) и кодирующего. В первом случае слово "власть" занимает место названия издания или программы, заголовка, наименования темы или рубрики. Опираясь на феномен популярности темы власти, о чем было сказано выше, журналисты в данном случае наполняют понятие "власти" конкретным содержанием, детализируют и дифференцируют его, тем самым разрушая мифический образ власти как высшей сакральной сущности. Вторая тенденция употребления означающего "власть" связана с необходимостью сжатия информации и, в то же время, обеспечения семантической связности текстов СМК. Так, описывая действия властных институтов или их представителей, авторы текста заменяют номинацию конкретного подразделения словом "власти". В исследуемых нами текстах теленовостей такая замена достаточно часто происходит в таких категориях текстов-новостей, как вводка, комментарии и оценка. Таким образом, действия конкретных управленческих и властных структур тематизируются как проявления власти как таковой, архетипический образ власти оживляется и конкретизируется.

Преобладание второй тенденции (кодирования) в использовании означающего "власти" в текстах теленовостей обнаружено нами и при анализе текстов сообщений местных теленовостей ("Новости" Агентства телевидения "Новости", г. Харьков). Первона-

чальный словарь именных выражений с референцией различных подразделений института исполнительной власти, а именно они чаще всего обозначаются в текстах массовой коммуникации как "власти", непосредственно осуществляющими управленческие функции в обществе, составил 42 позиции. При анализе частоты встречаемости этих именных выражений в массиве текстов 380-ти выпусков новостей словарь сократился до 25 позиций (Таблица 1). Место означающего "власти" в ранжированном по убыванию частоты встречаемости словаре имен властных структур подтвердило наши предположения о специфике использования означающего "власть" в текстах местных теленовостей: оно встречается более двух раз в каждом выпуске. В то же время, Верховный Совет упоминается один раз в 2 выпуска, областная администрация и горисполком – более чем один раз в каждом выпуске, кабинет министров – в одном из пяти выпусков новостей, областной совет – приблизительно один раз в месяц.

Таблица 1

1	2	3
Власти	737	0,5
Областная администрация	664	0,2
Администрация	633	0,29
Милиция	503	0,12
Областная администрация	306	0,18
Горисполком	282	0,31
Райотдел милиции	258	0,13
Прокуратура	252	0,21
Верховный Совет	218	0,5
Городские власти	182	0,65
Местные власти	168	0,54
Горсовет	160	0,13
Кабмин	122	0,28
Кабинет Министров	103	0,41
Областные власти	86	0,56
Арбитражный суд	52	0,58
Верховный суд	52	0,65
Городской совет	50	0,14
Мэрия	36	0,22
Администрация президента	31	0
Украинский парламент	10	0,67
Областной совет	10	0,25
Местная администрация	7	0,75
Районный Совет	1	0

1 - именные выражения с референцией институтов власти и управления;

2 - общее количество употреблений именного выражения в массиве;

3 - коэффициент агентности для данного именного выражения.

Еще одна особенность дискурса власти на местном телевидении состоит в преобладающем приписывании стоящим за соответствующими означающими действующим лицам активной семантической роли, что выявляется при грамматическом анализе текстов. Грамматический уровень анализа текстов массовой коммуникации используется для выявления направленности сообщений, так как синтаксис предложений отражает распределение семантических ролей, приписываемых авторами текстов участникам событий [2, 125]: роли агенса или пассива. Агенса характеризуется как участник и намеренный инициатор ситуации, непосредственно исполняющий соответствующие действия [4, с. 17], а пассив – как участник ситуации, претерпевающий воздействия, объект манипуляции [4, с. 17].

369]. Мы ввели понятие "коэффициент агентности", определяющееся как отношения количества употреблений исследуемых означающих в роли агенса к общему числу их использований в массиве текстов. В Таблице 1 представлены также значения коэффициента агентности для каждого именного выражения. Для именного выражения "городские власти", этот коэффициент составляет 0,65, то есть оно более чем в два раза чаще используется в активной семантической роли, нежели в зависимой. Для именного выражения "власти" — 0,50. Это свидетельствует о том, что именно власти и их действия привлекают основное внимание журналистов и выступают в их интерпретации как активное, волевое, детерминирующее начало.

Дискурс власти на местном телевидении рассматривался нами и на уровне тематической организации отдельного выпуска [5]. Позиция автора текста сообщения (в целом — негативная по отношению к описываемым мерам властей) характеризовалась как размытая, слабо аргументированная, излишне эмоциональная. В контексте отношений власти и самих СМК (в данном случае — негосударственного телевизионного агентства), такие характеристики текстов сообщений могут быть объяснены следующим образом. Формально независимые от официальной власти, но находящиеся в собственности конкретных лиц или корпораций, СМК транслируют (или вынуждены транслировать) позицию своих владельцев. При этом они пытаются сохранить признаки независимости, объективности и беспристрастности как необходимые условия доверия аудитории. Влияние на перечислявшиеся выше характеристики политически окрашенных текстов местных СМК оказывает и культура кулуарности, "подковровых игр" в функционировании власти, и ограниченность находящихся в распоряжении местных СМК ресурсов, в том числе образовательных и культурных.

Различность социальных позиций, рождающая множественность интересов и интерпретаций действительности, в "отражении" (как настаивают сами журналисты) местных СМК принимает формы вялого недовольства властью, по своей природе далекой от интересов "простого народа", недоступной для его контроля, использующей "интересы государства" как прикрытие своих собственных целей.

Создание и поддержание в публичном медиатизированном пространстве [3] смыслов и значений, характеризующих власть как сакральную сущность, происходит на фоне процессов дискредитации позитивного образа действующей власти в связи со сложностями экономической модернизации и социальной трансформации. Все это способствует активизации в массовом сознании представления о власти прежде всего как нависшей ступени социальной иерархии, обеспечивающей ее обладателей личное благосостояние и недоступный для большинства членов общества уровень жизни.

Такое восприятие власти оказывается небезопасным не только для тех, против кого направлены конкретные разоблачительные или критические материалы, но и для устойчивости общества в целом и предсказуемости поведения социальных групп. Охарактеризованное выше представление о власти лишает значительную часть общества способности воспринимать позитивно свою роль в формировании власти, свое участие в выборах. Срабатывают стратегии и лозунги, включают отрицание существующего курса, радикальную критику власти: так реагирует "маленький человек", мстящий власти за переживаемые тяготы и унижения, благо, ситуация тайного голосования дает ему такую возможность.

Литература:

1. Изменения социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации. — Харьков: Основа, 1997.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989.
3. Thompson, J.B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. — Cambridge: Polity Press, 1995.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
5. Сорoka Ю.Г. Социальный смысл тематической организации выпуска теленовостей // Вестник ХГУ. Социология. — 1997. — №393. — С. 235-238.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Средства массовой информации в современном обществе играют решающую роль во влиянии на массовые представления во всех сферах жизнедеятельности общества, особенно в сфере политики. Массовое политическое сознание включает в себя совокупность представлений о политических процессах, имеющих место в обществе, обусловленных общностью, единовременностью и массовостью процессов перестройки общественной жизни. Развитие демократических институтов в бывшем СССР нашло свое выражение в митингах, демонстрациях, всенародных обсуждениях, выборах, в которые были вовлечены миллионы простых сограждан. Вследствие этих процессов в принципе стало возможным становление гражданского общества, приоритетами которого являются равные политические права граждан и согласованность оценок по различным вопросам, касающимся политической жизни. В этой ситуации пресса играет особую роль, поскольку ее свобода – залог сохранения демократии.

Монополия государства на использование прессы в качестве инструмента идеологического воздействия утратила свою актуальность, во-первых, в связи с видоизменением государственной системы средств массовой информации, что было результатом политики гласности и отмены идеологической цензуры в СССР, во-вторых, бывшая государственная монополия в области общедоступной прессы была фактически ликвидирована, поскольку в настоящий момент данная сфера открыта для коммерческой эксплуатации.

Но нельзя не заметить, что хотя большинство печатных органов обрели политическую независимость и не контролируются больше государством, они не стали свободными. В данной ситуации прямое идеологическое воздействие замещается пропагандистской функцией, цель которой – преобразования массовых политических представлений в соответствии с желаниями политических субъектов. Ее действие проявляется в формулировании тех или иных проблем, в навязывании массам определенного видения мира, что достигается с помощью использования аудиовизуальных приемов или мастерства журналистов. В настоящее время "Последствия журналистских публикаций стали настолько значительными, что пресса рассматривается в качестве главной ставки в политике" [1]. Вследствие чего, с одной стороны, налицо ангажирование прессы, с другой – организация политическими субъектами собственных печатных органов.

Демократия как форма государственно-политического устройства предусматривает защиту свободы прессы от влияния со стороны политической власти; оказание экономической поддержки прессе, на основании того, что пресса – основа функционирования демократического общества. Либерализация экономики, ведущая к тому, что газета трансформируется в предприятие, которое может быть куплено любым платежеспособным субъектом, а также институционализация демократических выборов позволяют представителям политических партий, движений и правительству использовать прессу как пропагандистский инструмент.

Процесс формирования "демократической прессы" в странах СНГ, в том числе и в Украине, прошел несколько этапов. Первоначально пресса выступала самостоятельным экономическим и, соответственно, идеологическим субъектом, когда журналисты могли свободно высказывать свое мнение относительно политических процессов или политичес-

Ковальчук Олена Павлівна – викладач кафедри методики і техніки соціологічних досліджень Харківського держуніверситету (т.: 45-76-70);

Рябінська Наталія Сергіївна – студентка IV курсу соціологічного факультету Харківського держуніверситету

ких деятелей, деятелей партии. Издания поддерживались через читательские предпочтения, которые находили свое выражение в подписке на те или иные периодические издания. Таким образом, подписка была своеобразным инструментом формирования общественного мнения с одной стороны, с другой стороны, была элементом гражданского общества, поскольку в поддержке тех или иных изданий находила свое выражение принципиальная гражданская позиция; пресса делегировалась гражданами как институт, представляющий общественное мнение.

В ходе развития демократических институтов процесс выборов в органы власти стал не только реальным в политической жизни граждан, но и неотъемлемой частью их политического сознания, а не просто процедурой, предписанной свыше. В этой ситуации политические субъекты осознали необходимость воздействия на политические представления граждан. Это стало возможным, когда за каждой политической или финансовой группой может быть "закреплен" свой печатный орган.

Примером тому могут служить президентские выборы в России в 1996 году, когда налицо было противоборство демократической и коммунистической прессы. Первоначально противостояние было сугубо политическим. Однако, демократические силы зачастую использовали неадекватные демократическим процедурам методы, когда в ходу были грязные обвинения и предвзятая информация, отпускаемая в адрес политических противников, а также ангажирование прессы, что привело, с одной стороны, к победе демократических сил на выборах, с другой — способствовало манипулированию массовым политическим сознанием, что является недопустимым фактом, противоречащим идеалам гражданского общества. Результатом противодействия коммунистическому "лагерю" стала не только победа на политическом фронте, но и окончательное распределение печатных органов между финансовыми группами, в эпоху "войны компроматов".

Вследствие сформировавшегося на сегодняшний день манипулятивного подхода в руководстве общественными процессами, жесткого мышления "сверху", веры во всемогущество системы сегодня не идет речи о становлении гражданского общества. Массам навязывается определенная картина мира, импонирующая существующей власти. Политическая реальность — это не только то, что происходит на политической сцене на самом деле, но и то, как происходящее подается в прессе и воспринимается читателями. Те, кто контролирует и формирует информационные потоки, как в буквальном смысле (журналисты), так и в переносном — по праву собственности, влияют на настроения людей, и более того, манипулируют общественным мнением, предопределяя политическое поведение масс.

В качестве объекта, иллюстрирующего "заинтересованность" политиков во влиянии на массовое политическое сознание посредством прессы была избрана газета "Голос Украины" [3]. Газета является печатным органом Верховной Рады Украины, выходит каждый день, кроме воскресенья и понедельника, на русском и украинском языках. При анализе газеты авторами был использован метод контент-анализа. Поскольку речь идет о непосредственном влиянии власти на формирование массового сознания в политической сфере, выдвинута гипотеза о моделировании положительных представлений о высшем законодательном органе посредством издания "Голос Украины". В работе проведен анализ публикаций в период с 1 апреля 1998 года по 23 февраля 1999 г. с целью рассмотреть информационную ситуацию в "межвыборном" временном промежутке. Фиксировалось количество публикаций на передовицах газеты, освещающих и оценивающих работу Верховной Рады, правительства, премьер-министра, президента Украины. Отдельно подсчитывалось число статей, несущих негативную, критическую оценку указанных субъектов власти. Понятия "Верховная Рада", "Президент", "премьер-министр", "правительство" выступают единицами анализа соответствующими смысловой категории "власть". По сути, вышеуказанная газета, является печатным органом законодательной ветви власти и должна представлять широкому читателю информацию "из первых уст". Однако, сравнительный анализ публикаций указывает на тот факт, что зачастую Верховная Рада представляется "достойной" оппозицией Президенту и правительству в сложившейся кризисной ситуации.

Так, за указанный период число публикаций, посвященных работе Президента, составило 19,7% (136), из них в 62,9% (73) – исполнительные органы власти и премьер-министр подвергнуты острой критике. С деятельностью правительства и премьер-министра газета связывает, в частности, такие негативные явления в стране, как задолженности по пенсиям и зарплате, кризис национальной валюты, забастовки шахтеров и учителей и т.д. Число статей, посвященных работе Верховной Рады, составляет 55% (380). В числе них критических – 2,8% (11), большинство из которых – замечания в адрес отдельных народных избранников в небольшой рубрике “Спросите у депутата”. Как правило, статьи освещающие деятельность парламента, носят информативный характер, хотя не редкость публикации под заголовком типа “Законодательная власть – сердце государства”, “Основа демократии”, “Мы честно работали”. Возможен и такой заголовок: “Все депутаты – люди слова”. Приведенный пример свидетельствует о недискурсивности гражданского диалога. Тот “демократический контроль”, который предлагает своим читателям “Голос Украины” – это процедуры типа “вызова на ковер” в Раду премьер-министра и членов правительства, критика с позиции старшего, стоящего на страже интересов народа. В ходу “выставление оценок”, отеческие поучения типа: “неуд” властям от средней школы”, “научитесь говорить людям правду, – посоветовали депутаты членам правительства”, шутки типа: “плохому танцору мешают деструктивные силы”. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что по сути газета “Голос Украины” является ведомственным печатным органом, поскольку выражает взгляды одной из ветвей власти, хотя изначально должна соотноситься с общественным мнением.

Политическая власть над прессой действует также посредством экономической, поскольку общенациональные газеты перешли в руки промышленно-финансовых групп и стали экономически зависимыми от рекламодателей. Пресса обладает значительным влиянием, потому что является главной ставкой в политической борьбе, что позволяет называть ее “четвертой властью”. Но в то же время это влияние всяческим образом контролируется со стороны политических сил, например, “многие социальные актеры, в особенности принадлежащие к господствующему классу, считают прессу слишком серьезным делом, чтобы доверять ее одним только журналистам” [1].

Таким образом, на сегодняшний день в Украине существует несколько рычагов воздействия на прессу. С одной стороны – это манипулирование прессой посредством экономических механизмов, с другой – воздействие на прессу с помощью модифицированных номенклатурно-административных методов, а рядовые граждане, вследствие экономических трудностей, не могут посредством собственного выбора (подписки или приобретения) того или иного периодического издания влиять на политические процессы. Представленный факт – одна из причин, мешающих становлению основ гражданского общества в Украине.

Литература:

1. Шампань П. Двойная зависимость: несколько замечаний по поводу соотношения между полями политики, экономики, журналистики. Socio-logos-96. Сборник статей. – М., 1996.
2. Голос Украины с 1.04.1998 по 23.02.1999.

ВИБОРЧА СИСТЕМА УКРАЇНИ: ІНСТИТУЦІОНАЛЬНІ ТА ПОЛІТИЧНІ ЕФЕКТИ (на прикладі парламентських виборів 1998 р.)

Виборча система як один з механізмів функціонування політичної системи за висновками політологів є також і тим мінливим інструментом, що дозволяє корегувати (формувати та оновлювати) політичні відносини, що складаються між головними політичними акторами та створювати умови, сприятливі для дій цих політичних акторів. Електоральна формула має значний вплив на формування моделі партійної системи. Тому структура партійного змагання, що складається, багато в чому зобов'язана вибору того чи іншого типу виборчої системи та електоральної формули зокрема. Цей вплив стає вирішальним в умовах, коли партійні системи перебувають ще у процесі свого формування. Тобто мова йде про так званий електоральний інженерінг, головні напрямки якого викладені Дж.Сарторі у праці "Політичний розвиток та політичний інженерінг" [1]. Дискусії, що ведуться у руслі електорального інженерінгу, спрямовані більше у проблемне поле можливостей та меж його використання, ніж у проблемне поле інституціональних та політичних наслідків того чи іншого типу виборчого режиму.

Майже всі країни посткомуністичного розвитку, що знаходяться на теренах Європи та колишнього СРСР, пройшли чи проходять шлях вибору більш придатної та ефективної виборчої системи. Цей вибір обумовлен тим рівнем консенсусу, який склався між "правлячими" групами старої та нової політичних генерацій. Мабуть очевидним є і те, що ці групи вже переходять на новий рівень "політичної дії", коли метою для них стає не тільки і не стільки переобрання на новий строк та перебування при владі, а переобрання з метою проведення політики, яка є для них бажаною. Умовами для досягнення цієї мети – проведення власної політики – стає, по-перше, максимізація представництва (за рахунок нових електоральних правил), по-друге, максимізація посад (за рахунок мінімізації представництва опозиції), по-третє, максимізація влади (за рахунок першого та другого).

Очевидним стає і те, що такий рівень "політичної дії" можуть опанувати власне партійні актори. Тому природним виглядає перехід багатьох посткомуністичних країн до виборчих систем, що базуються або на чисто пропорційній основі, або з наявністю пропорційної частки. Які наслідки такого переходу? Загально відомо, що перехід до пропорційної системи в Польщі призвів до фрагментації партійного поля та появи більше сотні дрібних партій. Виборчий закон, що діяв в Україні з 1993 р. на засадах 2-х турової системи абсолютної більшості, сприяв приходу на парламентську арену незалежних нотаблей та появи коаліцій, які ґрунтуються на територіальному фундаменті, що пізніше у публічній риторичі стали називати кланами – дніпропетровський, київський, донецький тощо.

Подальший розвиток політичного процесу вимагав координації дій та, звісно, окремих поступків з боку як партійних, так і незалежних політиків, які вже піднімалися на рівень партійної "політичної гри". Результатом цих довгих дискусій та торгів стало прийняття так званої змішаної виборчої системи. Цей перехід був важким і тривалим та супроводжувався критикою з боку різних політичних сил щодо нового виборчого закону. Зараз, коли вже відбулися вибори за цією системою, можна ретельно проаналізувати ті політичні ефекти, до яких призвів перехід до змішаної виборчої системи та апробації нової електоральної формули.

Змішану виборчу систему, до якої перейшла Україна, ще називають "незв'язаною змішаною" системою – *mixed disconnected electoral system* [2, с. 103]. Мова йде про те, що ця

система комбінує у собі характеристики двох головних принципів формування парламентського представництва – пропорційного принципу та принципу більшості. Але "незв'язаність" цих принципів на практиці приводить до різного роду політичних ефектів. Спробуємо дослідити ці ефекти.

Перед тим, як перейти до характеристики особливостей "незв'язаної" змішаної системи, звернемось до практики так званих "зв'язаних" змішаних систем. Виборча система, яка діє у сучасній Німеччині, є прикладом такої системи. До речі, на цей випадок дуже часто звертають свою увагу апологети змішаної системи, не вдаючись до нюансів, які їй притаманні. Суть електоральної формули полягає в тому, що половину мандатів у німецькому бундестазі отримують ті, хто був обраний в одномандатних виборчих округах за системою відносної більшості, а інша половина – за списочною пропорційною системою. Але існує і свій нюанс: кількість отриманих партією "пропорційних" мандатів зменшується в залежності від її успіху в одномандатних округах. Незважаючи на те, що одна партія отримала 10% голосів за пропорційною системою та 10% мандатів за системою більшості, а інша – ті ж 10% і жодного мандату, вони виборюють собі рівне представництво [2, с. 104]. Тобто німецька виборча система є прикладом наявності зв'язку між двома електоральними формулами, що також сприяє побудові ланцюжка між депутатом та виборчим округом, якого нема за суто пропорційної системи.

Якщо звернутися до нової виборчої системи, яку було прийнято в Україні, то ми маємо відсутність будь-якого зв'язку між половиною мандатів, що розподіляється за системою відносної більшості та половиною, що розподіляється за пропорційним принципом у загальнодержавному окрузі. Далі ми зробимо спробу окреслити підсумки використання цієї системи для окремих політичних сил та визначити політичні ефекти цієї системи загалом.

Методологічним підґрунтям для нашого дослідження став аналіз головних змінних, що виступають характеристиками виборчих систем. За прийнятою в Україні змішаною системою кожен виборець має два голоси: один голос він повинен віддати за політичну партію і таким чином прийняти участь у визначенні пропорційної частини депутатського корпусу, а інший – за конкретного кандидата (процедура базується на принципі простої більшості), і таким чином прийняти участь у визначенні мажоритарної частини парламентського корпусу.

Головні змінні, які були використанні під час аналізу:

$P(\%)$ – кількість мандатів (або частка місць), які отримала партія за пропорційним принципом;

$M(\%)$ – кількість мандатів (або частка місць), які отримала партія за мажоритарним принципом;

$V(\%)$ – кількість голосів, яку отримала кожна окрема партія;

$R(\%)$ – реальна частка місць, що отримала партія за результатами виборів у парламенті [3].

Розрахунки змінних V , P , M , R були зроблені по кожній з 8 партій, які подолали 4% бар'єр (таблиця 1).

Таблиця 1

Політична партія/блок	$P(\%)$	$M(\%)$	$R(\%)$
КПУ	37,3	15,6	39,8
НРУ	14,2	5,8	15,3
СПУ-СелПУ	12,8	2,7	11,1
ПЗУ	8,4	0	6,2
НДП	7,5	4,4	9,1
"ГРОМАДА"	7,2	6	7,8
ПСПУ	6,3	1,8	5,2
СДПУ(о)	6,3	0,9	5,5

Таблиця 1 демонструє частку мандатів, яку отримали політичні партії за пропорційним принципом (Р) та принципом простої більшості (М). Очевидним є те, що певні дивіденди принесла змішана система КПУ, яка зайняла перше місце як за пропорційним, так і за мажоритарним принципом. Одним з технологічних прийомів, що використала партія на виборах, було розведення кандидатів-списочників та тих, що балотувалися по одномандатних округах. Аналіз цієї тактики приводить до таких висновків: по-перше, це достатня впевненість КПУ у виваженості своєї тактики та рентабельності власних ресурсів, по-друге, домінуючим ресурсом на електоральному полі був власне партійний ресурс, тобто кандидати по мажоритарних округах репрезентували себе як партійні актори, а не як незалежні особи, по-третє, перемога КПУ свідчить про наявність протестних інтенцій у більшості виборців, оскільки електоральна риторика партії носила більше популістський, ніж програмноідеологічний характер.

На другому місці за кількістю мандатів, які отримала партія у мажоритарних округах та у загальнонаціональному, знаходиться НРУ. А на третє місце вийшла НДП. Це показник дії мажоритарного принципу, який сприяв тому, що місцеві нотаблі, часто виступаючи як "незалежні" кандидати, змогли досить ефективно використати адміністративні ресурси на власну користь. Були також випадки ефективного використання економічного капіталу окремими підприємцями та бізнесменами за латентної підтримки з боку партії.

Переможцем від введення пропорційного принципу можна вважати ПЗУ, яка всі свої мандати отримала у багатомандатному окрузі. Блок СПУ-СелПУ отримав за підсумками виборів по багатомандатному округу майже у 5 разів більше мандатів, ніж по одномандатним округам. Цей блок, на відміну від КПУ, використовував тактику, яка мала більше прогматично-ідеологічний напрям. Та частка місць, яку за пропорційним принципом отримали ПСПУ та СДПУ(о), значно перевищує частку місць, які дістали партії за мажоритарним принципом (зокрема у СДПУ(о) вона більше у 7 разів), тобто пропорційний принцип більше сприяв успіху цих партій на виборах. Про ефект опозиційності, що мав місце у даному випадку буде зазначено нижче.

Далі зупинимось на так званому ефекті представництва. Відомо, що на предствництво впливає тип електоральної формули, що використовується, та рівень фрагментації партійного поля. Для розрахунку коефіцієнта переваги (advantage ratio) використовується відношення відсотка місць до відсотка голосів, що їх отримала партія на виборах:

$$A = P(\%) / V(\%)$$

Якщо партія дістає менше мандатів, ніж вона повинна отримати за пропорційним принципом, то А знаходиться в інтервалі (0;1). Якщо навпаки, то $A > 1$. Розрахунки наведені у таблиці 2.

Таблиця 2

Політична партія/блок	Р (%)	V (%)	A (%)
КПУ	37,3	24,68	1,51
НРУ	14,2	9,4	1,51
СПУ-СелПУ	12,8	8,54	1,49
ПЗУ	8,4	5,46	1,53
НДП	7,5	4,99	1,5
"ГРОМАДА"	7,2	4,68	1,53
ПСПУ	6,3	4,04	1,55
СДПУ(о)	6,3	4,02	1,56

Отже виборчий порог у 4% не став перешкодою до зменшення партійної фрагментації, а метод найбільших залишків, що використовувався при розподіленні зайвих мандатів, сприяв партіям, що набрали менше голосів порівняно з іншими. Але бачимо, що коефіцієнт переваги в середньому на рівні 1,5.

Наступним кроком в алгоритмі дослідження був розрахунок змінних для партій колодержавних (А) та опозиційних (В). Колодержавною виступала так звана у політичній риторичі "партія влади" – Народно-демократична партія (А). Серед опозиційних ми відокремили ті партії, що показали кращий порівняно з іншими результат. Цих партій було дві – Комуністична партія України (В1) та Народний Рух України¹ (В2). Необхідність виділення цих двох партій була обумовлена тим, що вони, не зважаючи на те, що перебувають в опозиції до влади, додержуються диференційованих ідеологічних схем. Кількісні розрахунки інших 5 партій були взяті разом (таблиця 3).

Таблиця 3

Політична партія/блок	V (%)	P (%)	M (%)	R (%)
A*	4,9	7,5	4,4	9,1
B1	24,7	37,3	15,6	39,8
B2	9,4	14,2	5,8	15,3
C	26,8	41	11,4	35,8

Політична конкуренція на виборах була структурована за ознакою опозиційності, яка носила різновекторний характер: проти економічного курсу, проти політичного режиму, проти форми правління тощо. Однак мажоритарна частка все ж зіграла свою роль: більшість "незалежних" кандидатів у новому парламенті вступила до фракції НДП, і таким чином вона стала другою за чисельністю після КПУ фракцією у законодавчому органі. Це свідчить про наявність у партії різного типу політичних ресурсів, серед яких можна виокремити (за моделлю Алмонда та Фленегана [4]): інституціональні, ресурси впливу та ресурсні засоби примусу.

Перехід на рельси партійної структуризації, коли формування фракцій у парламенті відбувається на чисто партійній основі в умовах незв'язаності мажоритарного та пропорційного принципів, призвів до ситуації "поляризованого плюралізму". Відбувається не лише зміщення політичного процесу до партійного поля, але й реальні спроби налагодити та запустити механізм партійної дії. З одного боку, партії, що подолали 4% бар'єр беруть на себе відповідальність за парламентське структурування, а з іншого – ті, парламентарії, які були обрані в одномандатних округах не можуть брати участь у роботі цього механізму, бо не мають потрібних важелів. Тоді у цьому випадку постає дилема парламентської структуризації: як вона повинна відбуватися за умови наявності мажоритарної половини та переходу до партійного механізму? Дуже важливим сьогодні є також питання про те, що перехід до такого механізму може привести до нового роду протистоянь: на якому рівні будуть прийматися рішення – на рівні партій чи фракцій; якщо на рівні партій, то яку вагу буде мати голос безпартійного кандидата; а якщо кількість безпартійних буде вагомою, то яка роль буде відводитися партії? Таким чином, бачимо, що протистояння між законодавчою та виконавчою владами може бути ускладнено ще й протистоянням усередині законодавчого органу.

Одним з прикладів такого протистояння стали вибори голови ВРУ. Зміщення центру впливу від фігури голови до узгоджувальних структур на фракційній основі ставить питання про зміни вже в інституціонально-правовому полі: зміни в регламенті ВР щодо нової процедури обрання голови та його заступників, зміни в Конституції щодо повноважень голови законодавчого органу тощо. Але це проблемне поле вже виходить за межі даної статті і потребує окремого аналітичного дослідження.

¹ НРУ розглядається як партія опозиційного табору не на основі ступеню опозиційності (міру відповідності програмних положень основам конституційного порядку), а як сила, що мала тактику дистанціювання від влади, що й було зафіксовано у партійному дискурсі під час електорального періоду.

Абревіатури, використані у статті:

- КПУ – Комуністична партія України
- НРУ – Народний Рух України
- СПУ-СелПУ – блок Соціалістичної та Селянської партій України
- ПЗУ – Партія зелених України
- НДП – Народно-демократична партія
- ПСПУ – Прогресивна соціалістична партія України
- СДПУ(о) – Соціал-демократична партія України (об'єднана)

Література:

1. Sartori G. Political Development and Political Engineering. – J.D. Montgomery and A.O. Hirshmann (eds.), Public Policy. Vol. 17. Cambridge – 1968.
2. Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: "смешанные несвязанные" избирательные системы в новых демократиях // Полис. – 1997. – № 3. – с.103.
3. Taagepera R., Shugart M., Seats and Votes: The Effects and determinants of Electoral Systems. New Haven. – 1989.
4. Almond G. et al. Crisis, Choise and Change. – 1972.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ В УКРАИНЕ

Социологический анализ экономических проблем развивается в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, разрабатывается специальная социологическая теория, теория среднего уровня – экономическая социология, или социология экономических отношений. Это, как известно, одна из самых молодых отраслей социологии: ее признание в мировой науке произошло лишь во второй половине 50-х – начале 60-х годов нашего столетия, прежде всего в связи с появлением классических работ Т.Парсонса и Н.Смелзера.

Сложно переоценить значение для развития экономической социологии в Украине обобщающего труда по этой дисциплине [1], авторами которого выступили такие ведущие специалисты, как В.М.Ворона, В.Е.Пилипенко, В.И.Тарасенко, А.Г.Арсеенко, Э.А.Гансов, В.С.Казаков, В.А.Поддубный, И.М.Попова. В нем изложены в систематизированном виде научные знания о социальных факторах экономической жизни общества, социальной направленности его хозяйственной деятельности, социальных институтах и механизмах функционирования и развития экономики, ее социальных субъектах, экономическом поведении индивидов и различных социальных общностей. Освещены подходы к анализу и оценке социально-исторических типов экономики. Охарактеризованы теории управления развитием отечественного предпринимательства, методологические и методические проблемы оценки социальной эффективности экономического поведения.

Одновременно анализ экономической проблематики является неотъемлемой составной частью общесоциологической теории. Это направление анализа также получило определенное развитие в отечественном социологическом знании [2]. Мы сосредоточиваем свои исследовательские усилия именно на анализе экономических проблем как звена общей социологической теории. В этом контексте, по нашему мнению, ключевым выступает ет понятие социального института.

Несмотря на то, что развитие институционального подхода начиналось одновременно со становлением социологии как самостоятельной дисциплины (вспомним хотя бы Г.Спенсера) и оставалось одним из центральных течений в социологическом теоретизировании XX века, единая трактовка категории "социальный институт" в мировой науке отсутствует. Совпадение взглядов ограничивается лишь самыми общими моментами. Так, социальный институт трактуется как система норм (правил поведения) при достижении некоторой цели или осуществлении деятельности, расцениваемой людьми как важная; структурированные процессы, посредством которых группы и индивиды стремятся осуществлять свою деятельность. Р.Бирстедт (Bierstedt) выразил это таким образом: "Коротко говоря, институт ... является определенным, формализованным и регулярным способом делания чего-либо". Однако, например, Л.Брум (Broom) и Ф.Селзник (Selznick) включают в это понятие и процесс, и группу: "На языке социологии институтом может быть группа или социальная практика, Республиканская партия или тайное голосование". А.П.Хортон (Horton) и Ч.Хант (Hunt) ограничивают понятие института систематизированным набором убеждений и способов действия, а для обозначения соответствующей группы используют термин "ассоциация". Подытоживая, П.Хортон и Ч.Хант дают такое определение: "Институт – это организованная система социальных отношений, которая воплощает определенные общие ценности и процедуры и удовлетворяет определенные основополагающие потребности общества" [3, pp. 198-199].

Аналогичная ситуация сложилась с характеристикой социальных институтов в отечественной социологии. И здесь налицо поразительный разноречивый суждений и оценок. Подытоживая состояние анализа данного понятия, украинский специалист В. И. Тарасенко утверждает, что социальный институт предстает в социологии как "весьма пестрое социальное образование: определенный тип совместности, общности; единство деятельности и общественных отношений; нормативная система; совокупность организаций, заведений и учреждений, закрепляющих, регулирующих и трансформирующих на общество функционирующую в рамках института деятельность и социальные отношения. Ему присущи как системные, так и агрегатные свойства, проявление которых зависит от степени сформированности самого института" [4, с. 31]. И к нынешнему моменту ситуация в данной области исследований принципиально не изменилась.

По нашему мнению, дорогу результативному анализу преследует концепция социального института, развиваемая в украинской социологии Ю.А.Чернецким [5]. Согласно данному подходу, социальные институты складываются и функционируют на уровне отдельной культуры, особого государственного образования, общества в целом. Мы согласны с тем, что социальный институт можно кратко определить как относительно устойчивую модель поведения людей и организаций в определенной сфере общественной жизнедеятельности. Правомерно говорить о возникновении социального института, когда на основе какой-либо общественной функции или целостной совокупности функций обособляется сфера специализированной деятельности и складывается присущий ей комплекс социальных статусов, соответствующих ролей и норм поведения. Одновременно четко оформляются большие социальные группы, связанные с функционированием данного института, а также институциональные общности (например, в народном хозяйстве — совокупный работник, в высшей школе — академическое сообщество и т.п.). Развитие социального института регламентирует жизнедеятельность охватываемых им малых групп (таких, например, как брачный союз, семья) и стимулирует возникновение особой системы организаций.

Считаем, что вполне правомерно говорить об общественном производстве и — шире — об экономике как особом социальном институте. Общественное производство охватывает три наиболее крупных отрасли — сферы материального производства, духовного производства, социальных и политико-правовых услуг [6]. Характеризуя социальный институт экономики, в дополнение к отраслям общественного производства необходимо рассматривать функционирование домохозяйств.

Экономика государства, в свою очередь, представляет собой совокупность более мелких социальных систем, до определенной степени институционализированных. В Украине сегодня особое значение приобретает реформирование социального института собственности. Это обстоятельство признают и политические деятели. Например, советник Президента Украины доктор экономических наук А.С.Гальчинский подчеркивает, что на предыдущих этапах развития нашей страны широкое распространение получила так называемая неформальная приватизация, породившая псевдособственников — лиц, которые не имеют формально юридических прав собственности, но фактически владеют предприятиями и организациями, используют их имущество и получаемые доходы в личных целях. Постоянно укрепляющее свои позиции сословие псевдособственников превратилось в настоящее время в наиболее влиятельную и в то же время самую консервативную силу общества, которая блокирует углубление реформ [7].

Другая острая проблема рыночной трансформации социального института экономики в Украине обусловлена давней особенностью отечественного экономического сознания. Его специфика состоит в том, что все хозяйственные организации воспринимаются как имеющие главной целью максимизацию прибыли. Парадоксально, однако этот "рыночно-экстремистский" подход сложился и закрепился в период "ограниченного использования" товарно-денежных отношений в рамках "планово-социалистической" экономики, в 60-80-е гг. Между тем передовая рыночная экономика предполагает существование наряду

ду со стержневим, коммерческим сектором, который формируют фирмы (в привычном отечественном варианте – предприятия), т. е. организации, чьей главной целью выступает получение прибыли, также сектора некоммерческих, неприбыльных организаций.

Подытожим все вышеизложенное: ключевым социальным механизмом прогрессивной трансформации экономики Украины должна выступать адекватная институционализация подлинно рыночных начал.

Литература:

1. Економічна соціологія: Навч. посібник. – К., 1997.
2. См., напр.: Якуба О.О. Соціологія. – Харків, 1996.
3. Цит. по: Horton P.B., Hunt C.L. Sociology. – 5th ed. – N.Y. etc., 1980.
4. Тарасенко В. И. Социология потребления: методологические проблемы. – К., 1993.
5. См., напр.: Чернецкий Ю.О. Вища школа як соціальний інститут: Автореф. дис. ... д-ра соціол. наук. – Харків, 1994.
6. Подробнее см.: Чернецкий Ю. А. Высшее образование в рыночной экономике. – М., 1991.
7. Зеркало недели. – 1999. – 23 января. – С. 7.

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Современное украинское общество продолжает переживать переходный период — нестабильный исторический процесс, в ходе которого происходит его трансформация из тоталитарного состояния в демократическое. Данный процесс осложняется тем обстоятельством, что общество претерпевает тройную трансформацию — политическую, экономическую и социальную. То, что это длительный и очень болезненный процесс как для всего общества в целом, так и для каждого отдельного индивида, — мы убеждаемся ежедневно.

Происходящие перемены многообразны и многолики. Это объясняется прежде всего тем, что социальная система — целостный организм, состоящий из взаимосвязанных и взаимозависимых частей, обладающий сложнейшим механизмом функционирования и развития, ее состояние само по себе не однородно и представляет собой обобщенный результат состояний многих компонентов и их взаимодействия. В то же время объем и глубина наблюдаемых ныне в Украине и др. постсоветских странах социальных процессов подтверждает и тот факт, что современное общество — это, по сути, перманентный и бесконечный процесс изменений, представляющих собой последовательность социальных событий. В этом аспекте можно согласиться с утверждением П.Штомпки: "... общество (группа, общность, организация, национальное государство) может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит (случается), предпринимаются какие-то действия, протекают какие-то процессы, что-то меняется... ведь жизнь — ни что иное, как движение, стремление и изменение. Когда движение, изменение отсутствует, нет и жизни, наступает смерть" [1, с. 27].

Социальная напряженность — одна из наиболее важных категорий, необходимых для понимания и анализа социальных изменений, и прежде всего, изменений внутри системы. Любое изменение невозможно представить без разного рода напряженностей, тем более это верно для таких процессов как трансформация и модернизация общества. В подобные периоды наблюдаются значительные колебания (как резкие подъемы, так и спады) уровня социальной напряженности, так как в периоды масштабных и глобальных изменений каждый индивид сталкивается как с изменениями внешних условий существования, так и с более значительными и потому более болезненными изменениями — ценностно-нормативными.

Смена общественных целей привела к сумятице в настроениях и ориентациях основной массы граждан, к переоценке сложившихся ранее идеалов или по крайней мере к их модификации. Становление новых форм и способов организации совместной жизнедеятельности сформировало новые потребности (как материальные, так и духовные), интересы, индивидуальные мотивы поведения, социальные нормы, жизненные ценности и приоритеты. Будучи в свою очередь неустойчивыми, не до конца сформировавшимися, они зачастую находятся в противоречии друг с другом, так как, с одной стороны, в силу большой инертности массового сознания в нем еще продолжают сохраняться старые догмы, устоявшиеся ориентации и предпочтения, старые стереотипы поведения (например, о всеобщем патернализме со стороны государства, ранее сложившиеся критерии справедливости и т.д.), а с другой, — в сложившейся социальной реальности, как правило, "желания" весьма далеки от "возможностей", существует и весьма ощутимый дефицит ресурсов (политических, экономических, социальных и т.п.) Таким образом, в современном украинском обществе, находящемся на пути становления и развития качественно новой системы социальных отношений, испытываю-

щем кардинальные перемены фактически во всех сферах, реально и стабильно наблюдается "тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы" [2, р. 71]; т.е. социальная напряженность, которая сегодня очень часто преодолевает действие механизмов социального контроля и тогда общество сталкивается с более или менее сильными компонентами иррационального поведения со стороны его членов. "Напряжение — отмечает Парсонс, — проявляется в некоторой совокупности признаков, симптомах возмущения (disturbance), демонстрирующих психологические приметы иррациональности. Эти признаки и приметы распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения (anxiety), демонстрируя нереалистические тенденции в том и другом отношении... Обязательно в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего состояния общества, идеализации прошлых состояний, надежды положения status quo, которое будет очищено от источников неудовлетворенности... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения в институализации социальных структур" [3, р. 75]. Последствия напряжения непредсказуемы, однако оно может привести 1) либо к социальному взрыву, 2) либо перейти в маргинальные формы (рост преступности, насилия, аморализм и т.д.), 3) либо привести к интеграции и консолидации общества для решения общих проблем, обеспечивая тем самым конструктивное развитие общества.

Очевидным является факт, что само напряжение — следствие постоянно идущего потока изменений, а реально существующая в Украине социальная напряженность — закономерная реакция населения на социальные изменения (на их характер, темпы, направление, последствия и т.д.). Харьковский регион, в частности, не исключение. Результаты социологического исследования, проведенного социологическим факультетом ХГУ при участии автора в марте 1998 г. (рук. — доц. В.Н.Николаевский) (выборка репрезентативная районированная трехступенчатая, опрошено 937 жителей г.Харькова старше 17 лет) с целью изучения социально-политической ситуации в г.Харькове накануне выборов в Верховную Раду Украины и местные органы власти, подтверждают это.

Анализ полученных данных позволяет отметить, что в сложившейся ныне ситуации человек оказался перед лицом многих напряженностей и неудовлетворенностей, которые по мере своего нарастания, все больше приобретают форму политических конфронтаций и противоборств. Это самым непосредственным образом сказывается на настроениях населения. Накануне выборов практически каждый третий житель Харькова (29,5%) испытывает возмущение и гнев, каждый четвертый — равнодушие (24,7%), для 18,6% горожан были характерны страх и отчаяние, а для 7,6% — эмоциональное возбуждение и лишь 7,7% уверенно и спокойно, а 11,9% с оптимизмом смотрели в будущее. При этом настроения дифференцируются по полу, возрасту, роду занятий, материальному положению. Так для мужчин более характерны возмущение и гнев (30,6%), но вместе с тем больше оптимизма (12%) уверенности и спокойствия (10,6%); женщины — более равнодушны (26,12%), значительная их часть испытывает страх и отчаяние (22,39%). С возрастом оптимизм, уверенность, спокойствие падает, а страх, отчаяние, возмущение и гнев растет. Оптимизм присущ, главным образом, руководителям предприятий и организаций (25%), предпринимателям (23,4%), студентам (22,97%) и домохозяйкам (22,92%); уверенность и спокойствие — предпринимателям (25,53%); равнодушие — студентам (36,49%), разнорабочим (33,33%), специалистам гуманитарного профиля (30,95%), служащим (28,93%); страх и отчаяние — пенсионерам (27,21%), безработным (26,32%), руководителям предприятий и организаций; в состоянии возбуждения и гнева находились 46,15% военнослужащих, 41,18% пенсионеров, 35,06% специалистов технического профиля, 33,33% специалистов гуманитарного профиля и разнорабочих. Обнаружено, что накануне выборов оптимизма было больше у "нищих" и "малообеспеченных", т.е. тех, кто оценивает свое материальное положение и материальное положение своей семьи как такое, что "денег не хватает даже на покупку самых необходимых продуктов" (20,7%) и "вся зарплата расходуется на приобретение продуктов питания и необходимых недорогих вещей" (54,1%), для них же в большей мере были характерны

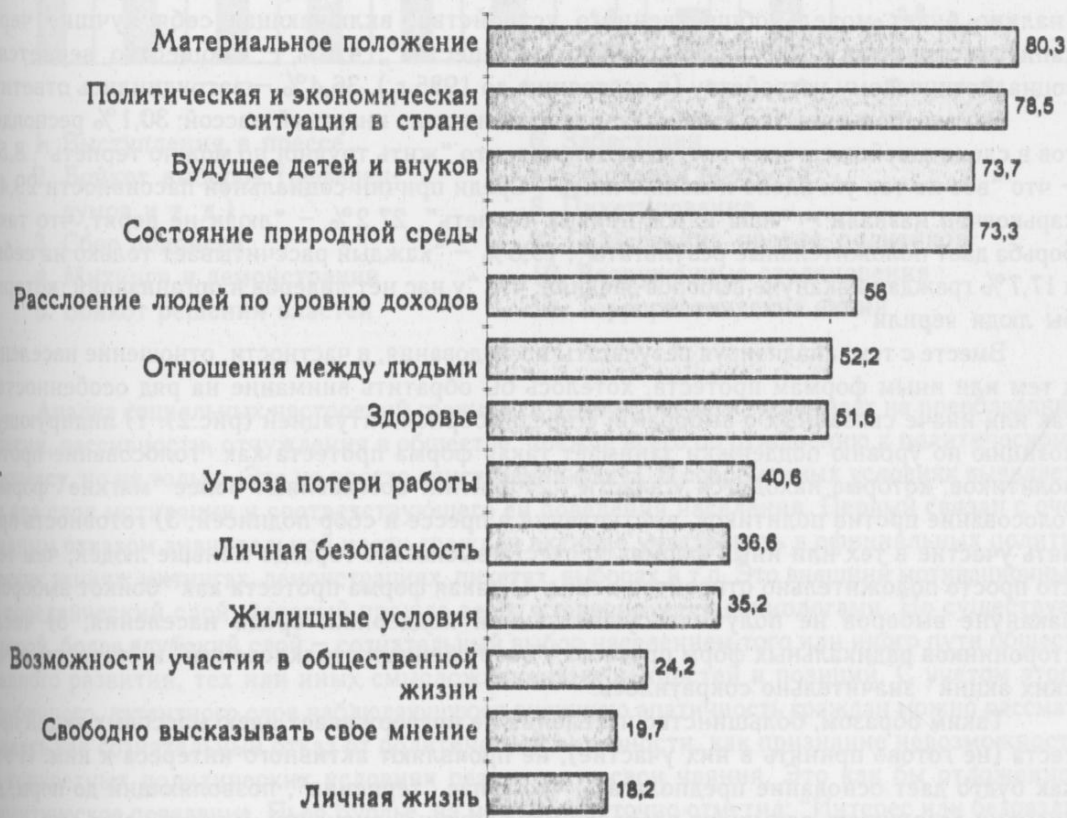
страх, отчаяние и возмущение, гнев (64,7%, 31,8% соответственно для "нищих" и 61,2%, 33,3% соответственно для "малообеспеченных"); а уверенности — среди тех, у кого "вся зарплата расходуется на приобретение продуктов питания и необходимых недорогих вещей" (38%) и тех, у кого "в основном денег хватает" (33,8%).

Исследование показало, что накануне выборов харьковчане больше всего были не удовлетворены: своим материальным положением и материальным положением своей семьи (80,3%), политической и экономической ситуацией в стране (78,6%), будущем детей и внуков (73,7%) (рис. 1).

Нельзя отрицать тот факт, что накопление значительной части отрицательных эмоций у населения идет за счет продолжающегося обвального падения уровня жизни, материального благосостояния большинства на фоне растущего богатства немногих: 44,4% жителей города считает, что "денег не хватает даже на покупку самых необходимых продуктов", 40,6% — что "вся зарплата расходуется на приобретение продуктов питания и необходимых недорогих вещей", 10,9% — что им "в основном денег хватает" и только 3% живут обеспеченно, а 0,3% могут позволить себе все. Причины хорошо известны: невыплаты и задолженности по зарплатам, пенсиям, пособиям, стипендиям и т.п., сокращения, безработица. Так 24,7% ответивших респондентов получают зарплату "крайне нерегулярно" (задержки более 3-х месяцев), 30,8% получают зарплату с существенными задержками (1-3 месяца) и лишь 15,9% горожан получают зарплату регулярно; 40,6% среди ответивших обеспокоены угрозой потери работы.

Рисунок 1

Неудовлетворенность горожан различными сторонами жизни (в %)

Неудовлетворенность политической и экономической ситуацией в стране неслучайно занимает в рейтинге второе место. Это не в последнюю очередь связано с предвыборным периодом, с избирательной кампанией, которая в момент проведения опроса достигла своего апогея. Люди требуют не просто изменений, а изменений к лучшему. Общественное мнение стабильно фиксирует негативное отношение к властям всех уровней, неудовлетворенность, недоверие к ним: 51,3% горожан считает, что "терпеть наше бедственное положение уже невозможно"; 43,6% уверены, что страной управляет мафия, лишь 11,3% – что президент, 8,4% – правительство, 7,9% – церковь, 6,7% – руководители предприятий и 5,7% – Верховная Рада, а каждый четвертый харьковчанин вообще затрудняется дать ответ на этот вопрос. Накануне выборов по мнению 11% респондентов вывести страну из кризиса сегодня могут только левые партии (коммунисты, социалисты и т.п.), по мнению 8% жителей города – предприниматели, на правительство и президента возлагают свои надежды, соответственно, 7,1% и 4,9%, ставку на Верховную Раду в этом вопросе делают только 4,7% из числа ответивших респондентов, 39,1% затруднились ответить.

В целом, по мнению 36,3% населения за последние полгода напряженность в г. Харькове обострилась, 36,4% считает, что она не изменилась и лишь 3,3% – что напряженность снизилась. Политическую обстановку в городе накануне выборов 44% харьковчан оценили как напряженную, 18,6% – как спокойную, а 14,1% – как критическую.

"Будущее детей и внуков" традиционно стабильно входит в тройку проблем, наиболее волнующих респондентов [4, с. 171-172; 5, с. 163]. Это свидетельствует об отсутствии уверенности населения в сегодняшнем дне и перспективах на будущее. Неслучайно накануне выборов на вопрос, о том, какой будет Украина через 5-10 лет, потенциальные избиратели ответили так: 32% – "ничего не изменится", 14,6% – "в Украине восторжествует общество, включающее худшие черты и капиталистического, и социалистического общества", 6,5% – "в Украине будет построен капитализм", 5,3% – "налицо будет модель общественного устройства, включающая себя лучшие черты капиталистического и социалистического общества", 4,1% – "общество вернется к социалистическому устройству (к состоянию до 1985 г.)", 36,4% – затруднились ответить.

Однако, большинство ныне остается сравнительно инертной массой: 30,1% респондентов в сложившейся сегодня ситуации думают, что "жить трудно, но можно терпеть", 8,5% – что "все не так уж плохо и можно жить". Среди причин социальной пассивности 29,4% харьковчан назвали – "наш народ привык терпеть", 27,2% – "люди не верят, что такая борьба дает положительные результаты", 19,5% – "каждый рассчитывает только на себя", а 17,7% граждан накануне выборов заявили, что "у нас нет лидеров и организаций, которым бы люди верили".

Вместе с тем, анализируя результаты исследования, в частности, отношение населения к тем или иным формам протеста, хотелось бы обратить внимание на ряд особенностей так или иначе связанных с выборами, с предвыборной ситуацией (рис.2): 1) лидирующую позицию по уровню поддержки занимает такая форма протеста как "голосование против политиков, которые находятся у власти"; 2) рейтинг возглавляют более "мягкие" формы протеста: "голосование против политиков, выступления в прессе и сбор подписей"; 3) готовность принять участие в тех или иных формах протеста высказало гораздо меньше людей, чем те, кто просто положительно относится к ним; 4) такая форма протеста как "бойкот выборов" накануне выборов не получила существенной поддержки среди населения; 5) число сторонников радикальных форм протеста: "вооруженных столкновений" и "террористических акций" значительно сократилось.

Таким образом, большинство населения не поддерживает идею массовых акций протеста (не готово принять в них участие), не проявляют активного интереса к ним. И это как будто дает основание предполагать, что запас "терпения", позволяющий до поры, до времени сдерживать взрывную разрядку конфликтных ситуаций, у власти еще есть.

Но это далеко не так. Исследователи, регулярно и внимательно анализирующие социальную обстановку, знают – дело обстоит значительно сложнее и тревожнее. Поток

циальных изменений безжалостно трансформирует все элементы социальной системы, в том числе и ее членов. Маргинализация общества, аномия, дезорганизация, диссоциализация, утрата четкой самоидентификации, десоциализация и т.п., фиксируемые ныне социологами у большей части населения, являются теми процессами, которые непосредственно влияют на социальную напряженность, ее уровень. Это влияние выражается сегодня в нарастании латентной составляющей социальной напряженности. Думается, исследование именно этих процессов представляет существенный интерес для исследователей, занимающихся этой проблемой.

Рисунок 2

Отношение горожан к формам протеста (в %)

1. Выступления в прессе
2. Бойкот выборов (референдумов и т. д.)
3. Сбор подписей
4. Митинги и демонстрации
5. Бойкот решений властей
6. Забастовки
7. Голодовки протеста
8. Пикетирование
9. Голосование против политиков
10. Вооруженные столкновения
11. Террористические акции

Анализ социальных настроений граждан, в первую очередь, указывает на преобладание апатии, пассивности, отчуждения в обществе, прежде всего по отношению к политическому процессу, но не только. Это не просто констатация факта. В современных условиях выявляются два слоя мотивации и соответствующего ей поведения населения. Первый связан с очевидным отказом значительной части граждан активно участвовать в официальных политических акциях: митингах, демонстрациях, пикетах, выборах и т.п. Это внешний мотивационный и поведенческий слой, который прежде всего и фиксируется социологами. Но существует второй, более глубокий слой — сознательный выбор населением того или иного пути общественного развития, тех или иных смысловых ценностей и позиций. С учетом этого глубинного, латентного слоя наблюдающуюся внешнюю апатичность граждан можно рассматривать как сознательный отказ от политической активности, как признание невозможности в конкретных политических условиях реализовать свои чаяния. Это как бы отложенное политическое поведение. Пьер Бурдьё, на мой взгляд, точно отметил: "Интерес или безразличие к политике можно было бы понять лучше, если бы мы умели видеть, что тяга к исполнению политической "власти" (власти избирать, рассуждать о политике, заниматься полити-

кой) находится в зависимости от реальности получения этой власти, а безразличие к ней если угодно, есть лишь демонстрация бессилия" [6, с. 110]. Таким образом, отчуждение от политики обусловлено во многом или даже главным образом не тем, что граждане апатичны и не хотят принимать участие в политическом процессе, а выражает накопленные неудовлетворенности и негативной политической энергии, взрывоопасной и разрушительной это выражение протеста на то, что власть нивелирует интересы основных социальных групп, что в свою очередь отражается в слабой репрезентации этих интересов в решениях принимаемых властью, т.е. выражения протеста на ситуацию в стране в целом. По данным нашего исследования только 22,1% граждан интересовались информацией о выборах регулярно, практически ежедневно, подавляющее же число (55%) – от случая к случаю. Только 22,5% харьковчан воспринимали выборы как "возможность граждан повлиять на ход происходящих изменений в стране". Большинство горожан (56,8%) согласилось с тем, что выборы – это "пустая трата государственных средств и времени граждан", 48,7% воспринимают выборы как "периодическое (раз в 4 года) проявление внимания и любви власти к народу", а 47,4% – только как "время, когда появляются новые политики". Накануне выборов в Верховную Раду Украины 63,8% респондентов высказали мнение, что люди участвуют в политической борьбе исключительно "ради наживы, они думают только о себе" и лишь 13,2% верили, что кандидаты в народные депутаты Украины "действительно хотят реально помочь, что-то сделать для страны, города, района"

То, что скрытая социальная напряженность не менее опасна, чем открытое выражение неповиновения, показали и последние выборы в Верховную Раду, когда для значительной части граждан критериями выбора служили не профессиональный, культурный, политический капитал самого кандидата, не его моральные качества и т.п., предвыборная программа и программа партии (блока), от которой он выдвигался, а уровень и "качество" критики власти, существующего режима в его выступлениях (программе) или принадлежность к партии радикально противоположной ему; когда голосовали не "за" более достойного, а "против" власти. Думается эта тенденция не менее опасна, чем действия, влекущие за собой человеческие жертвы, материальные потери и т.п. Именно "качество" власти должно быть гарантией соблюдения гражданских прав и свобод, общечеловеческих ценностей и идеалов, должно не допускать не только кровопролития, но и "тихого (голодного)" вымирания нации (в широком смысле), ее рассеивания и ассимиляцию за пределами страны, как вынужденный шаг

В заключении следует подчеркнуть, что происходящие в Украине процессы трансформации в целом носят неравномерный, стихийный характер. Наблюдаются напряженные отношения между всеми слоями общества и властью, между разными слоями общества между бедными и богатыми. Социальная напряженность сегодня характеризуется как явные "явными", так и "латентными" процессами (или составляющими), а также процессами, которые П.Штомпка называет – "процесс-бумеранг" [1, с. 141]. Вместе с тем, в условиях трансформации и модернизации общества вопрос о взаимосвязи социальных изменений социальной напряженности становится особенно актуальным, так как обеспечение сохранения социальной безопасности является неотъемлемым условием для цивилизованного протекания.

Литература:

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Parsons T. An Outline of Social System // Theories of Society, 1969. – V.2.
3. Theories of Society, 1969. – V.1.
4. Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины / Бакиров В.С., Кушнарев Е.П., Кизилов А.И. и др. / Под ред. В.С.Бакирова, Е.П.Кушнарева. – Харьков: Фолио, 1996. – 236 с.
5. Якуба Е.А. и др. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях трансформации – Харьков.: Основа, 1997.
6. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.

СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Социальная политика государства направлена на решение социальных проблем во всех сферах общественной жизни – экономической, политической и др. Она призвана обеспечить оптимальное функционирование и развитие социальных отношений, реализацию социального потенциала личности, социальную защиту населения. Социальную политику можно рассматривать как систему управленческих действий, осуществляемых одним из субъектов социального управления – государством. Непосредственное воплощение социальной политика находит в социальных программах и социальной практике с целью удовлетворения потребностей (интересов) человека, социальных групп, общества в целом.

Поскольку социальная политика – явление сложное и многоплановое, ее эффективность нельзя измерить каким-либо одним показателем. Требуется комплексный системный подход к определению критериальных признаков.

В качестве одного из критериев эффективности социальной политики мы будем использовать уровень социального развития общества. Взаимодействие различных социальных процессов, субъекты которых преследуют определенные цели, обеспечивает переход общества к новому качественному состоянию. Цели субъектов не всегда являются социально значимыми, могут вступать в противоречие с интересами и потребностями других субъектов и общества в целом, что ведет к росту социальной напряженности. Поэтому переход к новому качественному состоянию протекает противоречиво, когда многофакторное воздействие на трансформационные процессы сопровождается негативными социальными последствиями.

Качественные сдвиги происходят во всех общественных структурах: социальных институтах, социальной структуре, массовом сознании и др. Уровень социального развития является существенной характеристикой изменений, происходящих в обществе. Правоммерно рассматривать уровень социального развития общества как системный критерий, что дает возможность измерить эффективность социальной политики через эту категорию. Она характеризуется как экономическими показателями (доход на душу населения, бюджет потребительской корзины, уровень заработной платы и т.д.), так и содержанием, характером динамики потребностей, интересов и ценностей различных социальных групп и слоев. Объективная информация о механизмах и формах социальной активности людей, которая находит свое отражение в показателях социального развития, демонстрирует, насколько они приближаются к социальным целям общества, какова степень адекватности выбранных средств для их достижения.

Сегодня Украина занимает одно из последних мест в мире по индексу человеческого развития. Социальная политика в условиях реформирования общества, которое длительное время находится в глубоком системном кризисе, тяжелой экономической ситуации, должна разрешить, прежде всего, те противоречия, которые сдерживают процесс развития социально ориентированной экономики и препятствуют реализации социального потенциала личности.

Главной целью социальной политики государства выступает достижение в обществе социального согласия, стабильности, безопасности в процессе трансформации общественных отношений. Становление и закрепление социального мира зависит от наличия эффективной коммуникации представителей разных социальных групп и слоев. В условиях трансформации социальной структуры идет процесс развития новых видов межгрупповой интеграции по формам собственности, доходам, включенности во властные структуры

и др. Результатом дифференциации населения по социально-экономическому критерию, статусу, социальной роли является появление новых профессиональных слоев и классов (банкиров, менеджеров, предпринимателей и др.), что способствует закреплению социальной дистанции между ними и малоимущими слоями населения, а также их разорванности между собой в силу различных причин, затруднению вертикальной социальной мобильности.

Переход к рыночной экономике без компенсационных механизмов выступает фактором, усугубляющим конфликтность и расслоение в обществе. К сожалению, доминирующее значение приобретают те факторы, которые можно назвать асоциальными: стремление к захвату власти в корыстных целях (что консолидирует политические группировки или образования), жажда быстрого обогащения (ведет к росту числа экономических структур, заинтересованных в быстром накоплении капитала путем нелегальных сделок или афер), раздел сфер влияния между мафиозными группировками по территориальному или производственному принципу и т.д.

Таким образом, современное украинское общество поставлено перед необходимостью глубоких социально направленных изменений во всех сферах общественной жизни и, прежде всего, в экономической сфере. Все большая концентрация власти в руках исполнительных органов подтверждает необходимость реформы существующей системы социального управления, начиная с общегосударственного уровня и заканчивая местным, низовым.

Недостатки социальной политики государства проявляются в острых социальных противоречиях, отношениях между государством и социальными группами, интересы которых ущемлены, что приводит к усилению конфронтации, повышению степени конфликтности в обществе. Локальные рыночные образования не способны сегодня конституировать общество. Экономическим перспективам их развития препятствует отсутствие консолидации, объединения рыночных структур в социальные институты. Э.Дюркгейм пишет в предисловии к работе "О разделении общественного труда", что если сфера коллективной жизни лишена умеряющего воздействия образца, тогда возникает состояние аномии в обществе. Аномическое состояние, в свою очередь, вызывает "непрерывно возрождающиеся конфликты и всякого рода беспорядки, которые разворачиваются перед нами в экономическом мире" [1, с. 6]. Воспрепятствовать росту конфликтности в обществе может социальный образец, который поддерживается и санкционируется общественным сознанием, его состоянием, направленностью.

Действительно, в нашей стране экономическая сфера и, особенно, трудовые отношения являются сейчас полем повышенной конфликтности. Противоречия, возникающие в экономике, охватывают практически все активное население страны. Принимая положение Дюркгейма о том, что профессиональные группы обладают некоторым постоянством в отличие от других образований, что общественное разделение труда есть разделение экономических функций, рассмотрим два основных класса — наемных работников и владельцев средств производства — как главных субъектов производственных отношений.

Наемные работники — это класс, который вынужден продавать свою рабочую силу. Как субъект наемного труда он отчужден от средств производства и распределения, от управления и т.п. Работодатели — это владельцы средств производства, имеющие возможность присваивать прибавочную стоимость в силу своего социально-экономического статуса в обществе.

Принято считать, что между классом наемных работников и работодателями не существует общности интересов, которая бы их сближала. Нет единого организационного пространства, где они могли бы совместно вырабатывать принципы, регулирующие их отношения, которые признавались бы обеими сторонами. "Если не считать действия, связанные с общественной моралью, предприниматели и рабочие по отношению друг к другу находятся в том же положении, что и самостоятельные, но неравные по силе государства. Они могут, как это делают народы при посредничестве своих правительств, заключать между собой договоры. Но эти договоры выражают лишь соотношение наличных (авт.) экономических сил... Они освещают фактическое положение и не смогут превратить его в правовое состояние" [1, с. 10-11].

Между "наличными экономическими силами" в Украине лежит огромная пропасть, где на одной стороне — фактически неимущие и бесправные наемные работники, на другой — обладающий властью и собственностью класс владельцев средств производства. Развитие западноевропейских государств, мировая практика показывают, что существует реальная возможность отменить право сильного пренебрегать интересами другой стороны, разрешать конфликты путем превращения отношений труда и капитала в систему социального партнерства. Она функционирует как общественный институт, имеющий специализированные учреждения, регулируемый правовыми нормами, обеспечивающий разделение функций и профессиональных ролей. Четкие правовые положения устанавливают взаимные права и обязанности хозяев и рабочих, а также ответственность наемных работников, работодателей и государства друг перед другом.

Система социального партнерства в европейских государствах возникла эволюционным путем, когда субъекты экономических отношений с противоположными интересами постепенно приходили к осознанию выгоды сотрудничества перед конфронтацией и спорами. Понимание партнерства как механизма поиска взаимных уступок и компромиссов определило стратегию социального развития западных стран. Социальное партнерство стало инструментом реализации социальной политики в целом: и в области трудовых отношений — как система отношений между наемными работниками и владельцами средств производства для согласования их интересов в целях обеспечения социального мира, и в более широком смысле — как способ сотрудничества и взаимодействия различных организационно оформленных социальных групп и слоев для достижения общих целей.

В документах о революции 1848 г. во Франции мы находим ряд принципов, на которых, как считали в то время, должны строиться общественные отношения:

"Общество существует благодаря неравенству способностей и различных функций; но высшие способности не должны быть связаны с большими правами; они соответствуют большим обязанностям.

В этом состоит принцип равенства: ассоциация — необходимая его форма.

Конечной целью ассоциации является удовлетворение умственных, нравственных и материальных потребностей всех через приложение и соревнование различных сил и способностей.

Рабочие были рабами, были крепостными, теперь они — наемники; необходимо довести их до положения членов ассоциации.

Этот результат может быть достигнут только действием демократической власти.

Государство должно взять на себя инициативу промышленных реформ, способствующих проведению такой организации труда, которая вывела бы рабочих из положения наемников и привела бы их к положению членов ассоциации.

Рабочий имеет такое же право, как и солдат, на признательность государства. Сильному и здоровому гражданину государство обязано дать работу, старому и слабому — помощь и покровительство" (Программа газеты "La Reforme", составленная Луи Бланом в 1848 г.) [2, с. 177-178].

Нельзя не отметить, что программные положения 1848 г. не потеряли своей актуальности для нашего государства спустя 150 лет. Особое внимание вызывает тот пункт, который требует изменения положения рабочего. Сегодня даже трудно сказать в каком положении находятся рабочие нашей страны — рабов, крепостных или наемников. "... пока будут существовать богатые и бедные от рождения, не сможет существовать справедливый договор", не сможет происходить справедливое распределение социальных благ [1, с. 33]. Государство сегодня не в состоянии контролировать, регулировать стихийно возникающие в рыночных условиях объединения индивидов, групп, в основе поведения которых лежат асоциальные цели, потребности, интересы. В частности, неформальный рынок труда — трудовые отношения, которые складываются в этой сфере, ставят наемных работников в бесправное положение. В таких условиях принципы социального партнерства не могут возникать и развиваться.

Только при условии формирования трудовых отношений, в основе которых лежит равноправие их субъектов, которое обеспечивается соответствующими законами, можно говорить о наличии предпосылок возникновения и развития партнерских отношений. Для этого необходимы возможности объединения субъектов трудовых отношений, характеризующихся полярными интересами, в организационные структуры (например, рабочие объединяются в профессиональные союзы, работодатели – в Союзы промышленников и предпринимателей и т.п.). Однако, результаты исследования в рамках ТАСИС-проекта “Социальная защита населения в Украине” свидетельствуют об отсутствии должной социальной базы у таких организационных структур в нашей стране. Так, лишь треть опрошенных работодателей отметили, что они входят в Союз промышленников и предпринимателей. Более 50% членов Национального Совета Социального Партнерства (НССП) считают, что существует необходимость совершенствования сложившихся структур работодателей, и всего лишь 2% удовлетворены существующим положением на национальном уровне.

Организации работодателей представляют третью сторону, участвующую в переговорном процессе. Наиболее отрицательно к организациям работодателей относятся представители профсоюзов, они составляют 67% от всех, кто дал им негативную оценку. Профсоюзы являются организацией, которая объединяет наемных работников для защиты их интересов и разрешения конфликтов, возникающих в социально-трудовой сфере.

Отношения профсоюзов и работодателей отличаются двойственным характером. Большинство экспертов НССП рассматривают их отношения как партнерство и оппозицию одновременно, что свидетельствует о неразвитости социального диалога между партнерами. Государство как субъект социального диалога выступает в двойной роли – как посредник между работодателями и профсоюзами, с одной стороны, и как собственник средств производства (работодатель), с другой. Государству сегодня принадлежит ведущая роль в триаде субъектов социального партнерства, и от его позиции зависит развитие социального диалога в целом.

Работодатели указывают на несогласованность позиций различных типов профсоюзов и недостаточную заинтересованность сторон в переговорном процессе. Практически такого же мнения придерживаются представители правительственных органов. Они видят трудности прежде всего в нежелании профсоюзов связывать себя обязательствами и несогласованности их позиций. Однако они отмечают и нежелание правительства выполнять обязательства, зафиксированные в Генеральном соглашении. Весомыми факторами также можно назвать и монополизацию прав на ведение переговоров правительством, и недостаточную развитость структур организаций работодателей.

Не обеспечено, как показывает опрос, равное представительство в переговорном процессе субъектов социального партнерства – правительства, работодателей, профсоюзов, что делает их неспособными отстаивать интересы сторон.

Большинство опрошенных считают, что: 1) переговоры прерываются, хотя и достигается примирение (55,1%), что свидетельствует о трудностях достижения консенсуса; 2) консенсус достигается без прерывания переговоров (16,3%); 3) переговоры прерываются безрезультатно (12,2%).

На сегодняшний день обеспечение согласия в обществе, социальной защиты населения, реализации социальных гарантий, предоставляемых Конституцией, фактически не зависит от выполнения Генерального соглашения, его влияние недостаточно. Переговорный процесс в отраслях, областях и на предприятиях также не зависит от Генерального соглашения, в то время как оно содержит основные позиции, обязательные для выполнения всеми сторонами, участвующими в его подписании.

81,6% опрошенных указывает, что правительство недостаточно включено в разработку проекта Генерального соглашения, 57,1% – что участие работодателей недостаточно и почти треть экспертов считают, что представители работодателей не участвуют в подготовке проекта совсем.

Известно, что положения Генерального соглашения часто не выполняются и рассматриваются как необязательные со стороны субъектов трудовых отношений. Эксперты НССП отмечают, что только премьер-министр и президент страны может реально повлиять на выполнение заключаемого соглашения. Данный факт свидетельствует об отсутствии законодательных, легитимных механизмов контроля и введения санкций за нарушение Генерального соглашения, которое регулировалось бы правом, а не влиянием отдельных личностей, обладающих наивысшими полномочиями. Отсутствие эффективных путей выполнения Соглашения подтверждает необходимость совершенствования механизмов развития и функционирования системы социального партнерства на государственном уровне.

Национальный Совет Социального Партнерства является органом, который должен представлять интересы партнеров на национальном уровне. Предметом его деятельности выступает защита интересов субъектов социального диалога, разработка мер по предотвращению трудовых конфликтов и споров, контроль над выполнением Генерального соглашения и др. Наиболее важные причины, которые снижают влияние НССП, проявляются в отношениях с государством: правительство в целом не считает НССП важным участником политической жизни страны, правительство по-прежнему остается монополистом в решении вопросов в сфере социально-трудовых отношений. Отсутствие государственной поддержки системы социального партнерства сдерживает ее формирование и развитие на национальном уровне, что препятствует становлению СП как инструмента реальной социальной политики государства в обеспечении социальной защиты населения.

Меры, которые, по оценкам членов НССП, могут повысить эффективность работы этого органа, предлагаются различные: решения НССП должны быть обязательными для рассмотрения органами государственной исполнительной власти, проекты законов по вопросам социально-трудовых отношений должны предварительно изучаться членами Совета и др. Но самым главным фактором является государственная поддержка системы социального партнерства, в том числе и информационная, научная и т.д.

В целом, взаимоотношения между сторонами социального партнерства можно рассматривать как незрелые: субъекты СП пока не идут на взаимные уступки и компромиссы, не доверяют друг другу.

Украинское общество находится в таком состоянии, когда практика социального диалога не нашла своего сущностного закрепления ни в правовой регламентации, ни в общественном сознании. Социальное партнерство как инструмент реализации социальной политики должно основываться на развитии гражданской ответственности субъектов социального партнерства — предпринимателей и наемных работников — за приоритет общих целей и интересов при согласовании частных.

Формирование партнерских отношений особенно необходимо в условиях трансформации общественных институтов. Большое значение приобретают формы участия трудящихся в управлении предприятиями в ситуации пассивной адаптации большей части населения к рыночным условиям.

Социальное партнерство — это не только возможность разрешать конфликты и противоречия в социально-трудовой сфере, но и способ достижения социального согласия цивилизованным путем. Если социальное партнерство станет механизмом формирования гражданского общества, это обеспечит достижение социального мира без проявлений насилия, гражданского неповиновения, забастовок, нетерпимости и т.д. и переход к конструктивному решению социальных противоречий во всех областях жизнедеятельности общества.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б.Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с.
2. Малий бізнес в Україні. Підприємці здатні відродити Україну. — Асоціація сприяння розвитку приватного підприємництва в Україні "Єднання", 1997. — 144 с.
3. Социальная борьба в Западной Европе XIX в. в подлинных документах. — Ленинград: Сеятель, 1924. — 295 с.

“СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС”: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

В период трансформации украинского общества, когда складываются новые формы социальной дифференциации, наблюдаются определенные изменения в осознании личностью или группой своей социальной позиции, места в социальной иерархии. Практика показывает, что точное фиксирование социального статуса того или иного субъекта социальных отношений в стратификационной структуре повышает эффективность его деятельности, с одной стороны, а также способствует стабилизации социальной системы. На социальный статус группы влияет большое количество различных факторов. Это политические, экономические и социальные изменения в обществе, трансформация самих социальных институтов. Сегодня эти процессы приобрели всеобщий характер и требуют всестороннего анализа. Поэтому изучение проблемы социального статуса является весьма актуальным как в практическом, так и в теоретическом плане.

Наряду со “слоем” и “группой”, “статус” является основным понятием теории социальной стратификации. Определение понятия и первоначальная разработка теории статуса принадлежит Макс Веберу. Понятие “статус” было разработано Вебером непосредственно в процессе анализа феномена власти в обществе и процесса ее распределения. Исходя из понятия “социального порядка”, то есть способа, каким социальные почести распределяются в обществе между группами, участвующими в таком распределении, Вебер делает заключение, что структура любого социального порядка непосредственно влияет на распределение экономической или любой другой власти в пределах общества. А субъектами данного распределения являются, по Веберу, “классы”, “статусные группы” и “партии”.

Анализируя феномен “статусной группы” как специфического объединения людей на основе принципа оказания почестей или обладания определенным престижем Вебер подходит непосредственно к формулировке самого понятия “статус”. Он дает ему следующее определение: “Статус означает действительные притязания социального сословия на определенные позитивные или негативные привилегии, но обычно основывается на: 1) образе жизни; 2) определенном воспитании и образовании, которое может быть полученным а) в процессе практической жизнедеятельности; б) путем специального обучения и воспитания соответствующих образов поведения; 3) наследственном или должностном престиже” [1, с. 155].

Вебер также указывает, что в реальной жизни статус проявляет себя через: 1) выбор супруга; 2) круг ближайшего общения; 3) монопольное присвоение привилегированных способов приобретения благ (или, наоборот, публичное отвращение к определенным способам их приобретения); 4) разного рода статусные соглашения (традиции).

Важный вклад в формирование теории социальной дифференциации и социального статуса внес Питирим Сорокин. Наряду с властью и престижем, он рассматривает его в качестве важного фактора, влияющего на положение человека в обществе, принадлежность к определенным социально-профессиональным группам.

Для того чтобы определить положение человека в каком-либо социальном пространстве, отмечает Сорокин, необходимо “определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за “точки отсчета”. Сам же выбор “точек отсчета” зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп” [2, с. 300].

Сорокин выделяет метод определения социального положения человека в социальном пространстве. Составными частями этого метода являются: 1) указание отношения

человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри социальной общности; 3) отношение данной общности к другим общностям, входящим в человечество.

Отсюда следует, что люди, принадлежащие к одинаковым социальным группам и выполняющие практически идентичную функцию в пределах каждой из этих групп, находятся в одинаковом социальном положении (что подтверждает теорию Вебера). Чем больше сходств в положении разных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве.

Концепция Сорокина о социальной дистанции социальных положений совершенно отлична от взглядов Р.Парка и Э.Богардуса. Их представления скорее психологические, чем социологические: люди, испытывающие симпатию друг к другу, — социально близки; люди же, испытывающие скорее взаимную ненависть, — социально отдалены. Подобный подход к проблеме социальной дистанции не является чисто социологическим. Хозяин и раб, король и нищий могут вполне симпатизировать друг к другу. Но выводить из этого, что их социальные позиции близки или что социальная дистанция между ними невелика, было бы заблуждением.

Важный вклад в разработку теории социального статуса внесли социологи, работающие в рамках теории ролей. Идеи Джорджа Герберта Мида, вдохновившие в свое время Джереми Бентама, позволили Ральфу Линтону разработать более глубокую концепцию природы социальной организации и места личности в ней. Теория ролей основное внимание уделяет структуре сетей статуса и соответствующим ожиданиям.

Сторонники теории ролей рассматривают социальный мир как сеть взаимосвязанных позиций, или статусов, в рамках которых личности играют свои роли. Для каждой позиции, так же как и для групп и классов позиций, можно выявить различные ожидания в отношении поведения личностей. Таким образом, социальная организация, в конечном счете, состоит из различных сетей статусов и ожиданий.

В рамках этой теории Линтоном впервые были употреблены в 1936 году понятия достигаемого и приписываемого статуса [3]. Приписываемый он называл тот, в котором человек рожден, но который позже обязательно признан таковым обществом или группой (пол, национальность, раса). Достигаемый статус приобретается в результате свободного выбора, личных усилий и находится под контролем человека.

Из работ, посвященных рассмотрению понятия роли, явно следует, что понятие позиции, используемое поначалу в синонимичном значении понятию статус, вскоре отделяется от последнего, который в классической формулировке определялся Ральфом Линтоном как то, что "отличается от индивида, который может его занимать и что является просто совокупностью прав и обязанностей" [3, с. 34].

Однако в социологической практике еще некоторое время существует период взаимозаменяемости понятий позиции и статуса.

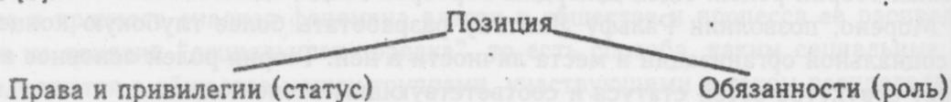
Двойственность термина статуса-позиции отражала колебания различных исследователей в выделении двух аспектов позиции, и только в дальнейшем пришло их четкое разграничение. Этими аспектами стали: 1) функциональный и 2) иерархический. В функциональном аспекте дифференцированные отношения служат системой координат для локализации позиции. Иерархический аспект обычно связывают с понятием статуса. Еще Георг Зиммель рассматривал позицию как иерархическое образование в рамках процесса вертикальной дифференциации. Вообще говоря, можно выделить два пути осознания иерархического аспекта позиции в зарубежной социологии.

При анализе ролей личности выделяются ключевые роли (позиции, статусы). Считается, что они задаются системой ценностей общества (Р.Линтон, К.Девис, Т.Парсонс, Е.Хиллер и др.).

Указывается, что позиции связываются специфическими типами иерархических отношений. Таковы иерархии профессий, дохода, собственности, власти, авторитета, уважения-престижа и т.д.

В дальнейшем в литературе было принято деление позиции на статус и должность. По определению К.Девиса, статус обозначает позицию в общей институциональной системе, узнаваемую и поддерживаемую всем обществом, берущую свои корни в обычаях и нравах, а должность — позицию в организации, управляемой специфическими и ограниченными правилами в ограниченной группе, позицию, которую можно достичь, а не приписать. Следовательно, к статусу относятся позиции, связанные с социальным происхождением, полом, возрастом, семейными отношениями, а к должности — позиции, которые индивид добывается в результате своей учебы и трудовой (вообще социальной) деятельности. Позиции имеют тенденции группироваться. Как известно, в некоторых обществах социальное происхождение, возрастные и родственные отношения являются решающими для позиций, называемых должностями. В других обществах эта жесткая связь резко ослабевает [4].

Ф.Бейтс, идя от Линтона и Парка (для последнего позиция имела значение как пространственная единица) предложил освободить позицию от иерархического аспекта, который теперь был выделен окончательно и стал называться статусом или рангом [5]. При этом возникла тенденция связывать с иерархическим аспектом главным образом права и привилегии. Это толкование было зафиксировано в учебнике Г.Джонсона в следующей схеме [6]:

Так возникло, имеющее широкое распространение в западной социологии, понимание позиции как “статуса-роли”.

Ряд западных социологов работали в направлении уточнения самого понятия социального статуса, разработки его функциональных особенностей.

Так, по словам Майера, термин статус относится к дифференциации престижа и уважения среди индивидов и групп в обществе [7]. Выражая личное положение индивида в группе по отношению к другим, статус, замечает Вэнс Пакард, можно определить как “позицию, ранг, положение” личности [8]. Он тесно связан с ролью; они вместе, как отмечает Гарольд М. Ходжес, являются связующим звеном между классом и личностью, поскольку в обществе существуют определенное разделение труда, обязанности, ответственность [9].

По словам Л.Брума, определение социального положения человека зависит от сферы занятости, которая влияет на образ жизни и престиж людей и лежит в основе деления на классы [10].

Мертон, выдвигая идею о поддержании социального равновесия, замечает, что распределение статусов (т.е. социальных благ, социального положения в целом) должно проходить таким образом, чтобы изменения в структуре системы не наступало. Надо лишь обеспечить вознаграждение на каждом уровне. “Распределение статусов в процессе соперничества, — пишет Мертон, — надо организовать таким образом, чтобы вознаграждение за принадлежность к той или иной социальной группе было обеспечено на любом уровне. В противном случае надо ожидать антиобщественного поведения” [11, с. 36].

В отечественной литературе до начала 80-х годов специальные исследования проблемы социального статуса практически отсутствовали. Одной из первых попыток системного осмысления категории “социальный статус” является монография Е.А.Ануфриева [12]. Он критически оценивает ролевую концепцию (сведение личности к совокупности социальных ролей), идущую от теоретиков социального действия Вебера, Парсонса, Шибутани, подвергает критическому анализу ее советские варианты (Л.Божович, И.Кон, Ю.Левада). Статус, по мнению Ануфриева, это понятие, соотносимое с понятием социальной роли, которое показывает место личности в системе общественных отношений и систему социальных функций личности, которую это понятие определяет.

Последующий этап анализа категории "социальный статус" связан с началом кардинальной трансформации общества, актуализации необходимости изучения социальной структуры, осваивания методологических подходов стратификационного анализа. Здесь можно отметить работы таких авторов, как Т.Заславская, Р.Рывкина, Е.Стариков, Б.Бородкин, М.Комаров. Хотя в работах этих ученых термин "социальный статус" использовался как вспомогательный и не основной, однако они положили начало более широкому применению данной категории при изучении социальной структуры и социальных общностей.

Современный этап характеризуется полным признанием как существования самой теории стратификации, так и реальным ее воплощением в виде системы статусов. При этом эта категория вошла не только в чисто научную социологическую практику, но и существует как полноправный элемент экономической, политической и духовной сфер общественной жизни. Сегодня практически нет учебника по социологии, где бы не анализировалось понятие социального статуса, основные его виды и показатели (А.И.Кравченко, Е.А.Якуба, Ж.Т.Тощенко, А.М.Радугин и К.А.Радугин, И.П.Рущенко, В.А.Соболев и др.)

Опираясь на изложенные факты и учитывая смысловую неоднородность понятия "социального статуса", целесообразным кажется выделения общих подходов, которые уточняют представление о статусе.

Во-первых, о статусе говорят применительно к неравному распределению власти в обществе в целом, в организации или группе. Обладать статусом — означает распоряжаться определенным объемом власти, иметь авторитет и влияние. Во-вторых, статус — это некоторая сумма прав, обязанностей и возможностей, зафиксированная главным образом в формальных социальных и юридических нормах, но также в обычаях и традициях, регулирующих процесс общения и взаимодействия. В-третьих, статус — это характеристика сложившихся у индивида или группы объемов и ассортимента потребляемых товаров и услуг. В-четвертых, статус — это признание, оценка другими, конкретное место на шкале уважения и авторитета, предписываемое окружением. В-пятых, под статусом понимается также выбор индивидами, группами или организациями какой-либо позиции, отношения к тем или иным аспектам жизни, фактам, событиям.

Исходя из этих основных положений общей теории, можно изучать конкретные элементы социальной структуры. Основная задача состоит в том, чтобы объективно соотносить теорию с практическими проблемами, удачно модифицировать ее в соответствии с объектом социологического анализа.

Литература:

1. Вебер М. Основные понятия стратификации. // Социологические исследования. — 1994. — №5.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992.
3. Linton R. The study of man. — N.Y., 1936.
4. K.Devis. Status and Related Concepts. In: B.Biddle and E.Thomas (eds.). Role Theory : Concepts and Research. — N.Y., 1966.
5. F.L.Bates. "Position, Role and Status: A Reformulation of Concepts", Social Forces, vol. 34. May. 1956.
6. H.Jonson. Sociology. — L., 1962.
7. Kurt B. Mayer. Class and Society. — New York, 1961.
8. Vance Packard. The Status Seekers. — New York, 1959.
9. Hodges H.M. Social Stratification. — New York, 1964.
10. Leonard Reissman. Class in American Society. — Glencoe, 1959.
11. Merton Robert K. Social Theory and Social Structure. — N.Y., 1968.
12. Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности. Личность как объект и субъект социальных отношений. — М.: Изд-во МГУ, 1984.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ В УКРАИНЕ

Одна из основных характеристик средних классов на Западе – промежуточное положение между трудом и капиталом. На наш взгляд, этого недостаточно, чтобы говорить о едином среднем классе, ни с марксистских, ни с вебериянских позиций. В рамках марксистского подхода невозможно объединить в один класс собственников средств производства и несобственников, лиц, работающих в условиях самонайма, и наемных работников и т.д. Согласно вебериянскому подходу, различные средние группы (менеджеры, неквалифицированные “белые воротнички” и т.д.) обладают неодинаковыми жизненными шансами: их рыночные и трудовые ситуации коренным образом разнятся, следовательно, их невозможно отнести к одному классу.

Мы полагаем, что следует вести речь о трех средних классах: классе служащих, включающем в себя менеджеров и высококвалифицированных специалистов умственного труда; промежуточном (или низшем среднем) классе, объединяющем неквалифицированных “белых воротничков”; и классе мелких буржуа. Каждый из этих классов имеет собственные интересы, противостоящие интересам других классов, а также выполняет особые функции.

В развитых странах класс мелких буржуа по численности значительно уступает двум другим классам. То есть средние классы на Западе представлены, в основном, наемными работниками. В общественном же сознании Украины термин “средний класс” прочно связан с образом предпринимателя. Причем такие ассоциации возникают не только у обывателя, но и у депутатов Верховной Рады Украины. Так, народный депутат С.Терехин отмечает: “...категория самозанятых людей – это зерно среднего класса, когда граждане сами придумывают себе работу, а не идут за ней к государству или на крупные предприятия наниматься” [1].

Мы согласны с тем, что предпринимательство является одним из источников пополнения среднего класса в Украине, но не считаем, что это будет основной источник. Прежде всего это связано с его небольшой численностью.

По оценкам специалистов, это порядка 1,2-1,3 миллиона малых предприятий. На сегодняшний день в Украине действующих малых предприятий, которые отчитываются о своей деятельности, 100,5 тысячи (хотя в той же Польше 2 миллиона, в Великобритании – 2,6 миллиона), они обеспечивают рабочие места лишь 2,1 миллиона человек [2]. Статистика свидетельствует также о том, что число фирм сокращается – из 280 тысяч зарегистрированных платят налоги лишь 30% (их и считают действующими) [3]. Сейчас малый бизнес обеспечивает в нашей стране лишь 5% ВВП. Хотя, по мнению председателя Госкомпредпринимательства Украины А.Кужель, имеются резервы для увеличения количества предпринимателей по крайней мере в пять раз [4], по данным исследований российских социологов (полагаем, что в Украине наблюдаются сходные тенденции) источники пополнения предпринимательства иссякают. Если в 1992 г. 88,5% опрошенных хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью, уже в 1994 г. количество желающих организовать собственное дело сократилось до 30%. При этом 40% респондентов однозначно ответили, что они этого не хотят, хотя в 1992 г. таких было лишь 11% [5].

В течение последних лет в средствах массовой информации, да и в научной литературе произошло вытеснение долгие годы культивированного образа предпринимателя-эксплуататора образом цивилизованного предпринимателя-благотелья. Этот цивилизованный предприниматель создает новые рабочие места, предоставляя таким образом

можность людям честно зарабатывать на достойную жизнь, вносит значительную лепту в бюджет государства, гибко реагируя на потребительский спрос, решает массу проблем, которые государство решить не в силах, по мере своих сил занимается благотворительной деятельностью.

Реальный же украинский предприниматель, на наш взгляд, не соответствует этому образу. Эту мысль подтверждают и данные, полученные сотрудниками Института социологии НАН Украины [6]. Ими было выделено несколько критериев цивилизованности.

1. Признание предпринимателями паритета их интересов с интересами наемных работников, которое находит выражение в готовности к взаимовыгодному сотрудничеству с профсоюзами.

2. Социально ориентированная инвестиционная политика предпринимательских структур.

3. Уровень легитимности предпринимательской деятельности.

4. Высокий уровень развития деловой этики.

По результатам упомянутого исследования, украинские предприниматели оказались не готовыми признать своих наемных работников равноправными партнерами, имеющими право отстаивать собственные интересы при помощи общественных организаций.

Предпринимательская деятельность в современных условиях приобретает экономически неэффективную, извращенную форму, замыкаясь в основном на сфере обращения и практически не затрагивая сферы производства. Что же касается инвестирования таких сфер, как: образование, наука, культура, которые олицетворяют перспективы развития общества в целом, то оно просто мизерно.

Независимо от характера бизнеса подавляющая часть предпринимателей фактически признает нелегитимность своей деятельности, а значит и полукриминальный характер персонифицируемого ими капитала.

Состояние деловой этики в предпринимательской среде опрошенные оценили по-разному: 18,2% охарактеризовали это состояние как в целом положительное, способствующее развитию бизнеса, 44,5% – как в целом негативное, препятствующее предпринимательской деятельности, 37,3% заняли нейтральную позицию. На вопрос о том, насколько украинским предпринимателям, с которыми приходилось сталкиваться, свойственна честность в делах, 7,4% ответили, что она не свойственна никому, 61,2% – меньшинству, 22% – половине, 9,1% – большинству, 0,3% – всем. Около 38% опрошенных одной из отрицательных сторон предпринимательской деятельности считают то, что приходится иметь дело с нечестными людьми. Вряд ли при таком раскладе мнений и оценок можно считать, что морально-этическая регуляция взаимоотношений партнеров, или контрагентов, в украинском бизнесе выполняет свою функциональную роль и тем самым приближает его к уровню цивилизованного бизнеса [6, с. 103].

В целом есть немало оснований считать, что предпринимательство в Украине как социально-исторический тип подвержено преимущественной тенденции непродуктивного накопления капитала, удовлетворения ближайших, сиюминутных потребностей и невостребованности накопленных средств для инвестирования в производство и науку. Сознанию лучшей, цивилизованной части предпринимателей Украины присуще противоречие между установками на социально ориентированный бизнес и осознанием неадекватности требуемых от них обществом затрат на социальные программы реальным возможностям.

Престижность умственного труда в Украине снижается и высококвалифицированные специалисты, занятые интеллектуальным трудом, чувствуют свою ненужность обществу, невостребованность своего культурного и образовательного потенциала. (По данным украинских социологов, люди с высшим образованием значительно ниже оценивают престиж занятий интеллектуальным трудом, чем люди со средним и начальным образованием. Такой статус данных профессий среди этой категории респондентов объясним, пожалуй, реально ощущаемым ими предельно низким материальным статусом высокопрофессионального интеллектуального труда. Более образованные респонденты выше оценива-

ют инновационные профессии (предприниматель, коммерсант, руководитель банка)[7]. Мы все же полагаем, что второй источник формирования средних классов общества – многочисленные профессионально подготовленные работники, составляющие массовые отряды интеллигенции, квалифицированные слои рабочего класса. Их неудовлетворенность своим социально-экономическим положением и уровнем потребления как в сравнении с элитой внутри страны, так и с аналогичными группами на Западе является мощной социальной базой преобразования экономики на рыночных принципах и становления демократии в обществе.

Объективное положение в экономике, по-видимому, еще долго будет таково, что государство в должной мере не сможет поддерживать группы, которые заняты в культуре, искусстве, просвещении. Поддержка же частного бизнеса оборачивается коммерциализацией культуры и ангажированностью ее деятелей. В ситуации зависимости от денежного мешка неминуемо произойдет нивелировка творческих людей, усреднение и самой культуры под давлением “человека-массы”, как его называл Х.Ортега-и-Гассет.

Несколько иное положение тех потенциальных новых средних слоев, которые представлены техническими специалистами, экономистами и т.п. работниками, деятельность которых лежит в русле научно-технического прогресса и развития рыночных отношений. Уже сейчас они все более успешно включаются в новые экономические отношения, предпочитая совместные и частные предприятия. Но вместе с тем остается нерешенной проблема сотен тысяч специалистов, занятых в отраслях ВПК, в фундаментальной и отраслевой науке. Именно здесь сосредоточен наиболее прогрессивный отряд технической интеллигенции, способный решать задачи на мировом уровне.

Одна из стратегических ошибок проводимой политики разгосударствления и приватизации, видимо, состоит в том, что осталась инертной, не включенной в преобразование значительная часть наиболее квалифицированных групп населения, поддерживавших рынок, но оставленных на обочине проводимой реорганизации. А неумение властей решать возникающие проблемы выливается в перекладывание на плечи отечественного предпринимателя непосильной для него ноши, сопровождаемое представлением предпринимательства в качестве панацеи от всех социальных бед.

Литература:

1. День. – 1998. – 28 июля. – С. 5.
2. День. – 1998. – 14 апр. – С. 5.
3. День. – 1998. – 22 апр. – С. 5.
4. День. – 1998. – 29 окт. – С. 5.
5. Россия в зеркале реформ. Хрестоматия по социологии современного российского общества. РНИС и НП. – М., 1995. – С. 143.
6. Предприниматель Украины: эскизы к социальному портрету / Отв. ред. Ворона В.М., Суиненко Е.И. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1995. – 185 с.
7. Макеев С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В. Социальные идентификации и идентичности. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1996. – С. 127.

НЕЗАНЯТАЯ МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА

Развитие процессов на рынке труда в Украине свидетельствует о том, что безработица среди молодежи становится реальностью нашего времени, более того, уровень ее постоянно увеличивается с каждым годом. Контингент безработной молодежи состоит, с одной стороны, из выпускников школ, профессионально-технических училищ, техникумов, вузов, лиц, уволенных из рядов Вооруженных сил, женщин, находящихся в отпуске по уходу за детьми, а с другой стороны – из молодых работников и служащих в возрасте до 30 лет (от 30 до 75% от всего контингента безработных в зависимости от региона), что является следствием многих причин, одна из которых – ликвидация системы государственного распределения молодых специалистов, нарушение договоров, которые составлялись с отдельными предприятиями на подготовку специалистов, что усложняет трудоустройство молодежи.

Безработное положение дает молодежи, как правило, возможность переосмысления многих ценностей, ставит ее перед новым жизненным опытом. В апреле 1997 года Управлением по делам семьи и молодежи Харьковской областной госадминистрации был проведен опрос участников областного Форума молодежи (выборка составила 736 человек), который был посвящен проблемам молодежи и поиску путей их разрешения. Данные, полученные в ходе опроса, показали, что молодые люди больше всего обеспокоены такими проблемами, как безработица (68,8% опрошенных), общее снижение уровня жизни (78,2%), рост преступности (59,7%), низкий уровень доходов основной массы населения (61,4%), при этом при решении этих проблем они меньше всего полагаются на государство (53% от всей численности опрошенных).

Реалии сегодняшнего дня, с одной стороны, вызывают у молодежи довольно-таки скептическое отношение к социально-экономическим преобразованиям в Украине, а с другой стороны – появляется стремление к самостоятельному поиску выхода из кризисной ситуации, что влечет за собой и новые проблемы социального характера: на первый план выходят вопросы социальной адаптации.

Социальная адаптация в данном контексте представляется как процесс активного приспособления незанятой молодежи к постоянно изменяющейся социальной среде:

- принятие моральных принципов, ценностных ориентаций кризисного социума;
- самооценка и принятие собственной роли на рынке труда;
- принятие норм трудового поведения во вновь устанавливаемых условиях рынка;
- осознание ответственности за свою судьбу и судьбу близких и готовности к конструктивным действиям.

Следует отметить в числе важнейших факторов адаптации возраст, пол и уровень квалификации незанятого индивида, причем последний представляется наиболее значимым на рынке труда – отсутствие у большей части молодежи трудового опыта, профессии или квалификации влечет за собой невозможность более выгодного трудоустройства.

Тем не менее результаты опроса показали, что в табели значимости тех или иных жизненных ценностей стремление к профессиональному росту заняло лишь 5 место (43,8% от общей численности опрошенных), уступив первые позиции сексуальной гармонии, интересному досугу, крепкой семье, материальной обеспеченности (4-1 места и соответственно от 55,4% до 87,6%).

Следовательно, становится ясно, почему внимание молодежи часто привлекает сфера нерегламентированной деятельности, где можно больше заработать, не имея профессии

или соответствующей квалификации, хотя такая деятельность, как правило, не дает молодым людям перспектив для будущего самоутверждения в рыночных условиях.

Особое внимание привлекает тот факт, что из большинства способов, выбираемых молодыми людьми для улучшения своего положения, все чаще встречаются следующие: выход на мировой рынок рабочей силы, и "все способы хороши для достижения цели".

Использование первого способа ведет не только к потере трудовой единицы как таковой, но и к потере той части валового национального продукта, которую эти трудовые единицы могли бы произвести. Однако исследование второго является более важным, так как сторонники именно этого способа выживания становятся "поставщиками" наибольшего количества правонарушений в регионе. Поэтому проблема обеспечения занятости этой группы населения в настоящее время приобретает все большее значение. Многоаспектная, вследствие переплетения в ней связей социального, экономического, правового, психологического характера, эта проблема выдвинулась в ряд важнейших не только для практических работников соответствующих служб, но и для общества в целом.

Вызывают тревогу и данные, свидетельствующие об увеличении доли незанятой молодежи в общей численности занятого населения. Так, если по расчетам специалистов в первом полугодии 1994 года в Харьковской области из-за вынужденных отпусков по инициативе администрации и занятости неполный рабочий день (неполную рабочую неделю) фактически не работали 78 тысяч молодых работников, то учитывая сегодняшнее состояние экономики можно говорить о количественных изменениях в этой группе и далеко не в лучшую сторону. Проблема содержания излишней рабочей силы в неоплачиваемых административных отпусках — проблема припрятывания реального роста безработицы — возникает в связи с необходимостью выплаты выходного пособия и стремлением работающих остаться на своем рабочем месте в связи с неденежными привилегиями. Сейчас украинское законодательство обязывает предприятие выплачивать выходное пособие в размере трехмесячной заработной платы. Однако в условиях стремительного падения производства и соответствующего сокращения доходов это становится невозможным, а вынужденные отпуска сокращают как прямые затраты на заработную плату, так и отчисления на социальное страхование. С другой стороны, небольшие размеры пособия по безработице и возможность пользоваться услугами служб охраны здоровья и др., которые часто предоставляются по месту работы, увеличивают для работающих привлекательность перспективы остаться в штате предприятия даже при условии снижения заработной платы.

В рыночной экономике возможности влияния государства на рынок труда в значительной мере обусловлены общей экономической ситуацией. Поэтому краткосрочная стабилизационная программа и долгосрочные структурные реформы немедленно сказываются на количестве рабочих мест и уровне безработицы. Укрощение инфляции существенно стабилизировало ситуацию в Украине, однако сформировало значительное противоречие между необходимостью снижения бюджетного дефицита, с одной стороны, и потребностями в дополнительных затратах для смягчения населению бремени перехода к рыночной экономике и реструктуризации экономики, с другой.

Что касается проблемы незарегистрированной занятости, то наиболее важным кажется понимание того, что "теневая" экономика обеспечивает очень важную и весомую помощь тем, кто вынужденно сменил место проживания или пострадал от переходного процесса. Действительно, многие молодые люди живут за счет "теневых" (официально незарегистрированных) доходов, когда официальная заработная плата не обеспечивает даже прожиточного минимума. Именно этот сектор помогает тем, у кого нет работы (не только молодежи, а и инвалидам, людям пожилого возраста), когда общество их не защищает или когда вследствие инфляции его защита является недостаточной. Более того, можно сказать, что развитие альтернативных источников доходов в Украине, в частности выращивание продуктов для собственного потребления или реализации, требует очень тяжелой работы, приспособляемости, инициативы и гибкости, порядочности, т.е. именно тех качеств, которые необходимы в рыночной экономической системе. Однако у "теневой" экономики

есть и другая, отнюдь не положительная, сторона: наряду с новыми рабочими местами она дала Украине и массовые грубые нарушения законодательства, одной из основных причин которых является высокий уровень налогообложения, провоцирующий уклонение от уплаты налогов.

Положение безработного, как правило, рассматривается как "временное", "переходное", однако, это не значит, что эти проблемы не важны и легко разрешимы, ибо, как показывают реалии сегодняшней жизни, ни что не бывает столь постоянным, как временное. Поэтому, учитывая значимость этой проблемы, а также такую особенность украинского рынка труда как его региональный характер (молодежь ориентируется больше на местные условия трудоустройства), необходимы разработка и принятие как единой программы содействия занятости молодежи, так и местных ее разновидностей с учетом региональных особенностей рынка труда. Реализация социальных программ по обеспечению занятости и защиты незанятой молодежи будет более эффективной, если эти программы будут адресными, будут учитывать потребности, интересы, профессиональные знания и способности конкретных групп молодежи. В противном случае государство потеряет значительную часть знаний и умений молодежи, которая может и еще хочет работать на благо собственного государства.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА

Процесс трансформации украинского общества в качественно новое состояние подкрепляется реформированием всех социальных институтов. Темпы и качество преобразования этих важнейших элементов структуры общества, прежде всего, зависят от уровня профессионализма людей, занимающихся соответствующим видом деятельности. Тот факт, что профессионализм предполагает наличие некоторой совокупности знаний, умений и навыков не вызывает сомнения. Большое значение имеет также обладание работниками соответствующими специфике трудовой деятельности личностными и деловыми качествами, и, самое главное, постоянная заинтересованность человека в профессиональном совершенствовании. Иными словами, для эффективного выполнения любой роли (в том числе и профессиональной) необходимо не только знание своих прав и обязанностей, умение их выполнять, но и ответственная, самостоятельная, творческая, реализация своих функций носителем этой роли.

Все это имеет место в случае глубокой идентификации с профессией. Важной особенностью данного процесса, при его оптимальном развитии, является интериоризация индивидом целей профессиональной деятельности, которые ставятся обществом и соответствующим социальным институтом, а также основных социально одобряемых способов их достижения. Благодаря успешной идентификации цели, ценности и нормы индивида и социального института совпадают по общим параметрам, способствуя тем самым повышению эффективности деятельности последнего. Таким образом, идентификация личности с институтом, профессией и должностью является необходимым (хотя и недостаточным) условием успешной деятельности как работников, так и, в конечном итоге, социальной организации.

Анализ профессиональной идентификации в настоящее время затруднен недостаточной разработанностью этой темы в социологической литературе. Изучение идентификации всегда считалось прерогативой психологов, которые сосредоточивали свое внимание в основном на неосознаваемой стороне этого процесса. Что касается социологического аспекта этой проблемы, то за рубежом она в некоторой степени развивалась в рамках структурно-функциональной теории. Социологи бывшего Советского Союза начали изучать феномен социальной идентификации только в последнее десятилетие, что обусловлено, главным образом, трансформационными процессами в обществе. Что же касается профессиональной идентификации, то хотя данная проблема только начинает утверждаться в качестве самостоятельного предмета изучения, косвенно исследователи, так или иначе, затрагивали эту тему, в особенности при анализе деятельности, эффективность которой зависит от уровня профессионализма. В результате, к настоящему времени в социологии накоплен большой материал по вопросам, связанным с данной проблемой, что дает возможность глубокого и всестороннего ее рассмотрения.

Проанализировав многообразие позиций по изучаемой проблеме, можно прийти к заключению, что в процессе социологического анализа профессиональной идентификации наиболее целесообразным является использование идей Т.Парсонса, который рассматривал идентификацию как механизм социализации. Действие данного механизма проявляется в процессе установления такого субъектно-объектного ролевого взаимодействия, где ценностные образцы разделяются обеими сторонами. Причем содержанием этого процес-

Болотова Вікторія Олександрівна – кандидат соціологічних наук, викладач кафедри соціології і політології Харківського державного політехнічного університету (т. 40-08-36)

са является формирование общих для субъекта и объекта ценностей и их усвоение первым [1, с. 83-87]. Основное преимущество этого подхода, по нашему мнению, заключается в том, что, во-первых, подчеркивается сознательный, характер идентификации; во-вторых, учитываются условия, ситуация, нормативная ориентация, что дает возможность объяснить выбор субъектом объекта отождествления, прогнозировать его дальнейшее развитие.

Если рассматривать идентификацию в таком ключе, то она предстает как процесс отождествления индивидом себя с другим человеком или группой, помогающий ему успешно овладеть различными видами социальной деятельности, принять социальные роли при вхождении в группу, усвоить нормы, ценности, образцы поведения. Соответственно, профессиональная самоидентификация это вхождение индивида в определенную профессиональную группу, результатом которого является усвоение разнообразных ожиданий относительно его новой социальной роли — профессии.

Прежде, чем рассматривать структуру идентификации как социального механизма, специфику его составляющих, необходимо уяснить, что такое социальный механизм. Под социальным механизмом чаще всего понимается сложное взаимодействие социального целого, особенного, единичного. Взаимодействие факторов, приводящих в движение, вызывающих развитие [2, с. 12]. Отсюда идентификационный механизм должен включать в себя субъекты взаимодействия (поскольку именно в процессе взаимодействия индивиды осваивают свои роли) и факторы, воздействующие на их поведение.

Таким образом, в структуре идентификации как механизма социализации можно выделить следующие компоненты:

1. Духовную структуру субъектов взаимодействия (потребности, интересы, ценности).
2. Социокультурную среду взаимодействия (ценности, нормы, образцы поведения общества, социального института, референтных групп).
3. Социальное положение объекта идентификации (социального института или группы) в обществе.

Все составляющие данного механизма находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Социокультурная среда и особенности социального положения группы сказываются на специфике структуры личности, которая проявляется в поведении человека. В свою очередь, в процессе деятельности индивид изменяет как саму среду, так и свое положение в ней, поскольку вхождение человека в общество — двунаправленный процесс, носящий активный характер.

Проанализируем содержание каждого из вышеперечисленных компонентов идентификационного механизма с учетом его действия в сфере труда.

Духовная структура индивидов является центральным элементом этого механизма, а ее специфика непосредственно сказывается на результирующей эффективности идентификационного процесса. Иными словами, изучение структуры личности позволит дать ответ на вопрос, почему человек отождествляет (или не отождествляет) себя с определенной группой или статусом, в данном случае профессиональным, выявить наличие так называемой "склонности" к идентификации.

Из всей совокупности структурных компонентов личности (потребностей, интересов, мотивов, ценностей) особое внимание следует обратить на систему ценностных ориентаций, поскольку данный элемент личности играет организующую, направляющую и регулирующую роль.

Ведущую позицию в иерархической системе ценностей человека занимают идеалы. Отражая потребности, идеал выступает духовной детерминантой деятельности [3, с. 63]. Можно предположить, что в различных сферах деятельности действуют свои идеалы, поскольку человек одновременно занимает множество статусов и играет множество ролей. Так, например, индивид в процессе, освоения новой профессиональной роли должен усвоить ожидания государства, общества, института, непосредственного окружения. Эти нормативные требования могут предстать в персонифицированной форме, т.е. в образе идеального представителя этой профессии. Поэтому изучение представлений об идеальном ра-

ботнике, степени их совпадения с нормативными требованиями может способствовать не только определению наличия благоприятной основы для освоения новой профессиональной роли, идентификации с ней, но и направленности этой идентификации.

Овладение профессией осуществляется в процессе взаимодействия людей в определенной социокультурной среде. Под культурой общества (впрочем, как и под культурой любого социального института, общности) в данном случае целесообразно понимать ценности, убеждения, нормы и образцы поведения, присущие этим социальным образованиям. Усвоение вышеперечисленных культурных элементов является целью процесса социализации, а их принятие представляет собой необходимое условие освоения любой социальной роли (в том числе и профессиональной).

Однако не все социальные ценности и нормы, осознаваемые и даже признаваемые индивидом в качестве таковых, реально ассимилируются или становятся его личными. Необходимым условием включения этих элементов культуры во внутреннюю структуру личности является участие индивида в коллективной деятельности, направленной на реализацию соответствующей ценности, а промежуточным звеном, опосредующим этот процесс, выступает система ценностей референтной для индивида группы.

Мы разделяем позицию большинства социологов и социальных психологов (Т.Ньюком, М.Шериф, Р.Мертон), которые связывают понятие "референтная группа" с той, к которой индивид относит себя, ориентируясь на ее ценности и нормы. При этом каждый человек, как правило, имеет несколько референтных групп в разных сферах деятельности [4, с. 212].

Включенность индивида в те или иные группы выражается понятием "социальная идентичность личности". Социальная идентичность характеризует то, членом каких социальных групп и общностей индивид ощущает себя, по отношению к каким группам он себя определяет и соответственно какие группы выступают для него в качестве референтных.

По нашему мнению, анализ профессиональной идентификации должен предполагать как общее изучение социальной идентичности исследуемых, так и выявление места в этой структуре интересующей исследователя профессиональной общности.

Еще одним, не менее важным элементом идентификационного механизма является социальный статус института, в рамках которого осуществляется трудовая деятельность субъектов идентификации, а также профессиональной группы, выступающей идентификационным объектом.

Понимаемый как социальная позиция, статус определяет набор требований, прав и обязанностей, который должен усвоить человек, чтобы войти в эту группу. Чем выше социальная позиция, тем больше ожидается от человека, и тем сложнее будет протекать процесс освоения нового социального статуса и ролей, связанных с ним. Поэтому анализ места профессиональной группы в социально-профессиональной структуре общества и, особенно, связанных с этим местом набора прав и обязанностей, позволит выявить степень сложности идентификации, ее направленность, успешность процесса овладения профессией.

Кроме того, важно изучение престижа профессии, образа ее представителей в глазах социального окружения индивида. Все это явится основой для определения наличия возможности превращения профессиональной группы в объект идентификации.

Рассмотрим, как действует идентификационный механизм на каждом из этапов социализации (адаптации, интериоризации и экстериоризации). В данном случае предлагается схематичный анализ функционирования идентификационного механизма применительно к социализации личности в сфере труда.

В процессе адаптации работник старается приспособиться к новым или изменившимся условиям деятельности. Сроки и результат этого этапа во многом определяются "исходным материалом" — спецификой структуры личности, сформированной в процессе первичной социализации. Адаптация не требует особой эмоциональной привязанности

новой социальной группе и ролям, которые надо освоить. Зачастую достаточно простого подражания членам коллектива или его лидеру.

Если процесс адаптации еще продолжается, то человек будет осознавать, что он принадлежит к определенной профессиональной группе, обладает соответствующими правами и обязанностями. Это отразится и на поведении человека. Индивид будет пытаться "войти" в новую роль, выполняя, прежде всего, внешние, формальные требования. Эмоциональное отношение на этом этапе либо характеризуется некой индифферентностью, либо представлено в виде позитивного образа данной профессии. Следует отметить, что чувства человека по отношению к своей новой профессии во многом будут зависеть от ценностных ориентаций, сформировавшейся в процессе первичной социализации.

В случае успешной адаптации, понимания, принятия им специфики своей профессиональной роли, работник будет ощущать большую привязанность к своей профессии, работе. Все это явится платформой для второго этапа социализации — интериоризации. На этом этапе индивид не только формально следует предъявляемым ему требованиям, но включает набор ценностей и норм группы в свой внутренний мир, они становятся его собственными, а внешний контроль заменяется внутренним. Это находит проявление в доминирующей позиции эмоционального компонента социальной установки индивида на свою профессию. Человек ощущает тесную связь с группой, отождествляет себя с ее членами. Что касается поведенческой составляющей установки, то она выражается в стремлении к достижению групповых целей, адекватном восприятии и реализации ролевых ожиданий. В этом случае можно говорить о втором уровне идентификации.

Результатом эффективного функционирования идентификационного механизма и, соответственно, успешной социализации является не только понимание и принятие интересов своей профессиональной общности и всего института, но и готовность, умение реализовать эти интересы, активность, творчество, самостоятельность, когда находятся новые, необычные пути решения поставленных задач.

Проведенный теоретический анализ профессиональной идентификации показывает, что данное явление можно рассматривать не только в качестве социального механизма или процесса (непрерывное взаимодействие основных составляющих идентификационного механизма), но и в качестве результата, как социализации вообще, так и отдельных ее стадий.

Литература:

1. Обозов Н.Н. О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия. // Психология межличностного познания. — М.: Педагогика, 1981. — С. 31-49.
2. Якуба Е.А. Социология. — Х.: Константа, 1996. — 192 с.
3. Ценностные ориентации как фактор социального развития личности // Социальное развитие как предмет философско-социологического анализа. — Томск.: Наука, 1983. — С. 155-176.
4. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. — М.: Наука, 1978. — 365 с.

“КЛАСС ПРОФЕССИОНАЛОВ” В УКРАИНЕ: ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ

Неотъемлемой чертой социальной структуры современных обществ с рыночной экономикой и развитой политической демократией является средний класс. Сама модель социальной стратификации на протяжении последних нескольких десятилетий значительно изменилась, приняв форму ромба, на полюсах которого сконцентрировались высшие и низшие слои общества, тогда как системообразующим основанием является довольно многочисленный средний класс, заинтересованный в сохранении и развитии данного типа социального порядка, а значит и социальной структуры [1, с. 22]. При выделении среднего класса используется обычно система критериев, включающая в себя размер и источник дохода, уровень и качество образования, профессию, род занятий, образ жизни, общественный престиж, и самоидентификацию (оценка людьми своей классовой принадлежности) [2].

Явление, которые сегодня изучаются под рубрикой среднего класса, одним из первых зафиксировал Карл Рэне, предложивший термин “класс служащих”. Исследователь наблюдал процессы, развивающиеся в Германии и Австрии до второй мировой войны, и это определило тот факт, что моделью для среднего класса стало прусское чиновничество. Особенности данной государственной иерархии был распределенный по ее ступеням дух служения, который определял преданность подчиненных высшим чинам, тогда как современные отношения в этой сфере базируются на доверии из-за признания профессиональных навыков [3, с. 148]. Таким образом, формирование средних классов во многом зависит от тех социо-культурных особенностей, которые существуют в исследуемом обществе.

Интересен в этом отношении подход британского социолога М.Сэвиджа, согласно которому следует выделять три самостоятельных средних класса: класс мелкой буржуазии (собственность), класс менеджеров (бюрократия или организация) и класс профессионалов (культурный капитал). По мнению М.Сэвиджа, для современной Британии, где класс мелких собственников практически не играет самостоятельной роли, основная стратификационная линия проходит между профессионалами и менеджерами [4, с. 34]. Именно две последние категории, включающие в себя высший управленческий состав (государственные чиновники), профессуру, представителей науки, информатики, искусства, административных, инженерно-технических и торговых работников предприятий и учреждений, а также средние кадры (преподаватели школ, средний медицинский персонал, социальные работники, техники и др. сходные профессии) определяют лицо среднего класса сегодня.

Средний класс – это порождение индустриального общества и его рост связан прежде всего с тем, что поточные методы производства создают высокотехнологичные предметы потребления, повышая уровень и качество жизни наиболее массовой и экономически активной части населения. Но нельзя определять средний класс только как социальную группу со средними медианными доходами, поскольку такая группа, большая или меньшая по размерам существует в любом обществе. Российские социологи отмечают целый ряд условий, при которых среднедоходная группа становится средним классом:

- 1) Достаточно высокий уровень массового потребления (это характерно для индустриальных и постиндустриальных обществ);
- 2) Массовое образование становится мощным фактором экономического развития общества;
- 3) Сосуществование частной, коллективной и государственной форм собственности

4) Среднедоходная группа составляет количественно значимую группу населения [2, с. 15].

Из всех выше перечисленных условий в Украине в наиболее полном объеме присутствует лишь третье условие. В то же время можно утверждать (и эту точку зрения разделяют многие ученые [2; 5; 6]), что к началу проведения реформ у нас существовала потенциально широкая база среднего класса. Ее составляли различные отряды массовой гуманитарной интеллигенции, инженерно-технических работников, высококвалифицированные слои рабочего класса, часть элиты и торгово-посреднических работников. Анализ результатов ряда социологических исследований позволяет сделать вывод о том, что сегодня в Украине активно идет процесс формирования крупных собственников и массового слоя мелкой буржуазии при размывании ядра среднего класса — людей интеллектуальных профессий, которые в развитых странах, получив название «новый средний класс», во многом определяют сегодняшнее лицо средних слоев в целом.

В СССР интеллигенция занимала особое место в социальной структуре. И хотя она почти вся находилась на службе у государства, интеллигенция в СССР никогда не была только группой профессионалов и интеллектуалов. Она рассматривалась как культурный элемент общества, выразитель всего нового и прогрессивного, духовный наставник, народная совесть общества [2, с. 16]. Даже при снижении статуса отдельных групп интеллигенции наличие диплома о высшем образовании рассматривалось как элемент престижа, как показатель, несомненно способствующий восходящей социальной мобильности в обществе. По мнению Т.И.Заславской, в современной России главными механизмами восходящей мобильности служат либо предпринимательство, либо занятие руководящей должности и выполнение управленческих функций, тогда как добросовестный и профессиональный труд сегодня не дает возможности проникнуть в средний слой стратификационной иерархии [7]. По данным ВЦИОМ средний слой (по своему положению в стратификационной пирамиде, без содержательных аналогий со средними слоями современных западных обществ), включающий в себя группы мелких предпринимателей, менеджеров, бизнес-профессионалов, кадровых военных и примерно 1/10 часть наиболее квалифицированных специалистов и рабочих составляет в целом 20-25% населения России. В тоже время 9/10 интеллигенции и полунинтеллигенции, 3/4 рабочих, крестьяне, работники торговли и сервиса относятся к «базовому» слою общества, который охватывает 2/3 населения России. Материальное положение среднего слоя в 2-3 раза лучше, чем у «базового», но абсолютный его уровень достаточно скромен [7]. Проведенные в Украине исследования материального положения респондентов методом самооценки дали очень сходные результаты. Массовый опрос харьковчан, проведенный в июне 1996 года, показал, что 78,7% респондентов отнесли себя по уровню материального положения к необеспеченным. Резкое падение уровня жизни высококвалифицированных специалистов, рабочих, массовой интеллигенции на фоне возрастающего ощущения данными категориями населения своей социальной невостребованности, утраты социальной идентичности, чувства класса ведет к размыванию традиционных классовых образований, которые частично становятся донорами новых социальных групп рыночного типа. Социологические исследования показывают, что слой специалистов с высшим и средним специальным образованием стал основной базой для рекрутирования нового социально-классового образования — предпринимателей. Так, по нашим данным, среди попавших в выборку харьковских предпринимателей 54% имеют высшее или незаконченное высшее образование, а каждый пятый — среднее специальное (Харьков, июнь 1996 года).

Внутренняя миграция в среде интеллигенции связана также с процессом плюрализации собственности. Происходит переход части специалистов (прежде всего высококвалифицированных, обладающих дефицитными на современном рынке труда профессионально-квалификационными качествами) из госсектора на работу по найму в организации и учреждения нового типа — СП, коммерческие структуры, частные предприятия (см. Таблицу 1). «Новый социальный статус этой группы интеллигенции близок к положению ин-

теллектуалов, профессионалов умственного труда в западных странах с развитой экономикой. Уровень потребления, система ценностных ориентаций, круг общения и образ жизни меняются столь стремительно, что это заставляет говорить о необратимости процессов трансформации социальной роли интеллигенции в российском обществе при дальнейшем развитии реформ" [2, с. 17].

Таблица 1

**Распределение специалистов технического
и гуманитарного профиля по секторам экономики
(Харьков, июнь 1996 года)**

Кем Вы являетесь?	Специалисты технического профиля	Специалисты гуманитарного профиля
1. Работником государственного предприятия	78,7%	87,5%
2. Владельцем негосударственного предприятия	3,6%	1,8%
3. Работником по найму в негосударственном предприятии	20,6%	10,7%
4. Занимаетесь ИТД	3,6%	1,8%

В результате некоторого расширения элитного слоя в начале перестройки очень незначительной части интеллигенции удалось войти в его состав, что обеспечило данной группе восходящую социальную мобильность и гораздо более высокие показатели материального положения и уровня жизни в целом.

Помимо внутренней миграции интеллигенции существует также внешняя миграция, которая выражается в отъезде части ее представителей — прежде всего научных работников, деятелей культуры и искусства за рубеж навсегда или для работы по контрактам. При этом происходит не только изменение их личного статуса, а и снижение научного, интеллектуального потенциала общества, его общего культурного уровня.

Наконец, самая значительная по численности группа интеллигенции остается на бюджетном обеспечении, работает на прежних рабочих местах и ощущает резкое падение уровня жизни. Почти 2/3 респондентов — специалистов указали, что их уровень жизни является в разной степени ниже среднего. От 64 до 70% специалистов (по разным профессиональным группам) отметили, что их жизнь за последний год ухудшилась, причем у 43-51% это ухудшение значительно (Харьков, июнь 1996 г.). Подобные жизненные обстоятельства стимулируют поиск дополнительных источников дохода, что в свою очередь становится для части интеллигенции толчком к поиску своего нового применения, смены специальности, новой социальной идентичности [2, с. 17]. В нашем исследовании заработная плата на дополнительном месте работы является источником дохода у 1/4-1/5 части (по разным профессиональным группам) опрошенных харьковчан-специалистов. В то же время основным доход от вторичной занятости назвали 14,8% специалистов технического профиля и 18,5% гуманитариев. В первое время для таких людей характерно сочетание прежних и новых видов деятельности. Затем часть специалистов полностью переходит к новой работе, устраняя тем самым создавшуюся ситуацию раздвоенности. Для остальных же вторичная занятость продолжает оставаться чем — то второстепенным, даже если она является основным источником дохода.

Особенности развития нашего общества актуализировали для большинства специалистов потребности витального уровня ("забота о моем здоровье и здоровье моих близких", "материальное положение"). В тоже время политические и экономические пробле-

мы общества, проблемы социального и морального плана в иерархии наиболее тревожащих проблем занимают более низкие (менее значимые) позиции. Ориентация групп интеллигенции на микросреду обитания, достаточно низкий уровень социально-политической активности характеризуют интеллигенцию как скорее социально-пассивный субъект социального пространства украинского общества.

Анализ ряда процессов, развивающихся в социальной структуре трансформирующегося украинского общества, позволяет нам сделать некоторые выводы.

Ухудшение материального положения и понижение социального статуса, социальная невостребованность квалификационных умений, навыков представителей массовой интеллигенции значительно усилили процессы ее размывания. Происходит частичный переход ее представителей во властные структуры, в частный сектор экономики (предпринимательство, работа по найму), что зачастую влечет за собой уход из сферы интеллектуального труда. Часть специалистов, чьи квалификация, навыки и умения оказались высококотируемыми на рынке труда, смогла пополнить ряды высшей интеллигенции. Однако большинство специалистов, оставшихся на прежних рабочих местах, дополнили ряды "базового" слоя. Усилилась внешняя эмиграция, то есть отъезд ученых, специалистов, деятелей культуры и искусства за рубеж на работу или постоянное место жительства, что приводит к снижению интеллектуального и культурного потенциала страны, а значит существенно замедляет ее развитие.

Процессы размывания наряду с социально-политической пассивностью представителей интеллигенции, их ориентацией на ближайшее окружение позволяют говорить о том, что сегодня интеллигенция уже не образует класс с четко выраженными интересами. Это скорее некое классовидное образование, испытывающее серьезные процессы имущественной и статусной дифференциации, которые не позволяют отнести большую часть специалистов к срединной части стратификационной иерархии. Следовательно можно предположить, что в Украине формирование "класса профессионалов" (М.Сэвидж) находится в своей начальной стадии (во многом благодаря малочисленной пока группе представителей высшей интеллигенции, которая по своим основным характеристикам может быть отнесена к среднему классу). Средний слой общества (по его положению в стратификационной иерархии, но без содержательных аналогий со средними слоями западного общества), на сегодняшний день достаточно немногочисленный (20-25% по данным Т.И.Заславской (Россия) [7] и Е.И.Головахи (Украина) [1]) составляют в основном представители формирующихся сегодня "класса мелкой буржуазии" и "класса менеджеров" (М.Сэвидж).

Литература:

1. Головаха Е.И. Изменение социальной структуры и формирование среднего класса на Украине. // Социологический журнал. - 1997. - №4.
2. Социальная стратификация современного российского общества. Отв.ред. Л.А.Беляева. //Круглый стол бизнеса России. - М., 1995.
3. Голенкова З.Т., Романенко Л.М., Бирюков П.Б. Британские социологи о современном среднем классе. //Социологические исследования. - 1996. - №10.
4. Social Change and The Middle Classes / T. Butler, M. Savage (ed.). - London: UCL Press, 1995. - 388 p.
5. Кочетов А. Истоки "новой" социальной структуры. // Свободная мысль. - 1992. - №9.
6. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учебное пособие. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 318 с.
7. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества. // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. - №9.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ РОЛИ УЧИТЕЛЯ

Полифункциональность социальной роли учителя, ее действительный и потенциальный планы в значительной мере обуславливаются системными факторами, поскольку именно система образования оказывают непосредственное воздействие на складывающиеся в ее рамках педагогические отношения, включающие в себя гармоническое соотношение, как педагогического влияния, так и его активного восприятия, собственную активность воспитуемого, проявляющуюся в ответных влияниях на самого себя и педагога.

Признавая, что система образования обладает своим собственным механизмом саморазвития, автопоэзисом (по определению Н.Лумана) [1, с.7], присущим ей и только ей, тем не менее, нельзя упускать из вида социокультурное и политическое содержание как институтов образования и воспитания, так и самих педагогических отношений. Это содержание разными способами включается в автопоэзис системы образования.

На макроуровне современное образование рассматривается как глобальное явление, как целостный культурный феномен, состояние которого оценивается с общечеловеческих позиций. Такая общая перспектива дает возможность выявить комплекс фундаментальных причин, раскрывающих необходимость трансформации образования в планетарном измерении. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, как отмечается во многих зарубежных и отечественных исследованиях, требует радикальных изменений в содержании и организации образования, состояние которого оценивается как кризисное.

Проявление глобального кризиса образования прослеживается в нарастании разрыва между образованием и культурой, кризисе социализации, в отставании образования от науки. Результаты кризиса отнюдь не однозначны. В создавшихся условиях движущей силой общественных процессов становится широкомасштабное манипулирование людьми. И, пожалуй, одна из немногих функций, с которой еще справляется современная система образования, состоит именно в том, чтобы подготовить не субъектов, а объектов такого манипулирования, расчеловечить и обезличить молодежь. В этом занижении человеческого в человеке сосредоточен главный источник всех глобальных проблем современного общества, поскольку именно кризис человека является и причиной, и следствием всех остальных кризисов, а предопределенность этого кризиса во многом зависит от состояния системы образования.

Наряду с оценкой наличного состояния как неудовлетворительного, глобальная перспектива позволяет увидеть общую направленность трансформационных процессов в области образования. Это, прежде всего, установка на непрерывное образование в сочетании с социальной мобильностью, учет требований этического и экологического императивов, превращение образования в фактор, гарантирующий выживание человечества.

Показательно, что отношения "ученик – учитель", не говоря уже о характеристиках каждого педагогического агента, на макроуровне либо свернуты, либо представлены крайне схематично. В моделях, ориентированных на самообразование, развитие активной социальной адаптации в сочетании с креативностью сама социокультурная ориентация приобретает статус учителя [2, с. 33].

На макроуровне трансформация системы образования рассматривается как планетарная задача, эвристическая ситуация, ценность которой состоит, прежде всего, в постановке и в определении стратегии решения.

Трансформационные процессы, предпринимаемые на макроуровне, определенные установки развития образования имеют резонанс на мезоуровне при преобразовании и об-

новлении национальных систем образования. Так, новые компоненты содержания образования в виде интегративных курсов являются ответом на запросы современного мира. Это программы экологического воспитания и образования, валеология, воспитание в духе мира и т.п. В отечественной педагогической практике предпринимаются попытки внедрения в программы национального образования учения Живой Этики Е.Рерих, основ ноосферного мышления, программы "диалога культур", разработанной под руководством философа В.С.Библера, программы развивающего обучения.

Государственная национальная программа "Образование Украины XXI столетия" является достаточно гибкой и пластичной, стимулируя внедрение в программу новых методов обучения и перспективных интегративных курсов. Однако в массовом масштабе учителя общеобразовательных школ Украины еще не всегда готовы выйти за пределы деятельности учителя-предметника. Объем подготовки учительских кадров не позволяет эффективно готовить преподавательский корпус к новым методам работы. Обучение части студентов на контрактной основе (платное обучение в рамках государственных учебных заведений) фактически ничего не меняет, поскольку программы, материальное обеспечение учебного процесса остаются такими же, как и для студентов, обучающихся по госзаказу.

В трансформациях системы образования на мезо- и микроуровнях диалогический стиль наиболее способствует безболезненной адаптации учащихся и педагогов к инновациям, требующим усвоения, понимания и, наконец, признания.

Диалогический стиль в социальной репрезентации учителя является не только педагогически оптимально эффективным, но и представляет собой адекватный ответ на саморегулятивные потребности трансформируемых систем образования (по терминологии Н.Лумана – на автопоэтические интенции системы). Способность к культурному диалогу, умение цивилизованно выражать интересы, участие следует считать существенными предпосылками социально-конструктивной деятельности педагога. Развитие и реализация названных способностей на мезо- и микроуровнях (т.е. в системе национального образования в целом и конкретно в школах того или иного профиля) совпадает по своей направленности с потребностями формируемых сверхсложных социальных систем, приближающихся к планетарному уровню.

Современные усложненные социальные системы представляют собой мультикультурные сообщества. Репрезентантами такого культурного многообразия являются одновременно учителя и ученики. Даже для тех стран, где культурный и мировоззренческий плюрализм имеет определенную традицию, он превращается в суровое испытание для школьников и их наставников. Школьные курсы "Политическая дидактика" и "Воспитание в духе мира" в Германии ставят своей целью научить подрастающее поколение пользоваться ситуацией плюрализма, учиться самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность [3, с.45-46]. Данный опыт целесообразно было бы внедрить в украинских школах.

Подготовка учителей для чтения подобных курсов должна вестись в институтах последипломного образования, поскольку речь идет об интегративных курсах, которые должны быть авторскими и одновременно содержать ряд узловых идей, усвоение которых обеспечивает высокий уровень мировоззренческой культуры личности. Среди таких идей особо следует выделить ненасилие как политическую и общечеловеческую ценность, узловые понятия этики ответственности и стратегии выживания. Изложение такого рода идей требует, прежде всего, усвоение их учителем, ведь речь идет, в конечном счете, о диагнозе современной эпохи, а это требует солидной социологической, философской, политологической подготовки учителя.

При оценке эффективности как системы образования в целом, так и отдельных ее институтов, необходимо учитывать отношение детей к школе, в том числе и социально-психологическое самочувствие.

Одним из ценнейших в мировой практике является еще не до конца понятый в своем человекоформирующем значении проект "Школы радости" В.А.Сухомлинского –

школа должна давать детям ощущение радости, заряжая их оптимистическим мироощущением. В своей главной книге "Сердце отдаю детям" В.А.Сухомлинский огромное внимание уделял духовному миру ребенка, такому незащищенному и хрупкому.

В 60-е годы XX в. начала складываться в результате творческих усилий советских, немецких, голландских, вьетнамских психологов и педагогов система развивающегося обучения, разрабатываемая в русле основных идей научной школы Л.В.Выготского о возможности построения системы обучения, которая не просто опиралась бы на сложившиеся до и за пределами обучения интеллектуальные способности ребенка, а формировала бы их (формула Л.С.Выготского: "Обучение должно вести за собой развитие"), начали складываться теоретические и экспериментальные основания системы Д.Б.Эльконина – В.В.Давыдова.

Новое содержание образования и метод его реализации предполагает наличие учителя нового типа, владеющего принципиально новой педагогической технологией, поскольку основной его задачей является не передача знаний учащимся, как в традиционном классе, а организация собственной деятельности учащихся по овладению способами анализа и обобщения учебными материалами.

Не все учителя, которые стремятся работать по этой системе, получают желаемые результаты. Причин здесь много. Прежде всего отметим недостаточную разработанность самой теории развивающегося обучения. Для преодоления этой причины требуется проведение новых исследований и проектировочных разработок по тематике, касающейся малоизученных вопросов. Существенным тормозом является неотработанность учебно-методических пособий, неудовлетворительная подготовка самих учителей.

Подготовка педагогов развивающегося обучения не может осуществляться только в форме обучения технологии учебной деятельности, она может быть реализована только в форме воспитания личности будущего учителя.

Освоение метода развивающегося обучения должно осуществляться в режиме самовоспитания самого педагога. Основным результатом обучения является способность педагога развивающегося обучения к построению собственной педагогической деятельности, целью которой является формирование личности ребенка.

Подводя итоги, следует отметить, что парадигмальные трансформации системы образования на различных уровнях ее функционирования существенно влияют на социальную репрезентацию учителя, социальная деятельность которого по своему содержанию и функционально выходит за пределы традиционных схематических представлений об обязанностях учителя и отношениях с учениками. Данная тенденция усиливается в процессе формирования общеевропейской и планетарной парадигм образования, ориентация которых влияет на национальные системы образования, определяя логику происходящих в них трансформаций, которые однако не затрагивают традиционной национально-культурной специфики. Последняя сама в свою очередь дает толчок к саморазвитию макросистемы образования.

Литература:

1. Luhmann N. Reflexionsprobleme im Erziehungssystem. – Stuttgart, 1998. – S. 7.
2. Монсеев И.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. – 1991: – №6. – С. 33.
3. Köhr A. Politische didaktik. – Königstein, 1980. – S. 45-46.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ КУРСАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Каждый год тысячи молодых людей, заканчивающих школу, решают вопрос выбора профессии и определяют свой дальнейший жизненный путь. В результате уже накопленного жизненного опыта, приобретенного в первую очередь в семье, человек получает установку на определенный социальный статус, и, стремясь к ее реализации, он либо поступает на учебу, либо совмещает учебу с работой, либо просто работает. Здесь следует оговориться, что сегодня полученное образование, как правило, не является гарантией подъема по социальной лестнице, хотя служит свидетельством индивидуального достижения, его залогом. Этот факт объясняется отсутствием стабильной и единообразной школы престижа профессий и выступает признаком переходного периода.

Для одних престижны интеллектуальные профессии, предполагающие долгое и кропотливое изучение таких наук как математика, физика, история, философия, естествознание, пользовавшиеся популярностью в советское время. Для других (и таких сегодня большинство, о чем свидетельствует конкурс в вузы) престижны профессии, предполагающие быстрый успех и обогащение, такие как бизнес, менеджмент, прикладная экономика, юриспруденция, которые выдвинулись на передний план в силу экономических трансформаций, затронувших наше общество. Для третьих престижны профессии, не предполагающие получение специальных научных знаний: персональная охрана, стрип-шоу, челночный бизнес и т.п.

С престижем профессий могут расходиться (и на практике действительно расходятся) оценки их привлекательности для отдельного человека, доступность их получения.

Следует особо отметить, что при формировании социально-профессиональной ориентации происходит осознание индивидом своего социального положения и будущей социальной позиции. Таким образом, в основе профессиональной ориентации лежит социальная ориентация на будущую позицию в обществе. В условиях же усиливающейся социальной дифференциации этот выбор приобретает новый смысл, давая шанс достигнуть желаемого положения.

Хотелось бы отметить специфику вузов системы Министерства внутренних дел (МВД) при оценке их статуса среди прочих институтов и университетов.

Во-первых, курсанты после поступления находятся на полном гособеспечении, а это немаловажно для родителей потому, что сегодня прокормить и одеть студента, получающего чисто символическую стипендию, довольно сложно.

Во-вторых, по окончании вуза курсанту гарантируется трудоустройство по специальности. При нынешнем росте безработицы в бюджетной сфере, отсутствии социально-правовых гарантий, нестабильности в сфере частного предпринимательства это – немаловажный фактор. По окончании учебы выпускник получает гарантированную зарплату, размер которой соответствует средним выплатам в бюджетной сфере, и, учитывая различные льготы (на проезд, коммунальные услуги, выплату пайковых, выдачу одежды и т.д.), он может чувствовать себя более или менее защищенным.

В-третьих, выпускник получает престижное и востребованное ныне юридическое образование. После гарантированного трудоустройства в органах внутренних дел (ОВД) и апробации полученных знаний, он, если захочет уйти из системы МВД, в отличие от окончивших иные учебные заведения, оказывается в более выгодном положении на рынке труда, как специалист.

Вузы МВД ведут подготовку лиц, составляющих профессиональное ядро данного социального института. Несмотря на прилагаемые усилия со стороны государства по подготовке личного состава, целый ряд факторов свидетельствует о том, что имеют место негативные социальные явления в кадровом обеспечении. Выросло количество уволенных с 4% (1991 г.) до 8% (1994 г.), число уволенных по собственному желанию составило в 1994 г. 44% относительно всех уволенных, а по негативным мотивам (разного рода служебным несоответствиям) 30,5%; что значительно больше, чем в предшествующие годы. Государство несет значительные затраты на подготовку специалистов для МВД, а использовать их по назначению не может из-за текучести кадров. Среди личного состава сократилась доля специалистов с высшим образованием с 29,5% до 27,7%, в том числе юристов с 12,7% до 9,3%. Возросло число молодых сотрудников в возрасте до 30 лет с 42% в 1991 г. до 48% в 1994 г., тех, кто имеет стаж работы меньше 3-х лет – более чем в 2 раза, притом, число кадровых работников со сроком службы более 10 лет сократилось на 12% (с 37% в 1991 г. до 25% в 1994 г.). Такое состояние резко обострило проблему передачи профессиональных знаний, навыков, опыта, преемственности традиций [1].

Итак, существует противоречие между требованиями системы МВД к ее сотрудникам и тем, как эти требования удовлетворяются. В силу не эквивалентности усилий и средств (физических, эмоциональных, психических, умственных), которые затрачивает сотрудник при выполнении предписанных требований и той доли социальных благ и гарантий, которые предоставляет ему общество как компенсацию за выполнение своих обязанностей, наблюдается отток из системы и выбор иной сферы занятости, где меньше нагрузки и больше вознаграждение. Этот процесс болезненно переживается как социальным институтом так и конкретным работником. Именно поэтому изучение мотиваций абитуриентов при поступлении на учебу, степени устойчивости желания работать в данной системе, ожиданий от будущей службы наиболее приемлемого карьерного пути может помочь в подборе кадров, отвечающих требованиям системы, с другой стороны получение дополнительной информации о положении дел в МВД поможет поступающим в вуз избежать ошибок.

В 1997 году было проведено социологическое исследование проблем профессиональной ориентации курсантов 2-4 курсов всех факультетов Университета внутренних дел¹. Анализ информации показал высокую устойчивость профессионального выбора. Следует отметить, что решение о поступлении в учебные заведения этого типа принимаются не позже чем за полгода до вступительных экзаменов (С этого времени необходимо начинать оформление документов, проходить проверку и специальную медкомиссию) и есть время подумать о правильности выбора, поэтому случайных людей практически нет. При ответе на вопрос: "Поступили бы Вы вновь в данное учебное заведение?", 62% респондентов ответили однозначно "да", 18,5% скорее "да", чем "нет". Таким образом, около 81% опрошенных считают выбранный профессиональный путь верным. Сомневаются в нем 8,7% курсантов. При осуществлении более длительных прогнозов курсанты более осторожны. Лишь 45% из них рассматривают свой профессиональный выбор, как окончательный, на всю жизнь, 40% затрудняются сказать что-либо определенное, и это понятно. На наших глазах происходят изменения во всех сферах жизни, растет неуверенность в завтрашнем дне. Следует особо отметить, что среди тех курсантов, кто имеет или имели родственников, связавших свою жизнь с милицией, устойчивость профессионального выбора несколько выше.

Все вышеназванное касается как бы прогнозируемого поведения. В целом же эмоциональный фон, настрой на будущую работу проявляется при ответе на вопрос: "Довольны ли Вы выбором своей профессии?" 59,9% респондентов довольны и считают ее

¹ Исследование на тему "Социальный портрет курсантов высшего учебного заведения в системе МВД" (рук. – проф. Соболев В.А.) проведено при участии автор, выборка репрезентативная (n = 400).

наилучшей для себя; 37% — довольны, но не считают ее наилучшей для себя; 2% — не довольны, но не намерены ее менять; и 1% — не довольны и намерены ее менять. Итак, эмоциональный настрой благожелателен, и это может быть залогом устойчивого интереса к профессии и успешной учебы.

В жизни не все происходит так, как планируется и как хотелось бы и приходится корректировать жизненные планы. Перед прохождением какого-либо испытания, в частности вступительного экзамена, абитуриентом строятся планы на будущее, как при приеме на учебу, так и в случае провала на экзаменах. Так около 39% курсантов из числа ответивших на вопрос "Если бы случилось так, что Вы не поступили бы на учебу в УнВД?" ответили, что "все равно выбрали бы сходную профессию". Из них 13,8% — пошли бы работать в милицию, пожарную охрану, и вновь бы поступали на учебу (т.е. идет устойчивая ориентация на данную профессию); 26% — все равно бы стремились к получению юридического образования. В этом случае акцент делается на получение престижного образования и на содержание труда.

Изучая устойчивость профессионального выбора и эмоциональный настрой, следует обратить внимание на мотивы поступления в данное учебное заведение, планы на будущее, аргументы выбора той или иной профессии и тех ожиданий, которые связывает с ней человек.

Говоря о цели поступления в Университет внутренних дел, 59,6% респондентов отметили, что надеются по окончании учебы получить престижную работу, 57,9% — повысить свой уровень знаний, эрудицию. Престиж профессии является отражением социального положения, облика и образа жизни представителей определенных профессий, а также характеристики того или иного вида труда. Лишь 20% курсантов надеется получить высокооплачиваемую работу по окончании Университета. 43,1% опрошенных отметили, что поступили в данное учебное заведение для того, чтобы получить возможность сделать карьеру, 27,8% — с целью получения диплома. Это, конечно, не значит, что диплом является самоцелью учебы, а скорее свидетельство престижа высшего образования. 10,5% курсантов отметили, что одной из причин было стремление избежать армии.

Для прогнозирования текучести кадров среди младшего офицерского состава МВД, прошедшего подготовку через вузы данной системы, следует, на наш взгляд, еще в период учебы проводить пилотажные исследования относительно планов курсантов на будущее в тех службах, где они вероятнее всего будут работать. Так лишь 51,1% курсантов собираются после окончания учебы постоянно работать в МВД, 18% надеются, что после получения диплома они, поработав в ОВД, смогут перейти в прокуратуру. 12,5% курсантов хотели бы после окончания учебы уйти в коммерческие структуры, но трудиться в рамках полученной специальности, 7,8% собираются заняться вообще другим делом. И так, около 20% курсантов, обучающихся на бесплатном дневном отделении Университета ВД никак не связывают свое будущее со службой в ОВД. Проблема состоит в том, что эти ребята могли бы получать дипломы в других вузах, либо на контрактной основе и не надо было тратить государству средства на их обучение.

Таким образом, среди тех, кто планирует постоянно работать в МВД большинство (68,9%) поступили в Университет внутренних дел с целью получить престижную работу, 61% — повысить свой уровень знаний, эрудицию, и 44% — получить возможность сделать карьеру. Шансы на получение высокооплачиваемой работы оцениваются этими курсантами очень низко, лишь 16% надеется на это (возникает вопрос, что же лежит в основе престижа, если доход и уважение к представителям данной профессии оценивается низко? Не привлекает ли власть, сосредоточенная в руках?)

38,8% тех, кто пришел в УнВД чтобы получить высокооплачиваемую работу, надеются ее найти в коммерческих структурах, хотя планируют трудиться в рамках полученной специальности, и 16,7% согласны сменить специальность в надежде на более высокий заработок. Обе эти группы несколько ниже, по сравнению с теми, кто планирует остаться работать в системе МВД, оценивают значение полученных знаний (46,7% против 61,7%) и выше — сам факт получения диплома (46,7% против 23,5%).

Интересно, что уверенность в правильном профессиональном выборе и готовность его повторить значительно выше у тех, кто планирует связать свое будущее со службой в МВД или остаться работать в Университете. Среди тех, кто планирует остаться работать в Университете, 91,6% повторили бы свой профессиональный выбор, 87,3% тех, кто планирует в будущем работать в милиции, и 81,9% тех, кто надеется, прослужив определенное время, перейти в прокуратуру, сделали бы то же самое. Среди тех, кто планирует после окончания учебы уйти из МВД и заняться другим делом, таких – 61,3%. Не повторили бы свой выбор 6,4% тех, кто планирует работать в МВД, 8% тех, кто хотел бы уйти в прокуратуру; 22,6% тех, кто собирается работать в коммерческих структурах, по избранной специальности. Все это еще раз подтверждает, что не все обучающиеся в стенах вузов системы МВД будут служить в этой сфере, а около 20% курсантов, пришедших сюда с иными целями будут увольняться в первую очередь, увеличивая текучесть кадров.

Итак, жизненные планы большинства курсантов отвечают требованиям системы, однако, сталкиваясь с реальными жизненными ситуациями, они, безусловно, корректируются, и несмотря на устойчивость профессионального выбора возможно прогнозирование ситуации, при которой придется оставить службу, уволиться. Наиболее весомыми причинами, по которым может произойти увольнение, по мнению курсантов являются невысокая зарплата (для 47,4%) и отсутствие перспектив служебного роста (46,6%). Эти две причины связаны между собой и взаимно дополняют друг друга, поскольку зарплата напрямую зависит от звания, должности и выслуги лет. Падение уровня жизни коснулось и работающих в МВД, размеры зарплаты которых нельзя сравнивать с прожиточным минимумом и с доходами полиции в странах Европы. Все это усугубляется и нерегулярностью выплат зарплаты (это – как причину возможного увольнения – указали 23,8% курсантов). Иные профессиональные демотиваторы, такие как проблемы собственной безопасности, режим работы тревожат их меньше.

Чего ждут наши курсанты от своей будущей работы, как она, по их мнению, может отразиться на личной жизни? 48,9% ответили, что она поможет завязать новые знакомства, деловые связи, являться источником дополнительных доходов (это в первую очередь юридическое консультирование). В реальности все обстоит несколько иначе и особых преимуществ по сравнению с иными профессиями здесь нет. Как следствие – разочарование. 17,8% курсантов считают, что будущая работа может отрицательно сказаться на отношениях в семье и осложнит их (в первую очередь на них повлияет ненормированный рабочий день, проблемы личной безопасности и невысокий заработок). Тот факт, что в системе жизненных ценностей курсантов семья занимает второе место после здоровья, может привести к смене места работы в случае усиления семейного напряжения.

Устойчивость, осознанность профессионального выбора часто связывают с причинами личного характера. Факторный анализ позволил выделить пять групп основных факторов, обуславливающих профессиональный выбор.

Первую группу, генеральный фактор, можно охарактеризовать как адекватную профессиональную мотивацию на “дело”, на борьбу с преступностью, на то, чтобы приносить пользу людям, устанавливать справедливость. Это предполагает высокое чувство ответственности и соответствует личностным качествам. Этот фактор является ведущим для 22% респондентов.

Вторым фактором профессионального выбора является материальное благополучие и стабильность. В этом случае, профессия оценивается как относительно высокооплачиваемая, позволяющая несколько улучшить материальное положение и гарантирующая трудоустройство. Этот своеобразный материальный стимул является разновидностью ситуационной, внешней мотивации и характерен примерно для 10% респондентов.

Затем следует фактор семейного влияния: профессия выбрана родителями, позволяет продолжить семейную традицию, родители работают в МВД. Этот мотив является ведущим для 9,4% респондентов (конформизм).

Далее следует фактор престижа, определяющий положение человека в системе со-

циальных связей: "профессия позволит достичь высокого положения в обществе", "является престижной", "вызывает уважение людей", "позволяет расширить круг общения", "придает уверенность в себе". Основным они являются для 5,3% курсантов.

Последним выступает фактор, характеризующийся неявной антисоциальной направленностью, т.е. стремлением использовать свое служебное положение в личных целях (4,9%) ("возможность иметь оружие", профессия "позволяет помочь своим знакомым", "наделяет властными полномочиями").

Хотелось бы отметить, что первый фактор (группу мотивов) часто называют сильной мотивацией и рассматривают ее как наиболее устойчивый интерес к профессии под влиянием "идейных" соображений, главным из которых выступает интерес к работе. Однако это нельзя трактовать однозначно, необходимо учитывать взаимодействие различных мотивов, ведь такие факторы как высокая оплата или престиж могут превратиться в устойчивые мотиваторы, сформировать интерес к профессии, в то время как "мечтал в детстве" нередко становится неустойчивым под влиянием тяжелых условий труда. Часто разочарование романтично настроенных молодых людей является результатом крушения мифов о высоких и чистых идеалах, которые якобы реализуются в данной профессии. На самом деле работа в силовых структурах является в большинстве случаев "черной" и неблагоприятной. И в этом случае интерес молодых специалистов, формирующийся на основе мотивов высокого уровня, не всегда становится устойчивым, о чем свидетельствует высокая текучесть кадров, низкая заинтересованность в результатах труда, в целом неполная и малая социализация личности в названную структуру и как ее разновидность – криминализация определенной части социально-профессиональной группы. Причина этого – несоответствие ожидаемого (идеальных планов будущего специалиста) реальным условиям и характеру деятельности в МВД. В связи с этим принятие решения о профессиональном выборе и планировании жизненных целей должно базироваться на знании специфики работы в системе МВД и особенностях социального положения работника милиции. Для системы более благоприятно и оправдано обучение лиц, уже проработавших определенное время в милиции. С этой целью возможно проведение ознакомительной практики на более ранних этапах обучения с одной стороны, предоставление информации о реальном положении дел в милиции, более тщательный отбор кандидатов при поступлении в вузы и предоставление иных форм получения юридического образования для ребят, цель которых – получение юридического образования, а не работа в системе МВД.

Литература:

1. Текущий архив научно-исследовательской лаборатории "Социальная и психологическая работа в ОВД" Университета внутренних дел, 1991-1998.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

При исследовании профессиональной культуры как необходимого элемента духовного воспроизводства общества в одной из наиболее важных сфер его жизнедеятельности, мы должны обратиться к методологии изучения культуры вообще. Это вызвано тем, что методологические принципы, применяющиеся при изучении более масштабного явления, могут быть использованы на микроуровне при рассмотрении культуры одной из профессиональных групп общества.

Культура может формироваться на различных уровнях социальной реальности. В соответствии с этими уровнями различают культуру индивида, социальных групп, общностей, общества в целом [16, с. 551]. Профессиональная культура, как считает В.А.Лапшов, представляет собой "органический сплав квалификации и нравственности" [5, с. 99]. Ее можно трактовать также как "совокупность механизмов и средств, регулирующих, организуемых, координирующих и направляющих деятельность общественного субъекта на достижение определенных социально значимых целей" [12, с. 24], подразумевая под "механизмами" образование, как общее, так и профессиональное, квалификацию и опыт [16, с. 347-348].

С точки зрения социологии, основными подходами к изучению культуры являются позитивистский, аксиологический (ценностный), деятельностный, системный, символический, элитарный и структурно-функциональный. В рамках данной статьи нами будут освещены четыре из них, наиболее часто применяемые к анализу культуры: позитивистский, аксиологический, деятельностный и символический.

Первым исторически возникшим подходом к изучению культуры был позитивистский подход. Сущностью этого "модуса", как называет его К.С.Сарингулян, является трактовка культуры как "неприродной действительности в целом или какого-либо определенного ее фрагмента, стороны, проявления..." [11, с. 9]. Культура, таким образом, рассматривалась как социальный феномен, но акцентировалась ее "неестественность". Подобное противопоставление хотя и позволяло наметить границы объекта, однако, содержало проблему. Вместе с тем культура воспринималась как объективное явление, что немаловажно для ее научного толкования. К сожалению, дальнейшая работа с этим определением сторонников данной методологии свелась к перечислению характеристик, свойств, атрибутов, то есть к суммативным определениям культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, проводимым зачастую по интуитивным основаниям. С теоретической точки зрения ценность таких определений, возможно, не очень велика, но, тем не менее, аналитическое выделение элементов при исследовании социальных явлений неизбежно, поскольку позволяет подвергнуть теоретические построения эмпирической проверке, а также применять эти теории на практике.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что исторически данный подход был оправдан, но в современных условиях применение его к анализу культуры вообще и профессиональной культуры в частности нецелесообразно, поскольку лишает ее целостности, системности.

Основоположниками ценностного подхода к изучению культуры считаются представители Баденской школы – последователи И.Канта – В.Виндельбанд и Г.Риккерт. Согласно точке зрения неокантианцев, существует реальный, действительный мир и универсальные ценности. "Культура – это совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями".

тами, она есть совокупность этих ценностей" [10, с. 4]. Сами же ценности понимались как нечто априорное, трансцендентное. В. Виндельбанд, подобно Т. Гоббсу полагал, что они "могут быть извлечены из результатов исторической коллективной жизни рода" [2, с. 8]. Представителям неокантианского направления принадлежит также идея дифференциации ценностей-объектов и ценностей-идеалов, существующих лишь в рамках сознания.

В дальнейшем этот подход, хотя и несколько модифицированный, использовали культурантропологи А. Кребер и К. Клакхон. В отличие от неокантианцев, американские ученые трактовали ценности как социологические категории, — надиндивидуализированные феномены, объективность которых заключается в их общепризнанности (стереотипности), — и выдвигали их в качестве основных элементов культуры.

Приверженцем ценностного подхода, близким по духу к неокантианцам, был представитель грузинской советской философской школы Н.З. Чавчавадзе. "Под культурой, — писал он, — я буду подразумевать единство всего того, в чем воплощены, реализованы ценности, признаваемые людьми (человеком, группой, классом, нацией...)". Культура, по его мнению, "отличается... своей ориентированностью на мир ценностей, своим акцентированием ценного, идеального, духовного, воплощающегося в процессе человеческой деятельности" [14, с. 15]. Особенность толкования этим автором ценностных представлений о культуре заключалась в наполнении им этих ценностей гуманистическим содержанием, в отличие от трансцендентализма Г. Риккерта и В. Виндельбанда.

С философской точки зрения такой подход прогрессивен, поскольку позволяет рассматривать культуру как функцию развития человека как такового, его специфической черты — человечности. Однако с позиции применения в области социологических исследований он "грешит" некоторой предопределенностью в характеристике культуры, приписыванием ей изначально гуманистических черт, а потому не может претендовать на объективность.

Одним из ярких мыслителей, исследовавших аксиологическую проблематику, был немецкий философ и социолог М. Шелер. В его аксиологии ценности интерпретируются как объективные качественные феномены, предписывающие человеку нормы должностования и оценок и образующие особое "царство" трансцендентных эмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности [15, с. 381]. Таким образом, он доказывает абсолютную независимость ценностей, с одной стороны, от предметов-носителей, а, с другой, — от субъекта, его потребностей и интересов. Применение этой концепции к анализу профессиональной культуры, на наш взгляд, является невозможным, поскольку, с одной стороны, приводит к анализу неких трансценденций, относящихся к области запредельного. А во-вторых, само понятие профессиональной культуры является с позиций этой теории неправомерным в силу субъективизма и релятивизма последней.

В целом, по мнению К.С. Сарингуляна, в этом ключе культура осмысливается как критерий оценки человеческой действительности: "... понятие культура мыслится как обозначение не реальных ... действительности как таковых, а меры воплощения в них тех или иных ценностей, преломляющих в себе интересы совершенствования, прогресса человеческого общества и личности" [11, с. 9]. "Теория культуры, — отмечает он далее, — строящаяся на аксиологических предпосылках, обречена на рассуждения в духе абстрактного должностования и не в состоянии поэтому оказывать сколь-нибудь реальное воздействие на ход решения социально-управленческих задач в области культуры" [11, с. 20].

Следует заметить, что отмеченное указанным автором "должностование", развиваемое в рамках аксиологического подхода, не является, на наш взгляд, абстрактным, поскольку воплощает весьма конкретные ценности, присущие тому или иному обществу, его части, возникающие в онтогенезе данного общества и отображающие существенные стороны его жизнедеятельности.

Еще одним подходом, имеющим множество сторонников, является символический, или, согласно терминологии Н.З. Чавчавадзе, структурно-семиотический подход к культуре [14, с. 10]. Истоки большинства современных символических теорий, как и ценностной

методологии, восходят к И.Канту. Сторонником символической теории культуры был неокантианец Э.Кассирер. В построении своей теории он исходил из внебиологических качеств человека. Именно в них он видел возможность и причину возникновения культуры. Человек, полагал Э.Кассирер, не столько *homo sapiens*, сколько *homo symbolicum*. Культура вырабатывается человеком не как ответ на необходимость коммуникации, а как средство общения, взаимопонимания, она является элементом сознания и возникает в результате воображения, сознательного и бессознательного синтеза отраженных образов, воли, эмоций, интеллекта. Поэтому не вещи и не психологические факторы определяют культуру. "Человеческая культура получает свой особый характер и свои особые интеллектуальные и моральные ценности не от материала, из которого состоит, но из его формы, из его архитектурной структуры" [17, р. 56]. Вне сознания символы, знаки культуры теряют свое значение. Эта теория, по нашему мнению, сужает возможности исследовательского поиска, поскольку методологически предопределяет виды культуры вообще. Следуя ей, можно прийти к выводу, что отдельные субкультуры возникают вне связи с реальным окружением.

Последователями этого подхода выступают С.Лангер, Л.Уайт, К.Леви-Стросс, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, М.К.Петров, С.Лем, А.Моль, Н.Н.Талызина и др.

Теоретический анализ культуры одного из "классиков" этого направления К.Леви-Стросса сводится к тому, что сама культура понимается им как "система знаков, которая может быть понята, усвоена и переведена" [цит. по: 18, р. 142]. В понимании культуры он пошел дальше Э.Кассирера, обращая внимание не только на факт возникновения, создания культуры в ее разнообразных проявлениях, но и на необходимость ее распространения как между различными общностями, так и между поколениями. К.Леви-Стросс отрицает, что наличие культуры определяется существованием орудий труда. Главным признаком культуры является наличие системы знаков, переводимых на язык, доступный человеческому пониманию.

Теоретическая позиция К.Леви-Стросса позволяет отождествлять систему символов и культуру. Она дает возможность интерпретации символов в рамках сообществ, их разделяющих, и за их пределами, что несомненно может быть использовано при теоретической трактовке профессиональной культуры, а затем при выявлении ее эмпирических показателей.

Интерес представляет также оригинальная концепция культуры польского ученого С.Лема. Культура им трактуется как метаигра, то есть как деятельность, основанная на выборе наиболее выгодного поведения при столкновении противоречивых интересов [6]. Эта игра, которую человек ведет с природой по заданным ею правилам, "частично пуста, то есть не обладает физическим смыслом". Однако, если проанализировать правила таких игр, как прошлых, так и нынешних, то можно обнаружить некие константы, которые присутствуют везде и всегда. Именно они составляют "код культур", который регулирует человеческое поведение. Суть этой концепции очень хорошо подметили В.Е.Давидович и Ю.А.Жданов, указав, что она "опирается на идею люфта, зазора между природным и социальным" [3, с. 68]. Кроме того, если предположить, что "коды культур" существуют не только как национальные особенности, но и в отношении профессиональной деятельности, то их исследование с данных позиций все равно было бы невозможным. Это связано с тем, что группа факторов, специфических для каждой страны, оказывала бы влияние на результаты исследования профессиональной культуры столь значительное, что поставила бы их под сомнение.

В середине XX века в исследованиях культуры, как полагают Н.Р.Ставская, Э.И.Комарова и И.И.Булычев, на смену традиционному, суммативному толкованию приходит осмысление ее как самой деятельности [13, с. 32]. В рамках деятельностного подхода в одном из его направлений исследователи сосредотачиваются на внутреннем механизме самой деятельности (орудиях, способе, характере). Взгляд на культуру как специфический способ деятельности развивался такими учеными как Э.С.Маркарян, М.С.Каган, З.И.Файнбург, К.С.Сарингулян и др. Он получил название "технологически-деятельностного" подхода, поскольку выделяемый в качестве предмета анализа способ осуществления деятель-

ности понимался "максимально широко как обозначение не только субъектных, но и предметных воплощений... присущей... человеческим сообществам всеобщей технологии деятельности" [11, с. 36; 9]. Анализируя культуру в этом ракурсе, Э.С.Маркарян, помимо способа деятельности, выделял такие категории как субъекты деятельности и участки приложения деятельности, то есть сферы, "позволяющие установить, на что направлена человеческая деятельность, где она осуществляется" [9, с. 66]. Субъекты социальной деятельности могут иметь различный таксонометрический уровень: от отдельных индивидов до человечества в целом и выделяться по различным основаниям в качестве единого носителя тех или иных отношений социальной жизнедеятельности. Этот подход нашел отражение в рамках исследования профессиональной культуры в работах Г.Н.Соколовой и В.А.Лапшова.

Другим, более перспективным по мнению Н.Р.Ставской и ее коллег направлением, является рассмотрение культуры как показателя саморазвития, изменения самого человека, становления его в качестве творческой личности. Таким образом, полагают они, человек выступает по отношению к культуре и как объект влияния, и как субъект творчества. Последняя точка зрения, вслед за Ф.Ницше, разделяется представителями современной германской культурантропологической школы — Э.Ротхакером, М.Ландманом, Р.Литтом, А.Геленом, Э.Шпрангером, Э.Хенгстенбергом и др. В советской науке сторонниками этого направления были В.М.Межуев, Э.А.Баллер, Н.С.Злобин, Л.Н.Коган, А.И.Арнольдов и др.

При рассмотрении профессиональной культуры мы предполагаем более целесообразным использование ценностно-символического подхода. Этот подход позволяет нам, на наш взгляд, рассматривая культуру как некую данность, выделить ее специфику, сущностные элементы. Это не означает, что мы отвергаем деятельностный подход, который ассоциирует культуру с деятельностью, приравнивая ее к "технологии" деятельности, равно как и то, что мы отвергаем ее способность к саморазвитию. Именно деятельность формирует у человека устойчивые стереотипы поведения и мышления. Эксперименты американских социальных психологов Р.Фацио и М.Занни показали, что если установки являются результатом опыта, они скорее всего будут закреплены и начнут определять поступки [7, с. 15]. Поэтому именно деятельность лежит в основе создания, функционирования и передачи культуры. Тем не менее, поскольку социология сосредотачивается в основном на "социальной эффективности культуры, а не на ее внутреннем содержании" [1, с. 15], мы вынуждены обратиться к ценностному подходу, чтобы иметь возможность некоей нормативной базы для сравнения. Реальность, к которой относится культура, замечает В.А.Малахов, одновременно выступает и как одна из детерминант человеческого отношения к миру в целом, и как определенный образец, идеал, ориентир этого отношения. Таким образом, "саморазличенность "культуры вообще" и "подлинной культуры" является методологически оправданной". Поэтому адекватным, соответствующим природе феномена культуры, является "не отрешение от "аксиологических" представлений о ее подлинности, как якобы вводящих в заблуждение, а прояснение и углубление последних, преодоление их односторонности ..." [8, с. 9]. Совпадая во взглядах по этому вопросу с В.А.Малаховым, Н.В.Костенко и В.Л.Оссовский пишут: "...профессиональная деятельность программируется культурой профессии, ею задается "технология" профессиональной деятельности, включающая в себя ценности этой деятельности" [4, с. 23]. Другими словами, необходимо объективное обоснование фундаментальных ценностей на которых базируется культура, в том числе профессиональная, и изучение их реализации в деятельности.

Литература:

1. Артановский С.Н. Некоторые проблемы теории культуры. — Л.: ЛГИК, 1977. — 83 с.
2. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм, кн. 2. — М., 1910.
3. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. — Ростов-на-Дону, 1972.
4. Костенко Н.В., Оссовский В.Л. Ценности профессиональной деятельности. — К.: Наукова думка, 1986. — 151 с.

5. Лапшов В.А. Профессиональная культура будущего офицера // Социс. – 1995. – № 6. – С. 96-102.
6. Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. – 1969. – №8.
7. Майерс Д. Социальная психология. Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1996.
8. Малахов В.А. Культура и человеческая целостность. – К., Наукова думка, 1984. – 119 с.
9. Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуре. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1973. – 146 с.
10. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – В кн.: Культурология XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995.
11. Сарингулян К.С. Культура и регуляция деятельности. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1986. – 158 с.
12. Соколова Г.Н. Труд и профессиональная культура (опыт социологического исследования). – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.
13. Ставская Н.Р., Комарова Э.И., Булычев И.И. К проблеме соотношения категорий “культура” и “деятельность” / Сб. науч. тр. “Культура как целостное явление. Проблемы и методологии изучения”. – Л., 1983.
14. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценности. – Тбилиси: Мецниераба, 1984.
15. Чухина Л.А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. Послесловие в кн.: Шелер М. Избранные произведения / Под ред. Денежкина А.В. – М.: Гнозис, 1994. – С. 379-398.
16. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В.Осипова. – М., Изд-е ИСПИ РАН, 1995.
17. Cassirer E. An essay on man. – New York, 1956.
18. Charbonnier G. Rozmowy z Claude Levi-Straussem. – Warszawa, 1968.

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ (по материалам социологического исследования)

На протяжении последнего десятилетия регулярно обращаются к теме перехода Украины к рыночным отношениям.

Переход к рыночным отношениям возможен при осуществлении как минимум трех экономических условий: разгосударствления экономики и приватизации собственности; становления конкуренции; создания рыночной инфраструктуры, — и двух неэкономических: общественного согласия и радикального изменения экономического мышления.

Рыночные реформы самоценны не сами по себе. Рыночные реформы — это единственный способ привести гигантскую, неповоротливую машину тоталитарной экономики в соответствие с основными тенденциями развития цивилизованного общества, это единственный способ в относительно сжатые сроки повысить реальный уровень жизни людей, заложить основы экономического процветания будущих поколений.

Сами понятия “рынок”, “рыночная экономика”, “рыночные отношения” предполагают наличие субъекта этих новых процессов.

Главным субъектом новых экономических отношений, той социальной силой, которая будет инициировать реформы, должны стать и уже отчасти стали предприниматели — относительно новый для нашего общества тип людей.

Социальный механизм, лежащий в основе плановой экономики, основывался на концепции социальной защищенности экономически слабых групп населения. Переход к модели эффективной экономики предполагает, что главным направлением повышения социально-экономической активности должна быть не ликвидация малообеспеченности путем государственного субсидирования, а формирование экономически активного слоя населения, создание всевозможных условий, при которых люди сами могли бы заботиться о своем уровне жизни.

История отечественной социальной науки в советский период традиционно рассматривала фигуру предпринимателя лишь в негативном плане: как субъекта эксплуатации, как субъекта хищнического отношения к национальным ресурсам, экологии и т.п.

Кафедрой социологии труда и управления ХГУ было проведено масштабное комплексное исследование личности предпринимателя и особенностей восприятия населением предпринимательской деятельностью (Харьков, 1994-1996, n = 400). Объектом исследования выступали лица, занимающиеся постоянно предпринимательской деятельностью. Некоторые результаты этого исследования, касающиеся мотивов предпринимательской деятельности, были использованы в данной работе.

Как и следовало ожидать, доминирующим мотивом, определяющим стремление людей к занятию бизнесом, является стремление улучшить свое материальное положение: на этот фактор указало 74,7% опрошенных предпринимателей.

Вторую группу мотивов, теснейшим образом связанных между собой, составляют факторы, обусловленные наличием у людей таких потребностей, как самореализация, самовыражение, успех.

И, наконец, третью группу мотивов, в весьма незначительной мере стимулирующих предпринимательскую активность населения, составляют такие факторы, как “понимание важности предпринимательской деятельности для выхода Украины из кризиса”, “стремление оказывать влияние на государственную политику” и т.п.

Из таблицы видно, что тенденции оценки мотивов занятия предпринимательством среди самих бизнесменов и остальной части населения в целом совпадают. Вместе с тем привлекает внимание тот факт, что мотивы, отнесенные нами ко второй группе, по мнению основной части населения (не занимающейся бизнесом) играют существенно меньшую роль, чем в оценках самих бизнесменов. Важность же мотивов первой группы, связанных с удовлетворением витальных человеческих потребностей, в сознании основной массы населения явно гиперболизирована (различия статистически значимы).

Таблица 1

Факторы, побуждающие заниматься предпринимательской деятельностью (в % к массиву опрошенных)*

Побудительные факторы	Массив предпринимателей		Общий массив населения	
	%	ранг	%	ранг
1. Стремление улучшить материальное положение	74,7	1	92,2	1
2. Потребность в самореализации, творчестве	38,2	3-4	18,2	5
3. Стремление к самостоятельности, свободе	64,0	2	43,7	2
4. Понимание важности предпринимательской деятельности для выхода Украины из кризиса	6,5	5	5,4	7
5. Престижность занятия бизнесом	4,8	6	18,6	4
6. Стремление оказывать влияние на государственную политику, властные структуры	1,1	7	6,6	6
7. Желание иметь интересную, содержательную работу	38,2	3-4	21,0	3

*Сумма по столбцу превышает 100%, т.к. респонденты могли отметить до 3-х побудительных факторов.

Подобные расхождения оценок имеют, на наш взгляд, две основные причины:

- пока еще преобладает негативное отношение к предпринимателям большей части населения;
- отсутствие у большей части людей выраженных потребностей в свободе, самостоятельности, творчестве, самореализации, интересной и содержательной работе.

Если исходить из того, что людям, оценивая других, свойственно приписывать им собственные мотивы поведения, то отсутствие выраженных потребностей такого уровня, возможно, и является одним из главных препятствий мотивационного плана, мешающих населению преодолевать трудности, стоящие на пути начинающего бизнесмена.

Фактом, подтверждающим данную мысль, является жесткая устойчивая связь между стажем занятия бизнесом и представленностью в иерархии мотивов предпринимательской деятельности факторов, отнесенных нами ко 2-й группе.

Как показывает детерминационный анализ, верно не только то, что сформированность мотивов, отнесенных нами ко второй группе, позволяет успешно заниматься бизнесом, но и обратное: длительный стаж занятия предпринимательской деятельностью приводит к переstrukturированию иерархии мотивов и потребностей, в результате которой на первый план выходят потребности социального уровня.

О мотивах занятия предпринимательской деятельностью более глубоко позволяют судить не прямые вопросы о том, что побудило человека стать предпринимателем, а анализ системы жизненных ценностей, в значительной степени детерминирующей реальное поведение каждого конкретного индивида.

Выполняя главным образом сравнительную и нормативную функции система ценностных ориентаций личности актуализирует те или иные мотивы, запуская побудительный механизм человеческого поведения в случае расхождения реального положения с эталонным.

Какие же ценности являются наиболее важными для современных бизнесменов?

Уже первый взгляд на данные, приведенные в таблице 2, позволяет подтвердить сделанные ранее выводы: в число наиболее значимых для предпринимателей ценностей вошли такие, как независимость и свобода в своей деятельности, крепкая, дружная семья, материальная обеспеченность, уважение у окружающих, самореализация в профессиональной сфере и т.п.

Примечательным является и тот факт, что материальная обеспеченность как жизненная ценность уступает таким ценностям, как быть независимым и свободным в своей деятельности, иметь крепкую семью. Таким образом, наметившаяся в ходе предыдущего анализа гипотеза о том, что материальные факторы выступают в качестве мотива-стимула занятия предпринимательской деятельностью (внешнего побудительного стимула), а смыслообразующими мотивами (составляющими глубинные личностные структуры) занятия бизнесом выступают другие, связанные в первую очередь со вторичными (социальными) потребностями людей, находит свое косвенное подтверждение.

Таблица 2

Иерархия ценностных ориентаций предпринимателей

Жизненные ценности	Оценка в %			Индекс значимости	Ранг
	Важно	Не очень	Совершенно не важно		
1. Пользоваться уважением окружающих	77,1	20,7	2,2	1,749	4
2. Быть независимым и свободным в своей деятельности	89,0	10,4	0,6	1,884	1
3. Реализовать себя как организатора	51,6	32,4	11,5	1,446	8
4. Иметь престижную должность	29,4	36,7	33,9	0,955	12
5. Решать важные для общества проблемы	27,5	42,3	30,2	0,973	11
6. Заниматься благотворительной деятельностью	27,2	48,9	23,9	1,033	10
7. Реализовать себя как профессионала	73,8	15,9	10,3	1,635	5
8. Создать себе высокую деловую репутацию	69,1	25,0	4,9	1,632	6
9. Работать без перегрузок	27,4	39,7	32,9	0,945	13
10. Быть материально обеспеченным	78,5	20,4	1,1	1,774	3
11. Иметь полноценный отдых, развлечения	53,1	35,1	11,8	1,413	9
12. Иметь крепкую семью	85,6	13,3	1,1	1,845	2
13. Приобщаться к ценностям духовной культуры	58,6	31,3	10,1	1,485	7

Еще одним аргументом в пользу этой гипотезы может служить тот факт, что чем больше стаж занятия предпринимательской деятельностью, тем менее значимой оказывается

для респондентов такая жизненная ценность, как "быть материально обеспеченным человеком". Опускаясь все ниже в иерархии жизненных ценностей, она в сознании наших респондентов, занимающихся бизнесом свыше 3-х лет, уступает не только указанным выше ценностям, но и ценностям профессиональной карьеры. (Следует отметить, что стаж занятия предпринимательской деятельности не коррелирует напрямую с уровнем материальной обеспеченности респондентов, поэтому наиболее очевидная гипотеза о "насыщении" материальных потребностей в зависимости от стажа занятия бизнесом и снижения вследствие этого значимости материального фактора не подтвердилась).

И, наконец, третьим аргументом, подтверждающим высказанное положение, может служить факт тесной корреляционной связи между "материальной обеспеченностью" и "свободой, независимостью". Причем, детерминационный анализ свидетельствует о том, что материальный фактор в сознании опрошенных предпринимателей выступает как сопутствующий, как условие реализации таких ценностей, как свобода, независимость, профессиональный и личный успех.

Положение		Значимость фактора		Среднее значение	
2. Потребность в самореализации		38,2	3,4	18,2	5
3. Стремление к материальному благополучию		5,5	5	4,5	7
4. Потребность в уважении		4,5	5	6,81	6
5. Стремление к власти		1,1	7	6,6	6
6. Потребность в безопасности		11,7	20,3	1,1	7
7. Стремление к свободе		62,9	10,4	62,9	10,4
8. Стремление к независимости		62,9	10,4	62,9	10,4
9. Стремление к личному успеху		62,9	10,4	62,9	10,4
10. Стремление к профессиональному успеху		62,9	10,4	62,9	10,4
11. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
12. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
13. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
14. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
15. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
16. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
17. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
18. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
19. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
20. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
21. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
22. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
23. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
24. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
25. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
26. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
27. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
28. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
29. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
30. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
31. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
32. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
33. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
34. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
35. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
36. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
37. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
38. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
39. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
40. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
41. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
42. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
43. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
44. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
45. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4
46. Стремление к материальному благополучию		62,9	10,4	62,9	10,4
47. Стремление к уважению		62,9	10,4	62,9	10,4
48. Стремление к власти		62,9	10,4	62,9	10,4
49. Стремление к безопасности		62,9	10,4	62,9	10,4
50. Стремление к самореализации		62,9	10,4	62,9	10,4

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРИНЯТИЯ ПРЕСТУПНОГО ВЫБОРА МОЛОДЕЖЬЮ

Изучая проблемы современного общества, исследователи отмечают сильный всплеск уровня преступности. Объяснением этого с одной стороны является переживаемый сейчас период трансформации системы, с другой стороны – глобальное изменение криминологической ситуации во многих странах мира. По данным официальной статистики Европейского Сообщества Украина признана одной из наиболее криминализированных стран бывшего СССР. На фоне общего ухудшения криминологической обстановки происходит резкое увеличение числа преступлений, совершенных подростками.

Попытки понять природу подобных социальных отклонений предпринимались достаточно давно. В последнее время происходящие сдвиги сознания в сторону преступного выбора все чаще объясняются как следствие приверженности определенным культурным образцам. Особенно интенсивно развивается направление, исследующее принадлежность человека к определенным субкультурам, диктующим нормы и правила взаимоотношений внутри и вне социальной группы.

Данная работа рассматривает отклоняющееся поведение как решение социокультурных проблем посредством рационализации восприятия действительности. Теоретической основой данного подхода являются субкультурные теории таких представителей американской и британской социологической мысли как Альберт Кохен, Кловард и Охлин, Миллер, Мэйс, Даунс.

Работы Кохена имеют особое значение, поскольку основываются на стабильности доминирующей культуры, силе ее власти. Англо-саксонская протестантская культура отличается высокой соревновательностью, ориентацией на уровень жизни среднего класса. Все общественные процессы пронизаны духом общности. Существует своеобразный центр, предлагающий определенные стандарты жизни и способы их достижения. Противодействие выступает в качестве своеобразной реакции личности на чрезмерное давление доминирующей культуры. Мертон в своей теории называет подобные реакции конформизмом, инновацией, ритуализмом, ретретизмом и восстанием. Это наиболее популярные виды взаимодействия индивида с обществом.

В ситуации, когда разрушаются старые нормы, а новые еще не созданы, когда невозможно использование легальных средств для достижения поставленных жизненных целей, существует опасность того, что молодежь воспримет подобный культурный вакуум с целью создания нового вида взаимодействия с обществом. Можно предположить, что молодежь как наиболее мобильная социальная группа предпочтет инновацию в качестве самого приемлемого типа реагирования. Однако, опасность заключается в том, что в условиях духовного и социально-экономического кризиса в Украине, инновации не всегда базируются на тех ценностях, которые как правило определяют социальные позиции людей в цивилизованных обществах. Социокультурная обстановка в стране способствует восприятию ценностей культуры преступного мира. Особенно важным представляется сегодня рассмотрение данного вопроса в контексте проблем социализации молодежи.

Под социокультурной обусловленностью преступного выбора понимается та сложившаяся социально-экономическая обстановка в обществе, которая позволяет не только пользоваться плодами противоправного поведения, но и продуцирует своеобразное отношение населения к этому процессу. Социокультурная обстановка в обществе способствует заражению сознания молодых людей криминальными ценностными ориентациями.

Можно привести примеры того, как обстановка в обществе способствует вовлечению молодежи в преступный мир:

- заражение сознания молодежи наркотической субкультурой;
- высокий уровень безработицы среди молодежи;
- трудности в открытии и ведении собственного бизнеса;
- усугубляющийся конфликт представителей разных поколений, оказавшихся в жестких условиях трансформирующегося общества.

Социокультурная обстановка в обществе способствует заражению сознания молодых людей криминальными ценностными ориентациями. Трансформации в сознании, которые провоцируются указанными факторами приводят к возникновению своеобразной реакции со стороны молодежи к обществу:

- усиливающаяся роль техники нейтрализации. “Я сделал это для всех”. “Все так делают”;
- престижность и обманчивая романтичность криминального образа жизни;
- изменение понятия “успех”, успех базируется на высоких материальных стандартах;
- невосприятие ценностных ориентаций старшего поколения.

Наркотики можно рассматривать как одно из проявлений специфической реакции молодежи по отношению к обществу. Исследование “Молодежь и наркотики” (Харьков, 1997, n = 1000) показывает, что за период с 1995 по 1997 года количество попробовавших вкус наркотиков увеличилось на 12,6% [2]. Показатель зараженности сознания наркотической культурой возрос в 1,57 раза с 22,0 до 34,6% от общей численности учащейся молодежи. Исследование проводилось в положительной социальной среде, для которой характерно наличие целостной смысловой картины мира. Это среда учащейся молодежи. Именно эта социальная группа является опорой общества, его будущим. Ценностно-смысловая структура сознания учащейся молодежи должна иметь позитивно осмысленную основу. Здоровое молодое поколение отличается наличием функции контроля и прогнозирования действий.

Стремительное увеличение числа молодых людей, интересующихся наркокультурой свидетельствует об отсутствии защитной реакции или функции контролирующей и прогнозирующей последствия вхождения в эту субкультуру.

Если у человека слаборазвиты функции контроля и прогнозирования, то институты социализации должны взять на себя функции обучения. “Больное” украинское общество не способно претворить в жизнь эту программу. Опрошенным учащимся и студентам вузов отмечают игнорирование проблемы наркотиков преподавателями, работниками правоохранительных органов. Молодые люди осознают необходимость превентивных мер по борьбе с распространением наркотиков. В ходе исследования выяснилось, что наркотики находятся в пятерке наиболее острых национальных проблем.

В создавшейся ситуации культурного вакуума и социально-экономического хаоса, государство сложило с себя полномочия быть гарантом воспитания полноправных членов общества.

Литература:

1. Криміногенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. – К.: МВС України, 1997.
2. Молодежь и наркотики // Научный отчет по итогам социологического исследования. – Харьков: Университет Внутренних Дел, кафедра социологии, 1997.

СЕМЬЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ)

90-е годы можно назвать эпохой перемен, охвативших все сферы жизнедеятельности нашего общества: экономические, политические, социальные и др. Изменения в этих сферах оказались настолько сильны, что затронули такие инертные структуры, как общественное сознание.

“Большинство из этих перемен воспринимается и оценивается населением, политиками и обществоведами неоднозначно. Не вызывает разногласий толкований (лишь) снижение уровня жизни населения и обнищания значительной части людей, не сумевших адаптироваться к изменяющейся социальной действительности” [2].

В чем же истинная причина массового пессимизма и неудовлетворенности переменами в условиях жизни, если бытовые условия в сравнении с ностальгически воспринимаемым прошлым не только не ухудшились, но по многим показателям стали более благоприятными? [2]

Продолжая тему, начатую автором этих цитат, с которым нельзя не согласиться в том, что истинной причиной отрицательного отношения к переменам является установка семьи на достижение уверенности в завтрашнем дне, — остается лишь добавить, что эта семья пребывает в условиях хронического эмоционального стресса со всеми его негативными последствиями, повлиявшими на биосоциальные структуры.

И как в этих бесперспективных условиях можно мечтать, рассчитывать, планировать или действовать, готовясь к разочарованию, “не доверяя ни государственным, ни частным, ни даже личным денежным накоплениям?” [2]

Подобное состояние, приводящее к бездействию и желанию “плыть по течению”, называется пессимизмом, или “кризисом сознания”. То, к чему оно привело, можно увидеть лишь в результате анализа объективных данных — фактов о том, как “существует” наше население, живет или умирает, способно ли выполнять свои функции, разрушает или создает, женится или спивается...

Сценой, где развиваются события (и где их легче всего наблюдать), остается семья. Она “является основой всех социальных институтов и, говоря о развитии семьи, мы подразумеваем развитие общества в целом” [5]. Этот институт переживает сейчас глубокие изменения.

Не секрет, что семья уже не выполняет своих основных функций, предписанных ей природой и обществом. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные последних лет (1991-97) по Харьковской области [4; 7], которые будут приведены в тексте ниже. Их анализ позволил на примере нашего региона определить ряд тенденций в характере развития социально-демографических процессов периода трансформации общества. Они показывают, что начало коренных изменений приходится примерно на 1991-1992 годы (эпоха перемен).

По некоторым показателям (численность населения, уровень рождаемости и др.) изменения продолжают в настоящее время и, по-видимому, будут наблюдаться в будущем. Это, в первую очередь, касается показателей численности населения и состояния семей. С каждым годом численность населения сокращается, в среднем на 1%; в 1996 году она уменьшилась на 1,7%, а в 1997 — еще на 1%, и составила 3004001 человек. Естественный прирост населения, принявший в 1991 году отрицательное значение (-4577 человек), продолжает снижаться: в 1996 году он составил -53628 человек, а еще через год

– 307716 человек. Если такие темпы сохранятся, то через 30 лет от населения области останется лишь треть, а еще через 20 лет оно и вовсе исчезнет... Не заглядывая далеко в будущее, заметим, что уже в следующем году Харьковская область потеряет свой трехмиллионный статус.

По данным УГЦССМ, отрицательное значение естественного “прироста” населения в Украине достигло 309,5 тыс. чел., а прогнозы на 2026 год предсказывают сокращение удельного веса детей с 21,6% (в 1997 г.) до 16,8% и возрастание доли людей нетрудоспособного возраста с 22,6% до 30%. Таким образом, начиная с 2005 года, трудовой потенциал Украины начнет быстро уменьшаться, нарушится соотношение работающей молодежи и населения старших возрастных групп [3].

Такие неутешительные прогнозы вытекают из “функциональной недостаточности” современной семьи, неспособной восполнять естественные потери населения. Поскольку “основное назначение семьи – обеспечение социальной и культурной непрерывности развития общества” [6], – то можно с полным основанием говорить о невыполнении семьей своих основных функций.

При объяснении причин подобного явления в отечественной социологии высказываются два противоположных мнения. Одни [3] считают, что главная причина – “переход общества к рыночным отношениям, материальная необеспеченность семьи, резкое снижение прожиточного минимума в подавляющем большинстве (до 90%) молодых семей, повышение цен на товары детского ассортимента, незанятость значительного числа молодежи в системе общественного производства и т.п.” Другие, напротив, утверждают, что “по ряду важных показателей материальной обеспеченности современная семья живет лучше, чем в последние годы “развитого социализма” [2].

Для решения данного вопроса следует обратить внимание на два фактора: 1) миграционную активность и 2) высокие показатели смертности населения, – непосредственно связанные с такими основными функциями семьи, как коммуникативная, рекреативная, регулятивная, и лишь опосредовано – с репродуктивной и воспитательной.

Общая миграционная активность населения характеризуется высокими значениями, хотя имеет тенденцию к снижению. Наибольшее число уехавших из Харьковской области приходится на 1991-й год (78559 чел.), затем эти показатели снижались вплоть до конца 1995 года (57081 чел.)

1996-й год изменил тенденции предыдущего периода: число уехавших по области в целом возросло (на 6%), а в молодежной среде – сократилось (на 5%). Снова уменьшились миграции (на 8%) только в 1997 году, когда составили 53420 человек.

В 1991-1995 гг. наблюдалось возрастание уровня смертности: наибольший его рост (7,6%) приходится на 1993 год, когда смертность достигла 47780 человек. Рост продолжался еще два года. Только в 1995 году ушло из жизни более 50 тысяч человек, 1200 человек из которых – молодежь [4; 7].

Несомненно, подобная картина отражала нарушение процесса адаптации населения к изменяющимся стрессовым условиям жизни, поскольку сопровождалась глубокими изменениями в структуре семьи, потерявшей способность регулировать эти процессы.

Однако переходный период не может длиться вечно, и любая саморазвивающаяся система рано или поздно должна приспособиться и выжить. В 1996 году в процессах естественной смертности произошли позитивные изменения: уровень смертности по области сократился на 5%, а в молодежной среде – на 6%. 1997 год подтвердил эту тенденцию: значение указанного показателя по области снизилось еще на 1,8% (составив 47817 чел.) и приблизилось к уровню 1993 года. В молодежной среде уровень смертности сократился на 13,8%, составив 971 чел.¹

Естественная смертность и миграционная активность населения привели к тому, что только за 1991-1995 г.г. Харьковская область потеряла более 153828 человек, значитель-

¹ Заметим, что этот показатель ежегодно составлял более 1000 человек, кроме 1991 года (899 человек).

ную часть которых составила молодая и трудоспособная часть населения. Следует отметить, что вплоть до 1997 года показатели смертности и миграционной активности населения находились в обратной зависимости: увеличение показателей смертности сопровождалось снижением миграционной активности. По последним данным оба фактора приобрели тенденцию к снижению.

Таким образом, в динамике социальных процессов можно выделить период 1991-1995 годов, характеризующийся нарастанием социальной напряженности, и переломный 1996-й год, изменивший показатели предыдущих лет. 1997 год эти тенденции подтвердил.

Снижение миграционной активности населения на фоне сокращения уровня смертности может рассматриваться как позитивный момент. Однако если и наметился долгожданный перелом в негативной динамике социальных процессов, то даже предварительное суждение об этом можно будет составить лишь по данным 1998 года.

Позитивные изменения 1996-1997 годов, коснувшиеся ряда социальных процессов, не затронули воспроизводства населения и его численности, где важнейшим фактором является уровень рождаемости. Он продолжает сокращаться ускоренными темпами и давно не способен восполнять потери населения: его значения в 1996-1997 гг. ниже показателей уровня смертности в 2,2 раза (в России – в 1,7 раз).

Ежегодно число новорожденных сокращается более чем на 7%. Особенно резко сократилась рождаемость в период 1992-1993 гг. (когда возросло количество разводов): ее значения уменьшались в среднем на 10%; в 1994 году – еще на 8%. Только в 1995 году это снижение несколько притормозилось, составив 5%.

По данным Облстатуправления, на начало 1996 года среднестатистическая семья состояла из 2-3 человек. Примерно половина семей детей не имела, некоторые из них не планируют рождение ребенка и в будущем. При этом семей, состоящих из двух человек, т.е. не имеющих детей, по области – 45%; из трех человек – 30,5%; из четырех – 19,5%; из пяти и более – всего 4,9%, что обусловлено не только отсутствием репродуктивной, но и дисбалансом в структуре других важнейших функций большей половины семей.

В настоящее время уровень рождаемости продолжает сокращаться: в 1996 году – на 6%, а в 1997 году – еще на 5,1% (всего 22192 новорожденных).

Наиболее острой в этом смысле становится проблема планирования семьи и сохранения репродуктивного здоровья населения. Уровень аборт в Украине – один из самых высоких в мире и в 1,3–1,5 раз выше уровня рождаемости: в 1998 году он составил 51,3 на 1000 населения; при этом умирают от абортов 13% женщин в возрасте до 17 лет [3].

Для более подробного изучения причин сложившейся ситуации ХОЦССМ¹ в 1996 году провел социологическое исследование проблем молодой студенческой семьи. Опрашивались студенты, обучающиеся в харьковских вузах и имеющие семью. Опрос показал, что с рождением в семье ребенка у 46,3% студентов экономические условия ухудшились. Столько же респондентов (46,3%) не отметили каких-либо изменений, и только у 7% материальный статус улучшился (благодаря помощи родителей). Однако удовлетворены материально-бытовыми условиями только 6% семей; у остальных 94% он "оставляет желать лучшего".

Молодые семьи, как свидетельствуют результаты опроса, остро нуждаются в материальной помощи. При этом 88% студенческих семей ее получают от родителей, 9% не имеют такой возможности и 3% в помощи не нуждаются. Как указало большинство студентов, в основном женщин, материально-экономические трудности часто становятся причиной семейных конфликтов и даже разводов.

Еще в 1995 году в поисках работы некоторые молодые семьи из города переехали в сельскую местность, где им было легче обеспечить себя продуктами питания, получить поддержку родителей и т.д. Сокращение численности сельского населения в то время происходило не такими быстрыми темпами: на 0,4%, в городе – на 1,3%.

¹ ХОЦССМ – Харьковский областной центр социальных служб для молодежи (Руководитель: директор центра Селиванова Л.Н. и отв. исполнитель – Савельева Н.О.).

Однако в 1996 году "акценты" поменялись: численность жителей села сократилась по сравнению с предыдущим годом уже на 1,3%, тогда как городского населения – на 1%, и тенденция миграции: городского населения в сельскую местность уступила место другой – большему сокращению численности жителей села.

В "переломном" 1996 году изменились также показатели численности и стабильности семьи. Если в 1992 году количество разводов составляло около 16 тысяч, то уже к 1995 году оно сократилось более, чем на 2 тысячи, затем сменилось небольшим их ростом в 1996 году (на 0,2%). Тогда на фоне резкого сокращения числа регистрируемых браков их удельный вес возрос, и на каждые три созданных семьи приходилось два развода.

Другая характерная для 1991-1995 г.г. тенденция роста численности семей в 1996 году не подтвердилась, т.к. было зарегистрировано всего 18237 браков, что на треть (32%) меньше показателей 1995 года (26833).

Всего за период 1991-1996 г.г. было создано 148931 семей, количество же разводов, которых за указанный период было зафиксировано 87877, составляет 59% от этого числа.¹ Тогда же сократилась численность вступившей в брак молодежи (на 35%), что наблюдается во всех ее возрастных группах.

Изменения в ориентации на создание семьи произошли в группе 16-19 лет, в основном среди девушек. Молодежь этого возраста не спешит регистрировать свои отношения с партнером. Однако, если в 1995 году число вступивших в брак уменьшилось по сравнению с 1994 г. на 35%, то в 1996 году оно сократилось на 2,3%: среди женщин – сократилось на 4,7%, тогда как число женатых мужчин возросло на 8,1%. Но теперь на 35% сократилось число молодежи 20-24 лет, вступившей в брак в 1996 году. Даже в группе 25-29-лет оно снизилось на 29%.

Следует отметить, что сокращение браков среди молодежи в целом в меньшей степени коснулось женщин (на 23%), чем мужчин (на 32%): исключение составляет молодежь младше 20 лет.

Столь резкое изменение отношения молодежи к заключению брака в 1996 году оказалось весьма неожиданным, но вполне оправданным социокультурным явлением. И здесь, по-видимому, сыграли определенную роль даже не столько социально-экономические, сколько такие психологические факторы, как состояние неопределенности, неуверенности и связанная с ним боязнь ответственности. Как это в дальнейшем отразится на уровне рождаемости, покажут данные 1998 года, которые вряд ли будут высокими.

В 1996-1997 г.г. подтвердилась тенденция сокращения количества разводов в молодежной среде, наметившаяся в прошлые годы. Если по региону в целом их количество несколько возросло (на 1,2%), то в молодежной среде снизилось – на 4,9%, а в 1997 году – на 4,5%. В разных возрастных группах молодежи этот процесс происходит неодинаково. Более всего (на 19,9%) уменьшилось количество разводов в группе 16-19 лет: на 7,2% – среди 20-24-летней молодежи и на 5,4% – в группе 25-29 лет, в основном среди женщин (на 8%).

В 1997 году социальная ситуация несколько улучшилась – количество разводов продолжает сокращаться на фоне роста числа регистрируемых браков по области в целом и, в частности, среди молодого населения. В молодежной среде число разводов продолжает сокращаться, по сравнению с 1996 годом (на 4,5%): среди мужчин – на 7,7% и среди женщин – на 1,8%.

На 15,8% увеличилось число вступившей в брак молодежи в 1997 году. При этом число замужних женщин выросло больше (на 15,8%), особенно 25-29 лет (на 25,1%). Теперь соотношение числа регистрируемых браков и разводов по области, в целом уже составляет 1,6, поскольку число браков возросло на 15,3%, а разводов – сократилось на 6,5%. По-видимому семья вновь обретает престиж.

¹ В настоящее время в США число разводов составляет 64%.

В динамике изменений браков и разводов последних семи лет можно увидеть некоторую периодичность. "Урожайными" на браки были нечетные 1991, 1993, 1995, 1997 годы, а "неурожайными" – четные 1992, 1994 и 1996 г.г.¹

Подобные процессы не так просто объяснить, поскольку они зависят от многих факторов: не только от расположения планет или силы электромагнитных колебаний. Существуют объективные социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на стабильность и престиж семьи.

Растущая с каждым годом безработица, возникающее у молодых людей чувство невосприимчивости, не способствуют стремлению молодой семьи иметь детей. Даже официальное оформление брака стало не всем "по карману". Расходы, связанные с этим мероприятием, по самым скромным подсчетам, превышают 150 гривен. Расходы же, связанные с рождением ребенка, по данным газеты "Деловой Харьков", значительно выше – от 500 грн. [8].

Еще в 1995 году число безработных семей в области достигло 9580. При этом 36,9% из общего числа незанятого населения – это молодежь 16-29 лет: 14,6% мужчин и 22,4% женщин. В 1996 и 1997 годах ситуация не улучшилась. Снижение жизненного уровня, неуверенность молодежи в завтрашнем дне и недостаточность правовых гарантий повлекли за собой целую цепь социальных перемен.

Из выше изложенного можно заключить, что ряд социальных показателей, характерных для периода 1991-1995 гг., в 1996 году резко изменил свои значения: уровень смертности и миграционной активности, количество регистрируемых браков и разводов; так что этот год можно назвать в каком-то смысле переломным.

1997 год усилил тенденции года предыдущего. Исключение составляет отрицательное отношение населения (и даже страх) к заключению брака в високосном году. Но, может быть, оно правомерно, ведь и разводов-то больше приходится на "четные", особенно на високосные годы.

Сохранили отрицательные значения прирост населения и уровень рождаемости. На фоне нежелания молодых семей иметь ребенка трудно делать оптимистические прогнозы относительно стабилизации численности населения.

Среди факторов описанных выше процессов, экономический (уровень жизни населения) – хотя и ведущий, но не единственный.² Кроме низкого уровня жизни большей части семей на негативные изменения социальных процессов влияет духовная сфера общества, особенно молодежи, в частности, социальное настроение, навеянное отсутствием определенности и уверенности в завтрашнем дне. Последнее тесно связано с дефицитом социальных или правовых, закрепленных в Законе, гарантий.

Литература:

1. Аргайл М. Психология счастья (пер. с англ.) – М., 1990.
2. Головаха Е.И. Трансформирующееся общество (опыт социологического мониторинга в Украине). – К., 1996.
3. Зайцева З.Г. Реалізація державної молодіжної політики у соціальній сфері в діяльності центрів ССМ по напрямку "Соціальна підтримка молоді сім'ї" // У збірнику "Соціальна робота з дітьми, молоддю, жінками, різними категоріями сімей (з досвіду роботи центрів соціальних служб для молоді України)" – К., 1998.
4. Молодь Харківщини (Соціальний паспорт молоді). – Харків, 1997.
5. Фролов С.С. Социология: Учебник для высших учебных заведений – М., 1998.
6. Якуба Е.А. Социология. Учебное пособие для студентов. – Харьков, 1996.
7. Текущий архив Харьковского областного статистического управления. 1991-1997.
8. Деловой Харьков. 3-9.08.1997.

¹ 1992 и 1996 гг. являются високосными.

² В исследованиях США и Великобритании было доказано, что фактор общей удовлетворенности не сводится к уровню благосостояния, а скорее зависит от социальных связей (особенно доверительно-го общения индивидов) [1].

UKRAINE FROM THE EYES OF AN AMERICAN SOCIOLOGIST¹

Introduction

I have been asked many times why I chose to come to Ukraine. Before I begin my formal presentation I would like to give some of my thoughts on that question. I came to Ukraine first as a sociologist and only secondarily as an American. Ukraine represents a new culture to me and as a sociologist I am interested in observing new and different social dynamics – to observe how a different culture answers the human problems of existence. Ukraine also represents a society in transition and it seems to me that any sociologist who takes the science seriously will be interested in the dynamics of social change that are evident here. Transitional societies are never very comfortable to live in but, nevertheless, they can offer new insights that can be invaluable to the development of sociology as a science to observers committed understanding social phenomena. The third reason that I came to Ukraine is that I believe that Ukrainian sociology is in a position to contribute significantly to the major ideas in sociological theory and practice. In other words I came to learn from Ukrainian sociology. As for being an American, I believe that all sociologists must strive to transcend their personal lives if they are to be successful scientists. Of course my American heritage will influence my sociology. On the other hand application of sociological principles allows me to transcend my Americanness. Science is international. When it becomes nationalistic it loses that sense of objectivity and skepticism that is at the base of all scientific advancement.

I've been in Ukraine about ten months now. It's interesting to me that for about the same amount of time Tocqueville was in America collecting the data that he used to write "Democracy in America." Ten months is also about the same amount of time that another Frenchman, Marquis de Custine traveled in Russia collecting data which resulted in a large volume called "The Empire of the Czar." It seems like not a long enough period of time to give any kind of deep analysis of the culture and yet it is enough time to form impressions, to form cultural impressions.

I want to say, as I talk to you today, the material that I present has not been collected empirically. I am presenting impressions that I have of Ukraine from observation. I cannot, in the time allotted, cover all of my impressions. But I want to talk about three things that I think reflect to a great extent, cultural phenomena in Ukraine.

There are three areas that I want to discuss with you calling upon my sociological background. First, I want to talk about "personal space," a concept developed extensively by Edward Hall. Second, I want to talk about primary and secondary groups. And third, I want to talk about Tonnies' concept of *Gemeinschaft* and *Gessellschaft*.

Personal Space

Let's take a look at personal space first. One of the things that happens when one travels to a new culture is that one gains insights into one's own culture as well as collecting impressions from the new culture.

Personal space is one of those areas that brought me both insights and impressions. In America personal space is about 45 to 65 centimeters or about an arm's length. So in public situations especially, and what are considered to be impersonal situations, Americans tend to keep each other at arms length. So that when they stand and talk they stand about arms length from each other. When they stand in line they stand one behind the other at about arms length. When they sit in a classroom or a meeting they sit approximately arms length from each other. And this amount of private or personal space is considered normal.

Слоан Пол (США) – доктор соціології, професор Американського християнського університету (м. Київ)

One of the very first things that I noticed about this culture was that personal space, as defined in the sociological tradition, is almost nonexistent. Space around individuals will most likely be filled. The first time I noticed this was in a state store in front of a display case. I stood back from the display case about 25 centimeters and I found, as I stood looking at the merchandise in the display case, that people stepped in front of me. If there was even as little as five or six centimeters between me and the counter somebody would come along and fit into that space. If that meant that they had to touch me and push me back they would do so. My first reaction was that I was being bumped and pushed around – that I was being treated very rudely, as an insignificant thing in somebody's way.

Even when people are not forced by space limitations they crowd into close physical proximity to each other. I was at the opera theater and when the performance ended I went to get my coat from the coat checking room. Everybody was crowded into the two meter space immediately in front of the counter even though there was a lot of uncrowded space beyond the two meter space. Everybody was touching, and everybody was pushing and bumping into each other right next to the counter. Standing two meters away from the counter there was plenty of room. So personal space, physical personal space, in Ukraine is very small.

The most graphic experience I have had of the Ukrainian definition of physical personal space (or the lack of it) has been the boarding of a trolleybus at a very busy trolleybus stop. Pushing, shoving, bumping and crowding are common behaviors boarding the trolleybus. At first I thought the behavior patterns were totally chaotic, that there were no social rules or etiquette involved. However, the longer I've observed "trolleybus loading" I see that it is a rule-governed situation. When people bump and shove each other they didn't do so aggressively, but rather to send a message that says "I am standing behind you or next to you and would you please see if you can move a little to help create more space."

And, of course, once on a crowded trolleybus personal space goes down to zero. I've noticed is that this crowdedness leads to desexualization and that it doesn't matter who is pushed up against who, whether it is a man or a woman. Even though I am very uncomfortable in those situations I haven't perceived discomfort on the part of Ukrainians as they push into very small spaces with others.

Babushkas seem to be the exception to the nonaggressive pushing, bumping and shoving. I have been literally shoved out of the trolleybus by a babushka swinging her elbows in a very aggressive manner from behind me getting onto an already overcrowded trolleybus and literally pushing me off the trolleybus.

The other dimension of personal space that I've observed has to do with where and how personal space is demanded and given. In Western cultures personal space is a physical concept so that people keep themselves physically at arm's length from each other. I perceive that personal space in Ukraine is more in the mental sphere than in the physical. It is a mental concept because people are reluctant to share opinions and ideas. They are very careful about what they talk about with whom. They don't readily open up their minds to each other. When people are talking, especially in formal situations, and even though they may be physically close to each other, there is a highly impersonal aspect to the conversational exchange. For example, there's less joking, there's less light talk, there's less bantering among store clerks and customers. There is a mental wall that exists between people here that is not usual, or not common, in Western culture.

In conclusion we can say that Ukrainians have no aversion to being very close physically. There is some depersonalization and desexualization that takes place in crowded public places where people are forced into physical contact. However, mental personal space, maintaining one's mental reserve – mental secrecy as it were – seems to me to be more significant in

The contents of this paper were presented as a lecture to the faculty of the Social Technology of the Sociological Faculty, Kharkiv State University where the author served as a Civic Education Project lecturer during 1995-1996 and will continue in that capacity during 1996-1997.

Ukrainian culture than physical space. People don't joke with people they don't know, strangers don't talk with each other even to carry on a light conversation. People don't speak to each other when they meet if they don't know each other.

There are social rules in all interactional behavior. I've become more aware of the rules governing boarding and riding on public transportation, for standing in line, for crowding up to a counter in a store, or for standing in line to buy bread. There are rules governing touching and crowding and pushing. I'm still trying to formulate in my mind the rules about mental space. I'm not sure that one can joke with a secretary, for example, or carry on a light conversation with somebody who is waiting at a trolleybus stop or in a waiting room at an office or at the railway station. I'm not sure what the rules are that govern mental private space although I'm sure I've broken those rules many times when I've asked personal questions – questions that would be normal for me to ask in America.

Work Groups as Primary Groups

The second concept I would like to talk about is primary and secondary groups. As you are no doubt familiar, this is a concept of Cooley's. Cooley distinguished between primary groups – groups where one is treated as a whole person, not treated as just a role that one is fulfilling. A secondary group is a more role oriented group where people are treated as segments of themselves so that members are identified and treated according to the role they are playing at the moment.

The area where this has been most evident in Ukrainian culture, because it is so different from my past experience, is in the workplace. I've noticed that Ukrainian culture differs from Western culture in the defining of the major primary group. In Western culture the major primary group is the nuclear family. A husband and a wife and their children tend to be the most important primary group to its members. The family group may include extended family relations but less so than in Ukraine. In Western culture a work group is a secondary group. When I go to work at the University I'm treated as a professor. It is as a professor that I'm evaluated. I am evaluated in terms of my teaching, how well I do my job, what I produce professionally. In the work group I am treated and treat others in the professorial role.

One thing I've noticed in Ukraine is that the work group is a primary group of major importance to its members. It is obvious that the work group, as a primary group, has more importance, and takes precedence over, the family. If somebody has to choose whether to work or to spend time with family it is highly likely that work will take precedence. Primary groups have certain kinds of characteristics. Members support each other, cover for each other and protect each other. It is wrong to judge somebody in a primary group according to a specific role. As a matter of fact it would be considered almost immoral to report to a higher authority behavior that takes place within a primary group setting. In a primary group a member is accepted as a person above and beyond what they do or say, what they produce.

In America, in the work group, the work to be done is more important than the people doing the work. Members of work groups are given specific responsibilities to perform and it would cause great concern if those responsibilities were not fulfilled adequately. Evaluation within the work group is based on the completion of the responsibilities. The evaluation is very role-specific. If work group members do not adequately fulfill the responsibilities and expectations of the work role it would be highly likely they would be asked to leave that work group. Characteristics of members that fall outside of the work role, for example, the personal life of any member, are not legitimate criteria for evaluation. And, even though friendships exist within work groups, even that friendship tends to be very role specific and is not seen as taking precedence over work group relationships, nor precedence over primary relationships that exist outside the work group.

It has been my experience in Ukraine that one does not relate to work group members in terms of the work they do, or do not do. Members of work groups relate to each other based on primary group characteristics. The way work activity is carried out is based on more on tradition than on rational evaluation of how best to do the job. Tradition is very important –

a primary group characteristic. Evaluations are based more on primary group characteristics than on secondary group characteristics. Evaluation is based on the person as a whole. In a secondary group evaluation is based on how well one fills the work role. In a primary group evaluation is based on how well the member fits into the group, how loyal the member is to the group, how much the member supports the group leadership, how much the member submits to the group and doesn't challenge or question the group or its authority. All of these characteristics are important to primary relations but are not specifically centered on work. So it is very important that one be "liked" at work by coworkers. And ones friends tend to come from work. The people individuals spend their time with tend to come from work. People outside of the work group, be they customers, students, or other workers considered to be "lower" or "higher" are outsiders and treated as such. "Lower" work groups and their members are basically ignored, "higher" work groups and their members are treated with a traditional respect and subservience. It is seen as morally responsible to protect fellow work group members against these outsiders and primary relations take precedence over the secondary work relations.

To be in a complex social organization that is made up of smaller primary groups has sociological consequences on the personality of individuals, on the amount of work that will be done, on the work behavior and on the social institution as a whole. It also has specific consequences on evaluations in the work place. Whether one is doing a good job or not may not depend on the quality of work that one does but on the submission and conformity to the group that one displays.

Gemeinschaft and Gessellschaft

The third thing that I want to talk about very briefly is *Gemeinschaft* and *Gessellschaft* because the first two points that I discussed give us insight into *Gemeinschaft* and *Gessellschaft*. Tonnies theorized that a *Gemeinschaft* society is a society based on traditional authority, on positional status, on historical orientation, on traditional behavior and on conformity. *Gessellschaft*, on the other hand, is a society that is based on rule of law rather than tradition, on personal status rather than positional status, on future orientation rather than historical orientation and on personal rational calculation based on costs and rewards.

Although there are, of course, exceptions, Ukrainian culture seems to be closer to Tonnies' *Gemeinschaft* society whereas Western cultures more closely resemble the *Gessellschaft*. It has been my perception that in Ukraine historical tradition and rites play a significant role in personal identities as well as social and institutional structures. Status and power accrue to positions rather than to individuals. In other words, personal status and even personal worth depend on social roles one fulfills and acts out in day to day life. Status is a measure of what the individual means to the group rather than on personal characteristics. In a *Gemeinschaft* society group solidarity and individual conformity to the group are emphasized and individual differences are discouraged.

It seems to me that even "space" is owned by the group in Ukraine so there is less emphasis on personal space. The only part of the individual's life that can be free of group ownership is that part of the self that Mead labels as the "I". The "I" part of the self stands outside of, and analyzes, the social situation from a personal perspective. It could be this personal perspective that makes up "the mental personal space" within this culture. It is in this personal perspective, or "I" that we objectively assess, evaluate and critically analyze what is going on about us. The reflections of the "I" are very personal and not necessarily group oriented. So theoretically it makes sense that in a traditional society where the group is dominant over the individual and tradition is the dominant behavioral guide that personal space will be located in the "mental" rather than the "physical" world.

It also makes theoretical sense to me, drawing on Tonnies, that the work group is the major primary group. If personal worth and status is positional then to achieve worth and status an individual must seek a position that offers at least some level of worth and status. At the same time, since the group-member part of the self is of great importance, a group must

offer personal security and safety from the unpredictability of day to day life. It is the commitment of the whole person to the work group as primary group that allows the individual to fulfill both social and personal requirements. On the one hand he is a member of a group which gives meaning to life, personal worth and social status. On the other, the group offers personal security and safety. If the work group adequately fulfills all of these characteristics it, of course, will become the major primary group in the individuals social life.

Conclusion

A couple of concluding remarks. First a thought, perhaps a radical thought in today's socioeconomic environment. Capitalism is, by definition, based on personal effort and personal motivation. Status is conferred based on personal achievement. Theoretical capitalism argues that all of society will benefit from the personal striving of each of its members. If my understanding of Ukrainian society, based on preliminary reflections, is at least partly correct then the culture necessary for the development of a capitalistic type of economy is only in its earliest historical stages. So, it would be sociologically surprising for a Western type of economics to develop without a strong socialistic character. In short, economics based on rational calculation is a characteristic of *Gessellschaft*-type societies and different economic systems develop within *Gemeinschaft*-type societies.

Secondly, a thought about history. The cultural characteristics that I've mentioned in this paper are a result of a long history, not the result of the last seventy or eighty years. The future will be, to a greater or lesser extent, a continuation of that history impacted by imported cultural values. Ukrainian history will continue to be unique and future socioeconomic solutions will have to reflect that uniqueness to be successful. A *Gemeinschaft* type of society cannot become a *Gessellschaft* type of society overnight.

Lastly I want to point out that sociology is a science and as such it is not evaluative. To "see sociologically" is to see social dynamics in a given situation – to see "descriptively" and not "prescriptively." I have attempted to describe my perceptions of Ukrainian culture, I in no way am offering judgments about that culture. As a sociologist I won't make value judgments of the "right" or "wrong" way, nor prescribe what a society "should" be. Those value judgments are beyond the scope of sociology and are better left to philosophers and theologians.

Bibliography:

1. Cooley Ch.H. Social Organization. – New York: Scribner's, 1909.
2. Hall E.T. The Hidden Dimension – New York: Anchor Books, 1969.
3. Mead G.H. Mind, Self, and Society. / Ed. C. W. Morris. – Chicago: University of Chicago Press, 1934.
4. Tonnies F. Community and Society / Tr. by Charles Loomis – East Lansing, Michigan: Michigan State University Press, 1957.

OPEN SOCIETY: A SOCIAL POLICY MODEL FOR UKRAINE

Introduction

The concept of "open society" is fairly well known throughout the former Soviet Union. But, I suspect its meaning is not well understood nor often systematically followed out as an objective of social policy. This is unfortunate because the concept of open society provides a most stimulating and useful model for analyzing the post Soviet transition. It also provides the most promising set of values and goals from which to construct social policy. In this paper I will define and describe the open society model. In addition, I will define and describe two concepts which are fundamentally related to the model of open society. These concepts are "civic society," and "neo-liberal economy." My basic argument is going to be that open society is the most desirable model for policy initiatives now and for Ukraine's future, that its proper functioning depends on a wide range of civic institutions, and finally, that a neo-liberal economy is the most effective and efficient approach to take in reaching the optimum economic and social benefits which open society makes possible.

Open Society

The model of open society proceeds from the assumption of human fallibility. In social life all knowledge is perspectivistic. We can not learn the absolute or ultimate truth because we are reflexively involved in the construction of the social world we live in. In contrast, most societies throughout history and many even today typically derive their cohesion from shared beliefs that are considered absolute. But, modern societies, certainly those who wish to operate as democracies must recognize that their social systems derive from an interdependent form of cohesion where shared beliefs result from public debate and choice while learning from the results of experience. What I have just stated may now be described in greater detail.

Generally, people holding absolute forms of belief will, given the right circumstances, attempt to create a "closed society." The Austrian philosopher Karl Popper wrote about this phenomenon in his book *The Open Society and Its Enemies* published in 1945 (Soros, 1998, Ch. 5). He used the term closed society to describe totalitarian and theocratic societies where individual freedom of expression is repressed and the state is run as an oligarchy. Popper was writing especially about the Soviet Union, but it is not hard to find other examples as witness the most alarming cases of Iraq and Afghanistan, or North Korea and Cuba. Professor Popper wrote about the necessary corrective to such forms of totalitarianism referring to their opposite as "open societies." The well known philanthropist George Soros was one of Popper's students, who as we all know, began establishing his network of Open Society foundations within Eastern and Central Europe during the last years of the Soviet Union and has continued to generously fund a variety of projects and activities aimed at establishing and maintaining the culture and civic institutions which foster open societies; democracy, open markets, individual freedom, freedom of assembly and speech, and tolerance for the beliefs of others.

Civic Society

A major feature of the institutions necessary to establish an open society are those ideas and social arrangements commonly referred to as "civil or civic society." Civic society can be broadly defined as all the natural and voluntary associations that grow up around

Шеффер Мартін – доктор соціології, професор на запрошення соціологічного факультету Харківського держуніверситету за проектом С.Е.Р., 1998-1999 рр., заслужений професор соціології державного університету м.Бойзі (США) (e-mail: Kscheff@aol.com)

individual and group interests, and through which we express our interests and values outside of and distinct from the state. There can be an amazing variety of such associations – families, churches, schools, clubs, fraternal societies, neighborhood groups, professional associations, benevolent societies, labor unions and many more. Their distinguishing characteristic is that they are non-coercive. One of their principle functions is to mediate or provide a buffer between the individual and the state (Nisbet, 1966, pp 111-7). Their other main function is to stimulate the personal growth of individuals by connecting people together in socially productive activities which build good citizenship. Citizenship involves active participation in civic society.

The initial argument for the importance of civic society may be found in the traditionalist reaction to the tyranny and excesses of the French Revolution with its idea of the General Will, an idea which gave legitimacy to absolute political power and the features of a closed society. There was also the Declaration of the Rights of Man which clearly specified that “the source of all sovereignty is essentially in the nation; no body, no individual can exercise any authority that does not proceed from it in plain terms.” (Nisbet, *ibid*) Clearly this centralization of power removed the residual power of all intermediate authorities. The traditionalist reaction was to press for what we today call civic society. Somewhat later, the German philosopher Hegel, most eloquently described the need for associations which will give the individual security and form a buffer between him and the state. In his words, “the proper strength of the state lies in these associations. In them the executive meets with legitimate interests which it must respect, and since the administration cannot be other than helpful to such interests, the individual finds protection in the exercise of his rights and so links his private interest with the maintenance of the whole. The authority of these associations should be multiple, associative, functional and autonomous.” (Nisbet, *ibid*)

Unfortunately, the important role of civic society has not always been seen in a positive light. The French revolutionaries banned all public associations. In the USA, where civic society is considered to be most prominent, its existence has been severely handicapped as a result of the Progressive reforms beginning in the early 20th century and culminating in the fairly extensive welfare state of the 1960's and beyond. (Friedman and Friedman, 1988, Drucker, 1989, Ch 6, Joyce, 1993). The Progressives didn't trust free markets and civic associations to play a major role in providing goods and services or functioning to insure people's well being. They believed instead that the state could more effectively guide and stimulate the economy as well as act as parent, exhibiting benevolence while carrying out an ever expanding agenda of social engineering involving more forms of social insurance, benefits and services. This form of government intrusion, what some sociologists define as an essential and/or defining feature of modernity, severely reduced the arena in which civic society was allowed to function. The institutions of civic society are only now in the process of rebuilding as the United States scales back and decentralizes its welfare state. The point to be learned here is that big expansive government and a healthy and independent civic society are incompatible.

During this same period, the case for civic society fared even worse as Western Europe built its “cradle to grave” welfare states. While in the Soviet Union following the directives of Karl Marx, any trace of civic society was effectively eliminated. Taking his clue from the French philosopher, Rousseau who expressed much the same thought a hundred years earlier, Marx had written that “man as he is in civil society” is “an individual withdrawn behind his private interests and whims and separated from community” (Boaz, 1997, p 128). According to Marx, when people are truly free, they will see themselves as citizens of the whole political community, not of any particular group or association. Only then, and through the instrumentality of the state will they be able to achieve “the human essence which is the true collectivity of man”. (Boaz, *ibid*) Ironically, what Marx promised as freedom and community delivered only tyranny, atomization and docility.

Today, in one way or another western Europe, the United States, countries of the former Soviet Union, and developed nations throughout the world are in the process of rediscovering civic society, and implementing a broad range of social and political policies which will create

or restore the proper role of civic institutions in the development, maintenance and continuance of an open society. The immense upheavals of the past decade and the changes occurring in practically every part of the world, strongly suggest a convergence of opinion that open societies supported by civic institutions are vitally important in achieving the utilitarian value of the highest level of happiness for the most number of people.

In the meantime, the path to a fully operational open society will not be certain or easy for Russia, the republics of the former Soviet Union and certainly for Ukraine. New social policies need to be implemented, many involving the administration of public bodies, the actions of public officials, and the enforcement of constitutional provisions concerning human rights. These steps are fundamental to securing public acceptance for the institutionalization of open society. At the same time, a widespread and perverse cynicism must be acknowledged and overcome. The present often chaotic situation can not and must not be allowed to continue. One needn't be reminded that similar conditions, combined with the widespread repugnance for the idea of human fallibility led to war based on fascist nationalism and the belief that only personal will, struggle and the strong man would matter.

To those in Ukraine who think about civic society, it is seen almost exclusively in terms of non-governmental organizations (NGO's). Usually referred to as the "third sector," (as distinguished from state activities and private enterprises), NGO's are an important part of civic society. While providing an invaluable contribution in the transition to open society, NGO's at this stage of their development in Ukraine generally remain a creature of foreign funding entities, and their service approach to the public can sometimes be quite aloof. Most importantly, NGO's operate almost exclusively at the top of the pyramid of associations that make up a fully operational civic society. They thus remain quite remote from the general public imparting very little direct knowledge of their functions and even less opportunity for the public to experience civic associations for themselves.

More attention needs to be made to creating the broad associational foundation of the pyramid of civic society. Many NGO's contain mission statements which suggest that they are also thinking about and acting seriously to assist in developing this broad foundation. As an educator, I can think of several recommendations that would help students to gain direct experience in civic organizations. The expertise and financial resources of some NGO's could be of great help in developing some of these recommendations.

A comprehensive program to build good citizenship needs to be established in Ukraine's schools. Children must be taught not to fear individual expression of opinion. They need to be shown the value of getting involved in groups and associations and volunteering their time to help others less fortunate than themselves. High schools and universities need to be encouraged to make a serious effort to help develop and support a wide range of student groups, clubs and associations. Some of these could be built around academic interests, others around occupational preferences, hobbies and social activities. Still others could be primarily philanthropic in nature. Schools and universities could help by creating attractive physical space for their meetings and activities and could feature and advertise their existence in their official school and university publications and forums of communication with administrators, faculties and the public. Participation in these student led groups (teacher as advisor only!) would help to bring young people together, thereby reducing their isolation from one another while offering opportunities for personal growth and expression as well as public service.

Probably the most important effort I could recommend is the development of a fully comprehensive student government. This could be established at one major university as a model for other universities and later could function as a place of training for the development of student governments at the high school level. Student government provides a experiential textbook for young people to learn and practice the principles of citizenship and democratic government. They are also a training place for a future generation of effective politicians. Most importantly, these groups and associations can do more than anything I can suggest to reduce the current cynical and pessimistic attitude of many young people, while developing

their skills and directing their energies toward active participation in building a successful Ukraine.

Neo-liberal Economy

In this segment I need only to be brief. Much has been said and written here in Ukraine on the subject of market reform and western style economic systems. But there are many varieties of these economic systems. Some involve a strong government which plays a central role in economic matters and social services such as may be observed in the welfare states of Scandinavia and western Europe today. A second variety of economic thinking, usually referred to as neo-liberal, argues that government should have a smaller role. In this view it is not government's obligation to provide goods and services, but to see that they are provided. Neo-liberals argue that modern welfare state or social democratic economies dominated by big governments, no matter how attractive they may appear to be, will sooner or later, distort rational market operations, depress economic growth, produce social dependency among ever larger numbers of citizens and create a democracy handicapped by pressure groups and special interests. Worst of all, for the central theme of this paper, welfare state political economies may be counted upon to create an ever larger number of benefits and services along with a cadre of government paid professionals to administer and carry out these programs, thus crowding out a large portion of civic society by taking over its functions.

Conclusion

Open societies built on the principles of limited and decentralized government, neo-liberal economics and a large and vibrant civic sector will offer the best chance not only to grow the economy, but to meet the challenges of global markets, aging populations, the information revolution, and the demand for accountability from public servants. The next decades will be characterized by increasing diversity with different groups of people expecting and demanding different things. The job of government will grow much more difficult and people will become ever more frustrated unless ways are found which will allow government to scale back its responsibilities and hand over more of the work to civic groups, NGO's and organizations which can tailor benefits and services to individual need and choice.

Equally important to the development of open society will be the change which will take place in the mentality and outlook of people. Where formally they were clients of government, dependent, controlled, aware of their deficiencies and waiting for others to act on their behalf, they will now be able to think like citizens. Citizens understand their own problems in their own terms and believe in their capacity to act. Good clients make bad citizens. But good citizens will make strong nations composed of the many associations which constitute civic society. The record clearly demonstrates that scaling back government and opening space for civic institutions to flourish both invigorates social life, stimulates economic growth and produces the best opportunity for social harmony.

Bibliography:

1. Boaz D. *Libertarianism*, New York, Free Press, 1997.
2. Drucker, P. *The New Realities*, New York, Harper and Row, 1989.
3. Friedman M. and Friedman R. *The Tide in the Affairs of Men*, in A. Anderson and D. Bark, eds., *Thinking about America*, Stanford, CA, Hoover Institution, 1988.
4. Joyce M. *Philanthropy and Citizenship*, *Imprimis*, Vol. 22, #5 May, 1993.
5. Nisbet R. *The Sociological Tradition*, New York, Basic Books, 1966.
6. Soros G. *The Crisis of Global Capitalism*, New York, Public Affairs Press, 1998.

Юдочкин С.В.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Сегодня в научном сообществе преобладает взгляд на объяснение и понимание как на вполне самостоятельные, хотя и взаимосвязанные процедуры, присущие научному познанию. Действительно, хотя понимание является целью и результатом удачного объяснения, из этого еще не следует, что понимание имеет место только там, где имеет место объяснение [1]. Большинство ученых признает, что понимание представляет собой универсальную гносеологическую процедуру, не совпадающую с объяснением, а дополняющую его.

Обычно расхождение во взглядах на проблему соотношения объяснения и понимания вызывает вопрос об их роли, месте и границах их применимости в научном познании.

Объяснение традиционно рассматривается в научной литературе как рациональная процедура с четкой логической структурой. В то же время подчеркивается, что процесс понимания носит творческий характер, что препятствует его рациональной реконструкции. Вопрос о структуре объяснения и его роли в научном познании достаточно подробно освещен в современной литературе по логике и методологии науки [2; 3]. К сожалению, о проблеме понимания этого сказать нельзя. Несмотря на множество публикаций, посвященных проблеме понимания, многие стороны этого процесса все еще остаются нераскрытыми.

Объяснение можно определить как универсальный способ отношения к миру как к миру объектов, как к системе средств для достижения определенных целей, а понимание — как не менее универсальный способ отношения к миру, предполагающий не подчинение познанного и не господство над ним, а выявление в нем оснований отношения открытости, диалогичности. По мнению Э.Гидденса, сегодня все больше социологов предпочитают “понимающие” модели каузально-номотетическим, объяснительным.

Чем же не устраивают современных исследователей традиционные “объясняющие” модели и чем привлекают “понимающие”?

Чтобы ответить на этот вопрос, имеет смысл более четко показать различие между процедурами объяснения и понимания.

Дать объяснение какому-либо эмпирическому факту, значит найти такие общие законы или теории, из которых этот факт может быть выведен путем дедукции [4]. Таким образом, объяснение явлений заключается в демонстрации того, что они являются частными случаями общих законов и закономерностей. Социологическое объяснение обычно дается через ряд факторов, которые должны быть логически выведены из общего закона.

Основатели классической социологии О.Конт, Э.Дюркгейм и др. исходили из предположения, что человеческое поведение детерминировано в основном внешними причинами. Они утверждали, что социальный мир можно изучать “объективно”, применяя к нему научные процедуры, причем предполагалось, что существует единая логика науки, которой подчинены все области научного знания.

Позитивизм стал всеобщей практической идеологией социальных наук, а принятие социологами контовской идеи единообразия научного метода независимо от областей научного исследования привело к исключению “ненаучной” процедуры понимания из арсенала социологии. Главной процедурой социологического познания и Конт и Дюркгейм полагали объяснение.

Другим основанием разделения объяснения и понимания стал выдвинутый немецким историком Дройзенем и обоснованный Дильтеем тезис о методологическом дуализме, согласно которому объяснение реализуется в науках о природе, а в науках, имеющих дело с человеком, культурой и обществом требуются иные приемы, способные "схватывать" такие специфические составляющие человеческих действий как мотивы, цели, смыслы и т.п.

Эти приемы были объединены понятием "понимание", содержание которого постоянно трансформировалось, но ориентация на смысл и интенциональность сохранялась во всех интерпретациях.

Позитивизм и "понимающая социология" задали две противоположные программы развития социологии. Первая программа была наиболее четко сформулирована Э.Дюркгеймом, а вторая – М.Вебером.

И Дюркгейм, и Вебер стремились придать социологии статус науки, доказать, что социологическое знание может достичь уровня объективности, присущего научному знанию, но выбранные ими стратегии обоснования научности социологии были диаметрально противоположными.

Дюркгейм, принявший идею существования единой модели науки, соответственно полагал, что существует единственный способ "быть наукой". Следовательно, научные дисциплины отличаются друг от друга лишь разделением исследуемой территории, и социология как наука может быть легитимизирована, если будет найден до сих пор не известный "набор вещей", ожидающий научного анализа [5].

М.Вебер, воспринявший идеи Дильтея и Баденской школы неокантианства, полагал, что социология должна отличаться от естественных наук так же, как отличается исследуемая социологом социальная реальность от природной. Главное отличие человеческой реальности от мира природы, по мнению Вебера, заключается в том, что люди наделяют свои действия смыслом.

Если для Дюркгейма исходными "кирпичиками" социологической теории были "социальные факты", которые рассматривались им как "объективные вещи", независимые от отдельных индивидуумов, то в основе веберовской теории лежали "социальные действия", т.е. осмысленное, целерациональное поведение. Вебер считал, что человеческие действия надо прежде всего понять, а не объяснить. Как заметил З.Бауман, понимание у Вебера – не противопоставляется объяснению, а скорее является своеобразным способом объяснения определенных социальных фактов, которые можно не только обнаружить и описать, но и понять. Т.е. понимание у Вебера – это скорее объяснение посредством установления смысла, а не причины.

Можно заметить, что большинство социологических теорий (за исключением теорий, основанных на переосмыслении идей марксизма) воспроизводят на новом уровне одну из этих двух установок: "объяснить общество" и "понять общество".

По мнению Ю.Хабермаса, в основании различных направлений социологии, берущих свое начало в позитивизме, лежит так называемый "технически-манипулятивный" интерес. В соответствии с этим интересом само познание строится таким образом, чтобы его результаты могли быть использованы как инструменты для успешного контроля за социальной средой.

Социолог, работающий в рамках этой традиции, стремится открыть законы, управляющие общественной жизнью людей для того, чтобы добиваться эффективных результатов по управлению обществом, регулированию социальных процессов.

Очевидно, что эти всеобщие законы не применимы к отдельным людям, они используются для объяснения и предсказания поведения больших групп людей, социальных институтов, структур. Только в таком случае удастся рассматривать общество по аналогии с природой, как гигантский механизм, подчиняющийся объективным законам.

Позитивистская схема объяснения оставляет субъект за границами научного познания, отдельный индивид также исключается из этой схемы. Социальные процессы рас-

считаются как развивающиеся согласно своей собственной логике, а индивид вовлекается в это развитие и подчиняется этим законам. Мотивация поведения человека также считается внешней, навязанной структурами общества. Все внимание исследователей направляется на изучение порядков, общего, повторяемого, на условия устойчивости и равновесия, отдельный случай не играет какой-либо роли. Такая модель познания требует создания единой безальтернативной картины окружающего нас мира, которая может быть либо истинной, либо ошибочной, но не может быть иной. Универсальные законы, по мнению позитивистов, не конструируются, а существуют еще до познания и должны быть "открыты" исследователем.

Объективистский взгляд на социальную структуру полагает ее как данность, как нечто объективное и уже присущее социальному миру. Одним из следствий поиска объективных законов в обществе, которое все же создано человеком, является оправдание, легитимизация существующего положения дел. Т.е. поиск "объективных" причин, стоящих за наблюдаемыми явлениями, ведет к легитимизации сложившегося и во многом случайного порядка, делает его "объективным" и не зависимым от отдельного человека. Социология представляет человека винтиком машины, социальной структуры, которая задает ему направление действий и содержит ее моральное оправдание [6].

Смена научной картины мира, переход от классической к неклассической методологии изменили представление о социальной реальности. Если в рамках классической парадигмы действительность представлялась непротиворечивой, а ее законы — не зависящими от точки зрения исследователя, то неклассическая наука допускает возможность существования нескольких теоретических описаний одной и той же реальности.

Веру в то, что существует лишь один, классический тип рациональности сменяет представление о множественности форм рациональности, отрицается существование единственной "привилегированной" точки зрения, системы отсчета. Вторая половина XX века характеризуется нарастанием скорости и масштабов социальных изменений. Люди обнаружили, что многие процессы и явления, казавшиеся естественными, неизбежными и не поддающимися переменам, являются результатом человеческой активности и могут быть изменены. Таким образом меняется видение социальной реальности и места человека в ней.

Классический познавательный аппарат, исключивший из рассмотрения случайность, неопределенность, неравновесность, не соответствует нынешней установке на видение реальности как плюральной, нестабильной, поливариантной. Невозможность описать происходящие социальные изменения в рамках классических парадигм социологии заставила социологов осознать, что изучать устойчивые элементы необходимо, но нельзя надеяться, что анализ стабильных состояний даст ключ к пониманию социальных изменений. Все больше ученых утверждают, что не существует исторической предопределенности, а есть возможность выбора различного будущего, что настоящее можно рассматривать как процесс выбора возможного будущего.

В условиях такой познавательной ситуации на первое место выходит так называемый "герменевтический" (разъясняющий, понимающий) интерес. С этой точки зрения целью науки считается не столько открытие объективных закономерностей, позволяющих манипулировать обществом, сколько построение теорий, дающих возможность лучше понимать других людей, другие общества, исторические эпохи. Социологическое мышление все больше ориентируется на плюрализм, открытость, диалог, взаимопонимание, культурное посредничество. Как замечает П. Монсон, интерес к социальным фактам в связи с этим сдвигается от "объективно объясняемого к субъективно понимаемому" [7]. В результате такого смещения интереса на первый план выходят "понимающие" теории — символический интеракционизм, этнометодология, феноменологическая социология и др. близкие им подходы, которые пытаются понять "изнутри" субъективный мир человека и интерес субъективности всего социального мира и предлагают сначала наблюдать ситуацию, а лишь затем делать выводы о том, что происходит. В центре внимания таким образом оказывается

повседневное взаимодействие, не массовидное, как частный случай общего закона, а индивидуальное, требующее внимания к специфике отдельного случая. Из этой установки следует ориентация исследователей на понимание, на "мягкие" методы познания.

Все вышеперечисленные тенденции характерны не только для западной социологии, но и для отечественной. Украина переживает период трансформации и порождает нетрадиционные вопросы, на которые традиционная социология не может дать адекватных ответов. Обществу необходимы новые подходы, принципиально открытые для проблематики изменений.

Западная социология ответила на кризис объяснения попытками создать синтетические теории (П.Бурдье, Н.Луман, Э.Гидденс, Ю.Хабермас). Но применимость их концепций для анализа сегодняшних процессов на Украине многими социологами подвергается сомнению. Большинство социологов не удовлетворены существующими теориями, у них нередко не достает эмпирической информации, необходимой для полноценного использования количественных методов, они вынуждены ждать, пока изучаемый процесс наберет силу и проявится в статистически значимых показателях. Т.е. украинский социолог вынужден делать выбор между хроническим отставанием или необоснованными выводами [8]. Альтернативой подобному положению дел многие социологи в обществах переходного типа считают более широкое применение качественных методов, опирающихся на "понимающую" традицию и позволяющих более эффективно изучать принципиально новые, эмерджентные качества и свойства трансформирующегося социума.

Литература:

1. Уинч П. Идея социальной науки. — М.: Пирамида, 1996.
2. Никитин Л.П. Объяснение — функция науки. — М.: Наука, 1970.
3. Печенкин А.А. Объяснение как проблема методологии естествознания. — М.: Наука, 1989.
4. Нишанов В.К. Феномен понимания. — Ф.: Илим, 1990.
5. Бауман З. Мыслить социологически. — Н.: Аспект-Пресс, 1996.
6. Баразгова Е.С. Американская социология: традиции и современность. — Екатеринбург: Деловая книга, 1993.
7. Монсон П. Лодка на аллеях парка // Социс. — 1996. — № 5.
8. Социология — 4 М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ЦЕННОСТИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня западная философская, социологическая и политологическая мысль все чаще делает акцент на том факте, что современная цивилизация приблизилась к новому этапу своего развития. На смену индустриальному обществу приходит общество постмодерна, несущее качественно новые основополагающие ценности.

Постмодернизация наблюдается практически во всех сферах. Она затрагивает как экономическое и культурное развитие, так и политические институты.

Сдвиг к ценностям постмодерна необходимым своим основанием предполагает становление развитого индустриального общества. Именно в условиях экономически развитой социальной системы сам экономический рост, как таковой, перестает быть единственным показателем общественного прогресса. Вследствие этого происходит трансформация базовых ценностей. Когда индустриальное общество выполнило свою основную задачу — переход от состояния бедности к состоянию богатства, закономерно следуют коренные изменения в социально-экономических и социально-политических отношениях. Американский социолог Рональд Инглхарт в своей статье "Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества" характеризует эти процессы как "сдвиг от "материалистических" ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям "постматериальным", с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни" [1].

Происходит неприятие той материальной системы ценностей, не только терпимой к экономическому накоплению, но и поощрявшей его как нечто похвальное, открывшей путь капитализму и индустриализации. Эту систему ценностей рассмотрел Вебер в книге "Протестантская этика и дух капитализма".

В то же время, именно из-за достижения высокой "экономической безопасности", население развитых стран отдает приоритет уже совершенно иным ценностям. Инглхарт по этому поводу приводит следующее наблюдение: "В настоящее время функциональный эквивалент протестантской этики самым энергичным образом действует в Восточной Азии и сходит на нет в протестантской Европе, поскольку технологическое развитие и культурные перемены стали глобальными феноменами" [1].

Однако, говоря о культурном аспекте перехода к постмодернизму западные теоретики практически не упоминают о таком важном и принципиальном феномене индустриального общества как массовая культура. Ведь именно она выполняла и выполняет культурные функции при развитом капитализме. Можно даже сказать, что массовая культура является современным продолжением рационализма протестантской этики.

Итак, в то время, когда западные теоретики всюду приветствуют зарю нового этапа человеческой цивилизации, перебирая культурные "останки" индустриальной эпохи (дабы случайно не захватить ничего лишнего в "в светлое будущее"), когда весь просвещенный и сытый (!) мир говорит о грядущем обществе постмодерна с его демассификацией производства, приоритетом информации как доминирующей "вещественной" ценности, и, вследствие всего этого, — освобождением человеческой личности, творческой экспансией, гуманизацией всей системы общественных ценностей и т.д. Так вот, в то время, когда развитые западные страны действительно приближаются, к подобному культурному состоянию, в странах так называемого "постсоветского пространства" наблюдаются совершенно иные реалии.

Капитализм в этих странах, в частности в Украине, проходит не самый приглядный этап своего развития. О существовании какого-то передового индустриального общества не может быть и речи.

Несомненно, что одним из решающих факторов влияния на эффективность приживаемости и функционирования рыночных отношений в той или иной стране, является культура того общества, которое перестраивается на капиталистический лад, тем более, если подобная перестройка пришла с запозданием, лет так на 70, и осуществляется скорее искусственным путем, чем эволюционным.

Таким образом, если представить постсоветское общество в виде живого организма, то тогда капитализм (как особую социально-экономическую систему) можно сравнить с искусственным сердцем, которое пытаются поставить на место отжившего старого. Культура же, в таком случае, играет роль иммунной системы, от которой зависит, приживется это новое сердце или нет. Следуя этой аналогии, можно сказать, что массовая культура (как порождение и культурная основа капиталистических отношений) является неким лекарством, которое призвано устранить или сгладить негативную реакцию иммунной системы на новый орган, — сделать процесс приживаемости капитализма легким и безболезненным. Однако, у каждого лекарства есть свои плюсы и свои минусы (побочные эффекты). Чего же больше в массовой культуре, позитивного или негативного? Какими могут быть последствия ее распространения для культурного генезиса стран, только вступивших на путь формирования рыночных отношений? Для начала разберемся в основных чертах этого культурного явления, проследим условия и причины его формирования.

Феномен массовой культуры является логичным следствием развития современной цивилизации. Общество производства и потребления требует высокого уровня стандартизации, необходимого для эффективности его воспроизводства. В мире, в котором правят деньги, культурные барьеры между странами представляют собой препятствие в завоевании потребителя. Массовая культура позволяет их устранить, вырабатывая интегрирующие нормы и образцы поведения. В таких условиях характерным процессом является кризис личности как творческой единицы, так как она не вписывается в ту систему ценностей, которую предлагает массовая культура.

Массовая культура — это продукт рационалистических установок человека в условиях капиталистического общества. Признанный теоретик этих процессов — Макс Вебер — говорил о том, что универсальная рационализация всей жизни накладывает отпечаток на судьбу западной культуры. Еще в начале XX века Вебером описываются процессы, которые раскрывают суть формирования массовой культуры, хотя само это понятие еще не использовалось.

Еще один исследователь культурных последствий капитализма — Герберт Маркузе — в своей книге «Одномерный человек» делал особый акцент на веберовской идее превращения рациональности в иррациональность. Маркузе говорит об упадке культуры, о тотальной интеграции человека в общество, об его одномерности в поведении и мышлении.

Необходимо также остановиться на том факте, что помимо «материальных» причин распространения массовой культуры существуют также причины, кроющиеся в самой природе человека. Массовая культура не требует личностного выбора, что делает ее крайне не привлекательной для многих людей. В ней предлагаются определенные образцы поведения и мышления с помощью которых процесс социализации становится легким и безболезненным, устраняется страх перед одиночеством. Эту ситуацию ясно описал Э.Фромм в своем «Бегстве от свободы».

Итак, массовая культура является завершающим эволюционным звеном в развитии капиталистических отношений и индустриального общества, своеобразный генетический код, которого американский футуролог О.Тоффлер в книге «Третья волна» описал на основе шести взаимосвязанных принципов: «стандартизация», «специализация», «синхронизация», «концентрация», «максимизация» и «централизация». Как и всякая культура, массовая культура является особым способом функционирования и воспроизводства социаль-

ного бытия. Однако она имеет и свои характерные особенности, отражающие ее суть и предназначение. Во-первых, впервые в истории человеческой цивилизации единой культурой было объединено такое количество людей; впервые культура настолько космополитична. Вторая особенность, являясь одновременно и следствием и причиной первой, состоит в том, что впервые культура, ее пропаганда и распространение, становится столь выгодным бизнесом и привлекает к себе такие огромные капиталы. И, наконец, третья особенность, являющаяся самой существенной: впервые в человеческой истории социализация продуктов культуры осуществляется через их пассивное потребление, впервые культура не "творится", а именно "производится для потребления".

Сейчас распространение массовой культуры в постсоветских государствах идет полным ходом и степень ее приспособляемости к новым условиям достаточно высока. Вероятно, это следует из того факта, что, в принципе, сама идея существования массовой культуры для этих стран не нова. Советский строй также по сути опирался на подобную культурную систему.

В чем же заключается опасность распространения массовой культуры именно сегодня, когда западные страны переживают переход уже к совсем другим ценностям? Ведь можно предположить, что массовая культура как система ценностей индустриального общества — лишь один из этапов развития, через который прошли все современные развитые общества. Можно даже найти свои преимущества в этом культурном явлении.

Действительно, опыт США показал, что феномен массовой культуры чрезвычайно способствует укреплению государства, так как в обществе наблюдается относительно устойчивое культурно-идеологическое единство. На определенном этапе развития тоже можно было сказать и об СССР. Однако, история показала, что преимущество американского варианта состояло в том, что, как это не парадоксально, во главу угла ставились идеалы личной свободы, которые якобы достижимы в американском обществе. Таким образом у человека складывается иллюзия его независимости. Он не испытывает дискомфорта и, принимая ценности массовой культуры, считает это актом своего личного выбора. Советским же идеологам не хватило проницательности и знания человеческой природы.

Рассматривая этот пример нельзя забывать, что становление капитализма в Америке происходило "несколько" более "природным" способом, нежели у нас. Кроме того, нельзя забывать специфику американского общества, в котором возникновение некоторой "общей" культуры было единственной возможностью объединения. Мы же имеем следующую ситуацию.

Постсоветские государства переживают стадию становления капитализма и, соответственно, — распространения массовой культуры, что само по себе отбрасывает их в культурном развитии на много лет назад, по сравнению с остальным цивилизованным миром. Кроме того, отмирание многих "капиталистических" ценностей в развитых странах грозит простым огромным капиталовложениям, которые были сделаны в инфраструктуру массовой культуры. Можно предположить, что в скором времени сокращение рынка "там" будет компенсироваться развитием его "здесь". Это может привести к искусственному продуцированию массовой культуры, даже когда объективных условий ее распространения уже не будет.

Интересно то, что феномен массовой культуры характерен прежде всего для многонациональных государств. Массовая культура призвана стирать различия между нациями, их культурные особенности, что в конечном счете укрепляет государство. В национальных государствах такой необходимости не существует, так как интеграция общества осуществляется с помощью его собственной национальной культуры. На мой взгляд, этот факт может послужить разрешением проблемы деградации общества в ценностях массовой культуры для Украины. В отличие от "культурной группы" пассивно существующей в формах, данных ей логикой общественного развития, нация активно самоопределяется, выбирая для себя формы существования, например, государственность, и добиваясь ее воплощения в реальности. Развитие же личности в системе ценностей национальной культуры

поощряется и проходит намного свободнее. Чтобы поддерживать свое воспроизводство, свою индивидуальность, чтобы не слиться с другими культурами национальная культура должна способствовать укреплению своего творческого потенциала, что необходимо подразумевает развитие творческой личности. Нация не допустит, чтобы другие субъекты ее не заметили, в то время когда "культурная группа" может существовать латентно.

Таким образом, стимулирование национальной культуры является защитой от распространения ценностей массовой культуры, которая может стать серьезным препятствием в развитии украинского общества.

Литература:

1. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – №4.
2. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура. – М., 1985.
3. Корф Г. Критика теорий культуры Макса Вебера и Герберта Маркузе. – М.: Прогресс, 1975.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – №4.
5. Кудрявцев И. Е. "Национальное Я" и политический национализм // Полис. – 1997. – №2.
6. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. – 1997. – №2.
7. Ушаков С.А. "Мультикультурализм" по-русски, или о возможности педагогики постмодерна в России // Полис. – 1997. – №4.
8. Шапко В.Т. Феномен актуальной культуры // Социс. – 1997. – №10.

СОДЕРЖАНИЕ

Куценко О.Д. Социология: трансформация как ответ на глубинные изменения современного общества	7
Афонин Э.А. Украина-Европа-Мир: путем коэволюции	13
Сокурская Л.Г. Социальное самоопределение молодежи как предмет социологического исследования	17
Лисица Н.М. Функции социального института рекламы	22
Бакиров В.С., Кизилов А.И., Навроцкий А.И., Николаевский В.Н., Филинская Л.В. Приватизационные процессы в Украине: опыт анализа социального воздействия	28
Хижняк Л.М. Образ привлекательной трудовой организации в восприятии различных социальных групп	38
Думко Ф.К. Насилие в семье	42
Рущенко И.П. Преступление и преступность (методологические замечания)	48
Халтобик В.О. Общественное мнение в структуре социальной деятельности	56
Саппа Н.Н. Использование ядерной энергии: процесс институционализации	59
Николаевская А.М. Об использовании тестовых методик в социологических исследованиях	67
Лантух А.П. Религиозный маргинализм как один из уровней проявления маргинальности в современном обществе	71
Иванова О.Б. Трансформация социальной идентичности в современном украинском обществе	76
Евдокимова И.А. Основные подходы к риску в современной науке: к разработке социологической концепции риска	79
Кабачная О.В. К постановке проблемы коммуникационного конфликта	83
Кононов А.А. Некоторые аспекты соотношения рационального и иррационального в концепции постиндустриального общества	88
Мусиездов А.А. Повседневность как социологическая проблема	91
Сорока Ю.Г. Дискурс "власти" в представлении местного телевидения	95

Ковальчук Е.П., Рябинская Н.С. Опыт использования контент-анализа в изучении газетных публикаций накануне президентских выборов	98
Кириченко У.В. Избирательная система Украины: институциональные и политические эффекты	101
Заричковская М.В. Социологические аспекты рыночной трансформации экономики в Украине	106
Чернявская О.В. Социальная напряженность как общественная реакция на социальные изменения: анализ некоторых тенденций	109
Балабанова Н.В. Социальный диалог и социальная политика государства	115
Шейко Р.В. "Социальный статус": к вопросу о понятии	120
Чернецкая Т.Н. Проблемы развития средних классов в Украине	124
Шмачко В.Б. Незанятая молодежь на рынке труда	127
Болотоза В.А. Профессиональная идентификация личности как механизм социализации в сфере труда	130
Бондаренко Е.Б. "Класс профессионалов" в Украине: тенденции становления	134
Гринев С.А. Социокультурные модификации роли учителя	138
Ляшенко Н.А. Особенности профессиональной ориентации курсантов Университета внутренних дел	141
Максимова Н.Л. Методологические аспекты изучения профессиональной культуры	146
Дивульський Д.Е. Ценностно-мотивационная сфера сознания современного украинского предпринимателя (по материалам социологического исследования)	151
Марковская А.А. Социокультурная обусловленность принятия преступного выбора молодежью	155
Гордеева Н.О. Семья переходного периода (социальные изменения и функции современной семьи)	157
Слоан П. Украина глазами американского социолога	162
Шеффер М. Открытое общество: модель социальной политики для Украины	167
ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ:	
Юдочкин С.В. Объяснение и понимание в социологии	171
Ланюта В.И. Современное общественное развитие и ценности массовой культуры	175

CONTENTS

<i>Kutsenko O.D.</i> <i>SOCIOLOGY: TRANSFORMATION AS A RESPONSE TO IN-DEPTH CHANGES IN MODERN SOCIETY</i>	7
<i>Afonin E.A.</i> <i>UKRAINE-EUROPE-WORLD: FOLLOWING THE ROAD OF CO-EVOLUTION</i>	13
<i>Sokuryanskaya L.G.</i> <i>SOCIAL SELF-IDENTIFICATION OF THE YOUTH AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH</i>	17
<i>Lisitsa N.M.</i> <i>FUNCTIONS OF ADVERTISEMENT AS A SOCIAL INSTITUTION</i>	22
<i>Bakirov V.S., Kizilov A.I., Navrotsky A.I., Nikolaevskiy V.N., Filinskaya L.V.</i> <i>PRIVATIZATION PROCESSES IN UKRAINE: EXPERIENCE OF ANALYSIS OF SOCIAL IMPACT</i>	28
<i>Khizhnyak L.M.</i> <i>THE IMAGE OF ATTRACTIVE LABOR ORGANIZATION IN PERCEPTION OF VARIOUS SOCIAL GROUPS</i>	38
<i>Dumko F.K.</i> <i>VIOLENCE IN FAMILY</i>	42
<i>Rushenko I.P.</i> <i>CRIME AND CRIMINALITY (METHODOLOGICAL NOTES)</i>	48
<i>Khaltobin V.O.</i> <i>PUBLIC OPINION IN THE STRUCTURE OF SOCIAL ACTIVITY</i>	56
<i>Sappa N.N.</i> <i>UTILIZATION OF NUCLEAR ENERGY: PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION</i>	59
<i>Nikolayevskaya A.M.</i> <i>ON USING TESTING METHODS IN SOCIOLOGICAL STUDIES</i>	67
<i>Lantukh A.P.</i> <i>RELIGIOUS MARGINALISM AS ONE OF LEVELS OF MARGINALITY IN CONTEMPORARY SOCIETY</i>	71
<i>Ivanova O.B.</i> <i>TRANSFORMATION OF SOCIAL IDENTITY IN CONTEMPORARY UKRAINIAN SOCIETY</i>	76
<i>Yeudokimova I.A.</i> <i>MAJOR APPROACHES TO THE RISK IN CONTEMPORARY SCIENCE: TO THE WORKING OUT OF SOCIOLOGICAL CONCEPT OF RISK</i>	79
<i>Kabachnaya O.V.</i> <i>TO THE SETTING UP THE PROBLEM OF COMMUNICATION CONFLICT</i>	83
<i>Kononov A.A.</i> <i>CERTAIN ASPECTS OF CORRELATION BETWEEN RATIONAL AND IRRATIONAL IN THE CONCEPT OF POSTINDUSTRIAL SOCIETY</i>	88
<i>Musiezdov A.A.</i> <i>DAILY OCCURRENCE AS A SOCIOLOGICAL PROBLEM</i>	91
<i>Soroka Yu.G.</i> <i>DISCOURSE OF AUTHORITY IN PERCEPTION OF LOCAL TELEVISION</i>	95
<i>Kovalchuk E.P., Ryabinskaya N.S.</i> <i>EXPERIENCE OF USING CONTENT-ANALYSIS IN STUDY OF NEWSPAPER ARTICLES ON THE EYE OF PRESIDENTIAL ELECTIONS</i>	98

Kirienko U.V. ELECTORAL SYSTEM OF UKRAINE: INSTITUTIONAL AND POLITICAL EFFECTS	101
Zarichkovskaya M.V. SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MARKET TRANSFORMATION IN UKRAINE	106
Chernyavskaya O.V. SOCIAL TENSION AS A SOCIETAL REACTION TO SOCIAL CHANGES: ANALYSIS OF SEVERAL TRENDS	109
Balabanova N.V. SOCIAL DIALOGUE AND SOCIAL POLICY OF STATE	115
Sheiko P.V. "SOCIAL STATUS": TO THE QUESTION OF MEANING	120
Chernetskaya T.N. PROBLEMS OF MIDDLE CLASS DEVELOPMENT IN UKRAINE	124
Shmachko V.B. UNEMPLOYED YOUTH ON LABOR MARKET	127
Bolotova V.A. PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF PERSONALITY AS A MECHANISM OF SOCIALIZATION IN THE SPHERE OF LABOR	130
Bondarenko Ye.B. "CLASS OF 'PROFESSIONALS' IN UKRAINE: TRENDS OF DEVELOPMENT	134
Grinev S.A. SOCIO-CULTURAL MODIFICATIONS OF TEACHER'S ROLE	138
Lyashenko N.A. PECULIARITIES OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS OF THE UNIVERSITY OF INTERIOR AFFAIRS	141
Maksimova N.L. METHODOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL CULTURE STUDY	146
Divulskiy D.E. VALUE-MOTIVATION SPHERE OF THE CONSCIOUSNESS OF CONTEMPORARY UKRAINIAN ENTREPRENEUR (MATERIALS OF SOCIOLOGICAL STUDY)	151
Markovskaya A.A. SOCIO-CULTURAL CAUSE OF CRIMINAL CHOICE BY THE YOUTH	155
Gordeeva N.O. FAMILY OF TRANSITION PERIOD (SOCIAL CHANGES AND FUNCTIONS OF MODERN FAMILY)	157
Sloan P. UKRAINE FROM THE EYES OF AN AMERICAN SOCIOLOGIST	162
Scheffer M. OPEN SOCIETY: A SOCIAL POLICY MODEL FOR UKRAINE	167
THE FIRST PUBLICATIONS:	
Yudochkin S.V. EXPLANATION AND UNDERSTANDING IN SOCIOLOGY	171
Panyuta V.I. MODERN SOCIAL DEVELOPMENT AND VALUES OF MASS CULTURE	175

СОЦІОЛОГІЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖУНІВЕРСИТЕТУ

Адреса: Харків, 310002, вул. Мироносицька 1
Телефон: (0572) 45-73-72, 45-73-68, 14-14-08
E-mail: sociology@univer.kharkov.ua
Рівень акредитації: IV

Декан: Ніколаєвський Валерій Миколайович, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з навчальної роботи: Філінська Лариса Володимирівна, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з наукової роботи: Арбеніна Віра Леонідівна, канд. філос. наук, доцент.

Заступник декана з виховної роботи: Шмачко Вікторія Борисівна, викладач.

Студенти отримують підготовку за спеціальностями "соціологія" та "соціальна робота". На факультеті здійснюється також спеціалізація з політології. Факультет має денне та заочне відділення.

Професійна діяльність випускників факультету перш за все пов'язана з викладацькою та дослідницькою роботою у вузах та коледжах, ліцеях та гімназіях, соціологічних центрах, соціальних службах органів влади, центрах зайнятості, соціально-психологічних службах у збройних силах тощо. Вихованці факультету працюють також в галузі реклами та маркетингу, в пресі, на радіо та телебаченні, в органах державного управління та місцевого самоврядування.

Соціологічний факультет – один з наймолодших в Харківському державному університеті. Його історія нараховує менш 10 років. Хоча соціологічна освіта в нашому славетному вузі була започаткована ще до революції, напочатку ХХ сторіччя, лише через 70 років, вже наприкінці сторіччя університет став готувати соціологів-професіоналів. Спочатку, у 1980 році на базі економічного факультету було введено спеціалізацію з соціології, яка здійснювалась завдяки відкритій у тому ж році кафедрі соціології на чолі з професором Якубою О.О. Перший випуск за цією спеціалізацією відбувся у 1983 році. У 1988 році на економічному факультеті було відкрито відділення соціології, а у 1990 році засновано соціологічний факультет.

На денному та заочному відділеннях факультету навчається майже 500 студентів.

У складі факультету 4 кафедри:

– соціології – зав. кафедрою Якуба Олена Олександрівна, докт. філос. наук, професор; т.: 45-74-05;

– прикладної соціології – зав. кафедрою Бакіров Віль Савбанович, докт. соціол. наук, професор; т.: 45-72-37;

– соціології праці та управління – зав. кафедрою Андрущенко Аліса Іллінівна, канд. філос. наук, доцент; т.: 45-74-03;

– методики та техніки соціологічних досліджень – зав. кафедрою Кізілов Олександр Іванович, канд. соціол. наук, доцент; т.: 45-76-70

– лабораторія соціологічних досліджень – зав. лабораторією Арбеніна Віра Леонідівна, канд. філос. наук, ст. наук. співр; т.: 45-76-51.

Факультет має комп'ютерний клас, методичний кабінет, інформаційний центр (бібліотека та центр Internet).

Студенти-соціологи вивчають більше 50 різноманітних курсів, серед яких філософія, загальна та соціальна психологія, політологія, економічна теорія, математика, загальна соціологія, історія соціології, методологія та організація соціологічних досліджень, конфліктологія, політична соціологія, теорія та практика соціальної роботи, управлінське консультування, маркетинг, соціологія молоді, соціологія сім'ї, методи комп'ютерної обробки соціальної інформації та ін.

Найкращим студентам факультету присуджуються почесні стипендії імені всесвітньо відомих вчених М.Вебера та М.Ковалевського.

Соціологічний факультет має аспірантуру та докторантуру, де навчається 21 аспірант та 3 докторанти. На факультеті працює спеціалізована рада з захисту кандидатських та докторських дисертацій з соціології за трьома науковими спеціальностями: теорія та історія соціології, соціологія культури, науки та освіти, соціологія управління.

Науковий доробок факультету складають численні дослідження трансформаційних процесів в Україні, зокрема, змін у соціальній структурі нашого суспільства, проблеми розвитку вищої освіти, життєдіяльності студентської молоді, електоральної поведінки тощо.

СХІДНОУКРАЇНСЬКИЙ ФОНД СОЦІАЛЬНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Східноукраїнський Фонд соціальних досліджень створений за ініціативою соціологів, політологів, економістів, юристів Харківського державного університету та інших наукових закладів, представників ділових кіл, засобів масової інформації, органів місцевого самоврядування.

Основні напрямки діяльності Фонду:

- науковий аналіз, діагностика та прогнозування соціальних, політичних, економічних, екологічних, етнічних та інших проблем сходу України і сучасного українського суспільства в цілому;
- соціологічні, соціокультурні експертизи управлінських рішень, політичних, економічних, соціальних програм і проектів, проблем регіонального, муніципального менеджменту, менеджменту на рівні окремої фірми;
- політичний маркетинг, консультування, організація та інформаційне забезпечення виборчих кампаній;
- аналіз ринку засобів масової інформації та реклами;
- дослідження соціальних механізмів розвитку освіти, науки, культури;
- аналіз споживацької поведінки на ринку продовольчих та непродовольчих товарів;
- інформаційне забезпечення фінансово-економічної та інвестиційної діяльності;
- експертиза і корекція рівня соціальної напруги на підприємствах різних форм власності, управлінське консультування.

Дослідники Фонду за останні роки здійснили велику кількість проектів, в тому числі:

- Роль етнічних груп в формуванні Нової Європи (дослідження було проведене спільно з Інститутом міжнародної соціології, Італія, Горіція, 1992 р.);
- Споживацький ринок в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку (1995-1998 рр.);
- Вивчення інформаційного простору в Харкові (моніторинг рейтингу засобів масової інформації, 1995-1999 рр.);
- Місто та держава: проблеми, тривоги і надії городян сходу України (дослідження було проведене в десяти містах сходу України, 1995-1996 рр. спільно з Асоціацією міст України, дослідницьким інститутом RTI (США) та Американським Агенством міжнародного розвитку (USAID);
- Аналіз соціального впливу реструктуризації приватизованих підприємств в Україні (Моніторинг 1996-1998 рр., спільно з програмою Тасіс, англійською дослідницькою фірмою MORI);
- Експериментальний проект у галузі вугільної промисловості. Аналіз соціального впливу та моніторинг (1996-1997 рр., спільно зі Світовим Банком);
- Міжнародні школи молодих соціологів і дослідників у 1997 і 1998 роках (спільно з соціологічним факультетом Харківського держуніверситету при фінансовій підтримці Міжнародного Фонду "Відродження" та Інституту відкритого суспільства (Будапешт, Угорщина));
- Формування адаптаційних механізмів поведінки щодо умов сучасного життя у людей похилого віку (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");
- Оптимізація механізмів функціонування ринку праці в сучасній Україні (1999 р., дослідження за грантом Міжнародного Фонду "Відродження");
- Міжнародний науковий семінар "Особливості електоральної поведінки населення посткомуністичних країн Східної Європи" (1999 р., спільно з Фондом Фрідріха Еберта та Берлінським Науковим Центром соціальних досліджень (WZB, ФРН).

ВИМОГИ ДО АВТОРІВ:

- Статті до Віснику ХДУ "Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи" приймаються на дискеті 3,5" в текстовому редакторі *Microsoft Word*, обов'язково з роздрукованим примірником.
- Необхідно подати анотацію з коротким викладом основних положень статті українською, російською та англійською мовами (обсяг анотації – 7-10 рядків) та ключові слова до статті.
- Прізвище та ініціали автора вказуються на першій сторінці перед назвою статті. Відомості про автора (прізвище, ім'я, по-батькові, адреса, телефон, факс, e-mail, місце роботи, посада, наукове звання) слід додавати на супровідній додатковій сторінці.
- Кожна стаття повинна мати на першій сторінці номер УДК і ББК (бібліографічні показники).
- Автор не має права передавати в інші видання статтю, прийняту редакцією та ухваленою редакційною колегією до друку.
- Редакція зберігає за собою право скорочувати статті й правити мову статті.
- Статті за підписами авторів висловлюють їхні власні погляди, які можуть не збігатися з позицією редакційної колегії.
- Рукописи не рецензуються і не повертаються. Редакційна експертиза виконується винятково для внутрішнього користування.
- Вимоги до тексту:
- відступ першого рядку кожного абзацу робиться не "пропусками", а за допомогою "табулятора" або робиться автоматично через меню *Microsoft Word*;
 - відстань між словами – не більше 1 пропуску; зайві пропуски між словами небажані;
 - в тексті не повинно бути переносів.
- В кінці статті подається список літератури з послідовною нумерацією відповідно до розміщення їх у статті, а в тексті посилання на книгу або статтю оформлюється так:

[4, с. 52],

номер книги або статті
в списку літератури

номер сторінки

Якщо автор посилається на всю книгу або статтю без вказання сторінок, то вказується тільки номер джерела: [4].

Посилання на кілька джерел оформлюються так: [4, с. 52; 7, с. 63] або [4; 7].

1. Бібліографія оформлюється за таким стандартом:

Монографії, 1-3 автори:

Хижняк Л.М. Перетворення організації в умовах соціально-економічних змін. – Харків: Основа, 1999. – 272 с.

Меликов А.З., Пономаренко Л.А., Рюшин П.А. Математические модели. – К.: Техніка, 1991. – 263 с.

Монографії, 4 автори:

Основы создания гибких автоматизированных производств / Л.А.Пономаренко, Л.В.Адамович, В.Т.Музычук, А.Е.Гридасов / Под ред. Б.Б. Тимофеева. – К.: Техника, 1986. – 144 с.

Монографії, 5 та більше авторів:

Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины / Бакиров В.С., Кушнарев Е.П., Кизилов А.И. и др. / Под ред. В.С.Бакирова, Е.П.Кушнарева. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – 236 с.

Колективний автор:

Составление библиографического описания: Краткие правила / Междувед. каталогизац. комис. при Гос. б-ке СССР им. В.И.Ленина. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во "Кн. палата", 1991. – 224 с.

Багатомні видання:

История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. – М., 1982. – Т. 3: Расцвет реализма. – 876 с.

Перекладні видання:

Эрикссон Э.Г. Идентификация: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.

Збірки наукових праць:

Харьковские социологические чтения-98: Сб. науч. работ. – Харьков: ЦЭПП "Радар", 1998. – 499 с.

Складові частини книги:

Бакиров В.С. Горожане в мире политики // Город и государство: проблемы, тревоги, надежды горожан востока Украины. – Харьков: Форт Лтд, 1996. – С. 190-209.

Складові частини збірника:

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Семейная самоидентификация в кризисном обществе (Опыт использования техники семантического дифференциала) // Социальная идентификация личности. – М.: ИС РАН, 1993. – С. 84-106.

Складові частини журналу:

Прибиткова І.М. Зайнятість і ринок праці // Філософська і соціологічна думка. – 1995. – №7-8. – с. 57-80.

Тези доповідей:

Макеев С.А. Тенденции социальной дифференциации // Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. "Проблеми розвитку соціології на сучасному етап (теоретичні та методичні питання)". – К.: Ін-т соціології НАНУ. – 1994. – С. 28-30.

Збірник наукових праць

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 433'99

**Соціологічні дослідження сучасного суспільства:
методологія, теорія, методи**

Відповідальний редактор:
д-р соціол. н. проф. В.С.Бакіров

Підписано до друку 06.05.99. Формат 70X108/1/16. Гарнітура Антіква.
Друк офсетний. Умовних друк. арк. 13,1. Облік.-вид. арк. 14,5
Тираж 300 прим. Зак. № 2290. Ціна договірна. 6-64

ХДУ, Україна, 310077, Харків, пл. Свободи 4
Видавничий центр ХДУ.

Видання підготовлено за технічної підтримки
"Східноукраїнського Фонду соціальних досліджень"

Оригінал-макет: Н.К.Ходько

Надруковано у типографії ХВУ
Харків, пл. Свободи, 6